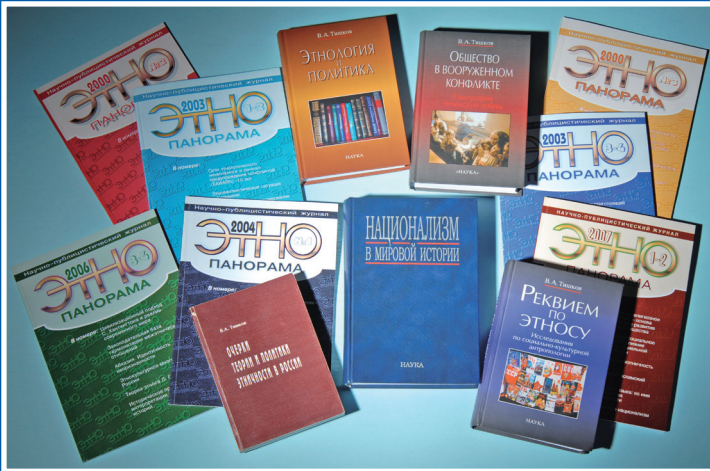

В.А. ТИШКОВ

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Оренбург

В.А. ТИШКОВ

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

публикации из журнала
«ЭТНОПАНОРАМА»
1999–2011 гг.

ОРЕНБУРГ – 2011

УДК 323.1
ББК 66.5 (2Рос)
Т – 47

Тишков, В.А.

Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.

ISBN 978-5-88838-691-0

В сборник работ известного российского ученого, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова включены статьи, ранее опубликованные в журнале «Этнопанорама» (1999–2011 гг.), по проблемам межэтнических отношений, этничности, культурного многообразия, этнологического мониторинга.

Для широкого круга читателей: ученых-обществоведов, политиков, преподавателей и студентов.

Научное издание

Тишков Валерий Александрович

Единство в многообразии

Подписано в печать 06.09.2011. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 13,5.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Заказ № 4155. Тираж 100 экз.

Издательский центр ОГАУ,
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел.: (3532)77-61-43

ISBN 978-5-88838-691-0

© Тишков В.А., 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	6
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДИАСПОРЫ	33
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ	59
ЯЗЫК И АЛФАВИТ КАК ПОЛИТИКА	75
ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ В. ТИШКОВЫМ	82
ВООРУЖЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ ЕСТЬ ОБЩАЯ УГРОЗА	101
О МЕХАНИЗМАХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАСИЛИЯ	106
ПОЛИТИКА ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ	110
СЕТЬ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	118
КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	135
ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ – ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	153
РОССИЯ – ЭТО НАЦИЯ НАЦИЙ	174
ТРИ КАРТЫ: ФИЗИЧЕСКАЯ, АДМИНИСТРАТИВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ	179
О НАЦИОНАЛЬНОМ ИДЕАЛЕ И ЦЕННОСТЯХ	193
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	202
ПРО РАЗНЫЕ ИСТОРИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕРГЕЯ НАРЫШКИНА)	212
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге собраны научно-публицистические статьи известного ученого, историка, этнолога и антрополога, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук Валерия Александровича Тишкова.

Этнический и религиозный факторы играют заметную роль в общественной жизни России. Поэтому работы В.А. Тишкова как никогда актуальны, важны и неопределимы именно сегодня, в условиях глубоких российских трансформаций для регионов России, имеющих сложный этнический и религиозный состав населения, в которых в постсоветские годы идут сложные процессы возрождения национального самосознания, наблюдаются проявления сепаратизма и сецессии, демонстрация разного рода фобий и даже расизма.

Его исследования по вопросам теории этнической и политической практик, по проблемам межэтнических отношений, этничности и национализма, обновленных подходов в сфере государственной политики в отношении «национального вопроса», а также изучения культурного многообразия необходимы обществоведческому сообществу для выработки и усовершенствования теоретико-методологических подходов в современной этнологической науке и разработки на этой основе спецкурсов в гуманитарных вузах в регионах.

Изучение этнических проблем невозможно и без пересмотра понятийно-терминологического аппарата, что успешно удастся осуществлять этнически и политически незаангажированному ученому.

В.А. Тишков один из представителей научной элиты, последовательно отстаивающий мнение о российском народе как о гражданской нации. При этом особое внимание он уделяет сохранению и развитию культуры, самобытности этнических общностей. Российская нация, по мнению Тишкова, не противопоставляет гражданское и этническое начала, а предполагает общероссийскую гражданскую солидарность при сохранении собственных идентичностей.

Изучение этих взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов не только открывает новое научное направление, но и имеет большое значение в общероссийской и региональной политике, способствует противодействию экстремизму и утверждению толерантности в полиэтничных, многоконфессиональных регионах.

Редакция научно-публицистического журнала «Этнопанорама» в течение 12 лет имеет привилегию публикаций статей В.А. Тишкова, за что благодарна автору.

Тиражирование, а значит и доступность, высокопрофессиональных и обстоятельных работ ученого по различным проблемам межэтнических отношений дает возможность ученым в субъектах Российской Федерации знакомиться с новыми идеями и разработками, сверять свои позиции, более целено представлять сложные этнополитические процессы, происходящие в России.

Знакомство с публикациями В.А. Тишкова позволяет руководителям регионов использовать некоторые его теоретические разработки и практический опыт для принятия политических решений, успешно управлять многоэтническими обществами.

*В.В. АМЕЛИН,
редактор журнала «Этнопанорама»,
доктор исторических наук, профессор*

АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Введение

Непросто, но крайне полезно оценить трансформации и общественный процесс в России с точки зрения социально-культурной антропологии, которая изучает человека во всем многообразии создаваемых им социальных коалиций на основе этнографического метода, или метода включенного наблюдения. Во всем мире социально-культурные антропологи выполняют важные познавательные и экспертные функции, необходимые для самопонимания общества и для его управления. Управленческая потребность в антропологах особенно выросла в последние годы, ибо общества (имеются в виду прежде всего государства) становятся все более сложными по своему составу, и они не только сохраняют, но и увеличивают свое культурное многообразие.

Без «домашней» антропологии сегодня невозможно обеспечить адекватную экспертизу трансформирующихся обществ, когда статистика, социологический опрос и политологический анализ не способны уловить характер и траекторию перемен. Только хорошо обученный антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой «национальной идеи», что желающих управлять всегда больше и поэтому «рваться к власти» – это естественно, что содержание и границы групповой культурной отличительности подвижны, что люди могут использовать этничность и так называемую «историческую память» в инструменталистских целях, и поэтому так называемые «национальные», казаческие, языческие и прочие «возрождения» или «движения» должны восприниматься прежде всего как манипуляции активистов социального пространства, а не буквально. Не менее важен и просветительский аспект антропологии, когда современный взгляд на расу

* Этнопанорама. 1999. №2. С. 2–12.

и этничность может помочь избежать этноцентризма, ксенофобии и насилия, которые громко заявили о себе на территории бывшего СССР в последнее десятилетие.

Если в центре нашей дисциплины стоит изучение человека, то, видимо, обращение к его антропологической сущности должно быть одной из отправных точек анализа. Человек как существо социальное рождается в этот мир, чтобы исполнить свою первичную сущность – обеспечить благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортно прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить свой статус и безопасность, удовлетворить культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и в соперничество с себе подобными. Для этой цели он создает всевозможные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Все эти усилия направлены на обладание (possession) и производство как можно большего объема ресурсов, включая территорию, материальные и духовные ценности, здоровье, образование, связи, власть, статус – все, что называется «реальным» и символическим капиталом.

Эти постулаты хорошо известны антропологам применительно к прошлому, особенно к древним или к так называемым «племенным» сообществам. Но мы оказались слабыми знатоками антропологии современных обществ, в которых прошла или проходит наша личная жизнь. Сегодня можно только поражаться, насколько слабы объяснительные модели советского общества, просуществовавшего много десятилетий. Здесь преобладают или политизированные постфактические рационализации и литературные метафоры о «советской империи», «тюрьме народов», «всеобщем Гулаге», или инерция советской пропаганды, дополненная риторикой жалоб старшего поколения, среди которых присутствуют и представители науки. Главная слабость объяснений советского общества – это утверждение о его исключительности и аномальности, вызванное проекциями оценок политического режима и его идеологического багажа на все общество, его нормы и ценности.

При всех социальных деформациях и политических аномалиях СССР был не менее легитимным государством, чем многие другие страны мира в Азии, Африке, Латинской Америке и даже в Европе. Более того, советское общество, вернее, советский человек в своих базовых проявлениях, в своих частных и коллективных стратегиях

имел гораздо больше общего, чем отличительного от членов других государственных сообществ, включая и те, которые представляются европейской научной традицией как «нормальные общества». Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеванию, в создании и функционировании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций, в эмоционально-психологических установках и, наконец, в формах девиантного поведения, включая тривиальное воровство и внебрачные связи. Как отмечает английский антрополог Крис Ханн в работе по антропологии социализма, «в большинстве стран (имеется в виду – социалистических) и на протяжении большей части времени большинство «простых людей» просто воспринимали систему как данное, приспособились к ней и продолжали жить без вступления в ряды коммунистической партии или диссидентской группы. Другими словами, они «карабкались по жизни» (*muddled through*) точно так же, как люди это делают в другого рода обществах».

В советской жизни что-то было задавлено, как, например, гражданские свободы и уважение человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось, как, например, социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления, как, например, личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность. Но даже в этой существенной отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора *Homo sovieticus* (или «совок») утвердилась уже позднее и стала скорее саморефлексией, а не внешней категоризацией. На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упустила этнографию советскости и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла «традиционная» культура советского времени.

Не меньшая потребность существует в познании постсоветскости как уже новой культурной традиции, особенно смысла глубоких общественных трансформаций в России. Сразу же выскажу мнение, что установка на радикальную социальную инженерию (чем, кстати, люди занимаются довольно часто в истории) была не только оправдана, но и в целом экспертно обеспечена в макроэкономическом и в политическом планах, как бы ни старалось каждое новое правительство и оппозиция отрицать уже сделанное. Однако исполнители и толкователи российских реформ плохо знали и

недостаточно учли антропологический аспект общественной жизни, а именно – частную стратегию человека и создаваемую человеком социокультурную среду, включая мироощущение. Самыми фатальными оказались идеалистическое представление о природе самого человека (должен честно трудиться, не должен воровать, должен любить Родину и «служить нации», обязан заботиться о других и т.п.) и вера в то, что улучшение условий жизни обязательно ведет к адекватному восприятию этих улучшений. Непростительными были упущения по защите национальных интересов и суверенитета государства в геополитическом соперничестве, включая регион нового зарубежья.

Российское общество (советское и постсоветское) в этом плане имеет характерную отличительность. При массовой образованности оно очень идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту («инженеры человеческих душ»), которая довольно успешно узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений и влияет на поведение рядовой массы граждан, привыкших к одномерному мышлению и к вере в одну версию событий, исходящую из «центральных» газет и телевидения. Однажды французский философ Мишель Фуко, отвечая на вопрос о роли радикальной интеллигенции в процессах общественных преобразований, сказал: «Главная проблема – это как избежать излишнего воздействия интеллектуалов, носящихся со своими утопическими проектами, и позволить управленцам делать свое дело по переустройству общества». В России сделать этого не удалось. Все эти годы театральные режиссеры, писатели, актеры, журналисты и литературоведы выступали и как законодатели, и как авторы «обустройства России», и как главные колумнисты ведущих газет, и, наконец, как «совесть нации», чтобы исповедовать ее лидера.

О чем и почему сегодняшние акции протеста? Если верить большинству политиков, ученых и масс-медиа, а это значит – и «человеку с улицы» (в современном обществе здесь разрыва почти не существует), это есть протест против антинародного режима и против невыносимой жизни. Но если перестать повторять бесконечные заклинания о «нашем тяжелом времени», в которое теперь верят фактически все, то этнография российской жизни выглядит по-иному. Прежде всего следует сказать, что сама власть, т.е. управленцы и эксперты, т.е. ученые, в годы правления Михаила Горбачева

и Бориса Ельцина не поняли многого, что пришло в общество с процессом радикальных перемен. Они верили и продолжают верить, что социальный порядок и поведение граждан переустраиваются вслед за изменением характера политического устройства и экономическими реформами. А если этого не происходит, значит, режим не тот («построили криминальное государство») и курс реформ неверен («ограбили народ и устроили геноцид»). До сих пор никто грамотно не смог объяснить, что реальные свободы и жизненные улучшения люди даже с научными званиями могут психологически не замечать и даже отрицать по причине политических мотивов или пропагандистского воздействия. Но самое главное, что быстрые жизненные перемены могут «перегрузить» сознание каждого отдельного человека и общества в целом настолько, что даже улучшение условий существования может отвергаться в пользу более привычного уклада. На основе собственных полевых наблюдений я могу утверждать, что за последние десять лет в стране произошла революция в жизненном обустройстве людей. Ее позитивный потенциал еще не проявился в полной мере, но будущая тенденция дает хорошие шансы преемникам Ельцина, при условии, если страна справится с вооруженным сепаратизмом.

Демография как политика

Для иллюстрации «России в обвале» чаще всего называются данные о «вымирании нации», о катастрофических демографических потерях, включая несколько миллионов неродившихся детей, об уменьшении численности «государствообразующего» народа – русских – и т.п. Однако, если анализировать демографические процессы последнего десятилетия более спокойно, то следует сказать, что сам факт уменьшения общей численности населения страны не должен рассматриваться как однозначно негативное явление. Многие страны мира, особенно из числа наиболее благополучных, имеют в последние десятилетия отрицательный рост населения. В России фактически наблюдается ситуация нулевого роста, и общая численность жителей страны в 1998 г. такая же, какой она была десять лет тому назад (147 миллионов). На самом же деле современное население на 2–4 миллиона больше, ибо в стране находится большое число не учитываемых статистикой бывших советских граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Грузии,

Таджикистана, Украины, Молдовы). Подавляющее большинство из них – это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительстве, торговле и приносят огромную пользу стране. Без них не состоялись бы многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов.

Наблюдающаяся в последние шесть лет естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла) почти наполовину была компенсирована миграционным приростом населения, часть которого имеет хорошее образование и полезные профессии. Такая иммиграция может только приветствоваться, хотя с ней связаны социально-психологические и культурные проблемы интеграции новожителей в местах переселения, ибо старожилы обычно негативно воспринимают изменение привычного состава населения.

Однако до момента очевидного процветания массовая иммиграция России не грозит, ибо этот процесс (как и эмиграция из страны) носит в своей основе экономический характер, хотя может камуфлироваться в идеологическую аргументацию («воссоединение с собственным народом», «возврат на историческую родину», «изгнание» и прочее). Наивная установка правительства Гайдара, что в Россию как на «историческую родину» должны прибыть десятки миллионов русских и они помогут поднять российскую сельскую глубинку, не оправдалась. Приехало гораздо меньше, и это в основном горожане, которые почти никогда не переселяются в сельскую местность, если только не на временное жилье. Каковы перспективы иммиграции, сказать сложно, но Россия останется принимающей страной по ряду причин и прежде всего по этнокультурным и экономическим показателям. Причем в страну будут мигрировать не только этнические русские, татары, украинцы, молдаване но и представители народов Средней Азии и Закавказья, если не будут введены более жесткие миграционные квоты.

Примечательным фактом является устойчивое соотношение между городским и сельским населением на протяжении всего десятилетия (73% и 27%). Плохо это или хорошо? Скорее плохо, ибо чем развитее общество, тем меньше людей должно быть занято в сельском хозяйстве. Модернизация – это прежде всего урбанизация, и этот процесс замедлился после 1989 г. в значительной мере по причине отсутствия настоящей аграрной реформы и по причине более конкурентной среды на рынке труда в городах. Последнее

удерживает сельчан от когда-то легкого шага пополнять городскую «лимиту».

Столь же стабильным (47% и 53%) оставалось на протяжении всех лет соотношение мужчин и женщин. Эта достаточно большая диспропорция представляет собою негативное явление, но в предыдущие десятилетия положение было не лучше. Причина ее не столько в особенностях биологического воспроизводства населения, сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства).

За десять лет произошли существенные изменения в пространственном движении населения. Общая интенсивность внутренних миграций снизилась из-за экономической нестабильности и прекращения практики оргнаборов на грандиозные стройки в периферийных регионах. Зато частные интересы людей опять же пришли в противоречие с политическими установками и наивными проектами. Речь идет о слабой заселенности Севера, Сибири и Дальнего Востока. На самом же деле усиленное заселение неблагоприятных для проживания людей арктических и субарктических районов страны в предшествовавшие десятилетия носило характер косвенного насилия (через романтическую пропаганду, «длинный рубль», сохранение московской прописки). Начавшаяся в конце 1980-х гг. человеческая конверсия Севера стала вполне нормальным явлением к неудовольствию огромной армии чиновников и торговцев, занятых «северным завозом».

В основе этот процесс носит благотворный характер: россияне переезжают в более благоприятный климат, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений, появляется больше возможностей (в т.ч. и благоустроенного жилья) для остающегося населения, а тем более для аборигенных жителей, для которых эта среда является родной и навсегда. Сибирь, особенно южная, и Дальний Восток – это несколько другое дело: здесь возможно и даже необходимо действительно массовое заселение и новое освоение, но не только через индустриальные мегапроекты (охрана среды и ресурсов здесь столь же актуальна), но и через своего рода систему гомстедов, т.е. наделение граждан за символическую плату участками земли.

Кстати, в сибирских и дальневосточных регионах естественная убыль населения меньше, чем в среднем по стране, а в некоторых

районах сохраняется естественный рост (Алтай, Тюменская, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Тува, Таймырский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский, Якутия, Чукотский). По нашим оценкам, за последние десять лет численность аборигенных народов Севера и Сибири не уменьшилась, а некоторых – даже увеличилась. Принятие в 1999 г. Закона о защите прав малочисленных народов России даст мощное пополнение этих групп за счет потомков смешанных семей и культурно ассимилированных граждан. Воспаленная риторика о вымирании северных народов беспочвенна, хотя коллапс системы государственного патернализма и разгул нового предпринимателя (от охотника-«европейца» до нефтегазовых корпораций) принесли огромные проблемы для сохранения систем жизнеобеспечения и самобытной культуры аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Этнический процесс и этническая процессуальность

В России этнический аспект демографии является наиболее чувствительным по причине не столько самого факта культурного многообразия, сколько по причине длительного опыта огосударствления этничности. Здесь политические спекуляции неимоверны, а в оценках ученых господствует старая схоластика. Во-первых, в стране сохраняется старая практика жесткого и официального деления граждан на народы, или национальности, и поэтому этническая статистика играет политическую роль точно так же, как и сохраняющаяся расовая статистика в США, хотя именно американское академическое сообщество успешно инициировало отказ от понятия «раса» как научной категории. Во-вторых, остается жить клише: сколько «наций и народов» живет в том или ином месте или работает на том или ином заводе, и этот подсчет ведется навязчиво не только через переписи населения, но и через кадровые и жэковские анкеты. В-третьих, так называемая «национальная структура» (имеется в виду этнический состав населения) – это часто единственное средство для обоснования этнократического правления и для мобилизации граждан.

Трудно сказать, что является нормой или позитивным в этнической демографии, но одно бесспорно: это – сохранение этнического многообразия страны. Не существует некой оптимальной про-

порции между этническими группами, составляющими одно государство. Возможно, спокойнее ведут себя этнически гомогенные страны, но таковых почти нет в мире. Более проблемными являются государственные образования, когда имеются две-три равные по численности группы, каждая из которых претендует на контроль центра. Самым распространенным вариантом являются страны с одной демографически и культурно доминирующей группой и группами меньшинств. К этой категории относится и Россия, в которой русские составляют 80% населения. Естественно, что нет ни одного государства с жесткой номенклатурой этнических общностей, и в каждом государстве имеются процессы ассимиляции обычно в пользу доминирующей культуры. Для России таковой является русская культура и русский язык, а если говорить точнее – российская культура на основе русского языка.

К чести нашей страны, ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют «вымирание» народов. Даже самые малые группы, в т.ч. и северные народы, за последние годы сохранили или увеличили свою численность. При чем следует учитывать, что численность этнической группы меняется не только в результате естественного движения населения (рождаемость и миграция), но и в результате смены идентичности. В начале процесса перемен мне представлялось, что к переписи 1989 г. самую большую демографическую потерю понесут русские из-за снижения престижности быть русским, особенно в пределах этнотерриториальных образований (республик и округов). Но этого не произошло, по крайней мере, в драматической форме: считаться русским для потомков смешанных браков продолжает быть более (или в равной мере) престижным даже в российских республиках. В Татарстане, например, в последние годы дети из смешанных татарско-русских семей записывались примерно поровну в ту или другую группы. Не произошло и резкого пополнения евреев и немцев за счет тех, кто считался русскими, хотя этого можно было ожидать по причине эмиграционных предпочтений.

После 1989 г. большинство крупных российских народов, в т.ч. русские, башкиры, татары, чувашы, буряты, кабардинцы, коми, кумыки, тувинцы, удмурты, имели нулевой или незначительный рост численности. Уменьшилась абсолютная численность украинцев, белорусов, мордвы, российских немцев, марийцев, казахов, евреев. Высокий по сравнению со средними показателями по стране

был рост у армян и осетин (за счет мигрантов), у якутов и у народов Северного Кавказа, особенно у народов Дагестана (за счет естественного прироста). Самый высокий рост численности среди населения самых бедных районов страны говорит о том, что так называемое «вымирание народов» с состоянием условий жизни никак прямо не связано. Более того, исчезновение народа (факт очень распространенный, но в России редкий) совсем не означает факт депопуляции или физического исчезновения представителей определенной культуры, а означает смену ими этнической идентичности.

Хорошо или плохо, что демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в общем населении страны? К сожалению, это – вопрос громких спекуляций, и профессионально его никто не осмелился обсуждать. Какова доля русских в стране – это не вопрос жизненной стратегии государства. В дореволюционной России и в СССР русские никогда не составляли более 55%, но государство существовало и распалось не по этой причине. Сейчас по доле самой большой этнической группы – русских – Россия почти такая же моноэтническая страна, как и Китай, где, кроме 90% ханьцев, имеется не менее 100 миллионов представителей разных национальностей. Демографическое господство одной группы имеет значение для крепости государства. Однако даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, способен стать базой вооруженной сепаратистской и масштабной войны. Действительной проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и в других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, завышенные социальные ожидания и неприятие бедности вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства.

Демография зависит от процедуры. В фиксации этнического это особенно важно. Когда меня спрашивают «Сколько народов живет в России?» или когда я слышу очередную цифру, выученную политиком, то я отвечаю: «В России живет столько народов, сколько Вам хочется». Культурных идентичностей людей существует много, равно как и языковых различий, особенно если перевести некоторые языковые системы коммуникаций людей из разрядов диалектов в разряд языков. Эти идентичности многоуровневые и не взаимоисключают друг друга, они могут носить местно-общинный характер

(карамахинец), локально-этнический (тоджинец, андиец), национально-этнический (аварец, даргинец), регионально-культурный (дагестанец, татарстанец, якутянин), культурно-гражданский (россиянин). Это не разные общности в смысле членства (глубокое заблуждение отечественной экспертизы), а оформляемые человеком коалиции, по которым его самосознание совершает дрейф лояльности или может пребывать во всех их одновременно. Стоило поменять процедуру фиксации мордвы, как для будущих ученых – сторонников теории этноса и этнических процессов – «вымер этнос» или совершилась «парцелляция этноса»: вместо мордвы появились эрзя и мокша, а мордва осталась только за пределами Мордовии. На самом деле ничего в этнокультурном профиле представителей данной группы не изменилось, кроме некорректной формулировки статистиков. В России остались и продолжают жить граждане, которые в местном сообществе проводят между собой довольно четкое (основанное на языке) различие, а во внешнем окружении они ощущают себя мордвой.

Многоуровневая и подвижная культурная идентичность в условиях идеологической либерализации и цветущего этнонационализма – это новая реальность, и в будущем могут появиться десятки «новых этносов»: людям будет интересно или важно по какой-то причине считать себя болгаром, аланом, помором, калмыком, сойотом и еще кем-то, о чем они прослышали в семье, подсмотрели в семейных фото, прочитали в книге или услышали на митинге. Это – значимый для людей и для науки процесс, но только государство должно меньше всего лезть в него с бюрократической процедурой, а тем более с кадровой анкетой. В целом же период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая.

Пища, одежда, жилище

Каждый антрополог знает, что пища, одежда и жилище – это три столпа материальной культуры, а состояние здоровья – основной показатель уровня модернизации общества. Этими категориями далеко не ограничивается жизнь современного человека, ибо есть еще огромный мир других используемых вещей и услуг, как и мир

ощущений и духовных ценностей. И все же основное население живет повседневными заботами материального обеспечения, которые лежат в основе уровня и качества жизни. Некоторые вопросы постсоветской материальной культуры заслуживают внимания.

На протяжении всей истории России ее население (за исключением южных районов) имело достаточно небогатую кухню со скромной диетой, в которой был явный недостаток витаминизированной углеводной пищи, прежде всего фруктов. Свой первый в жизни апельсин и банан я съел уже будучи студентом МГУ, ибо в небольшом уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавалось. Сегодня в этом городке, которому остается очень далеко до экономического процветания, все те же азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков, которые жители регулярно покупают (иначе бы не привозили!). Абсолютно новый и огромный по своим размерам ввоз в страну фруктов внес историческое изменение в структуру питания россиян. Безусловно увеличилось потребление рыбы, даже если официальная статистика не показывает этого по причине «внесистемной» добычи и продажи этого продукта. Увеличилось потребление сыров и колбасных изделий (опять же в основном за счет импорта), и население уже забыло времена плавленых сырков «Волна» и буфетных сарделек.

Снижение потребления мяса, молока и яиц мало о чем говорит, как и общее снижение потребления продуктов питания. В последние десятилетия население страны не страдало недоеданием. Иначе не было бы на порядок больше людей с лишним весом по сравнению с дистрофиками. Оно страдало несбалансированной структурой питания, и если этот дисбаланс выравнивается даже за счет сокращения общего потребления продуктов (в некоторых семьях, например, практически прекратили покупать яйца), но расширения ассортимента потребляемых продуктов, то этот процесс скорее носит позитивный характер.

Не менее важным является изменение в системе организации питания. Современный человек готовит и потребляет пищу не только дома, но и через общественные системы питания. Еще десять лет тому назад огромной проблемой для небогатого гражданина было пообедать на Невском проспекте в Ленинграде или на улице Горького в Москве, не говоря уже о более провинциальных местах. Унизительные очереди в грязные уличные пельменные, в рабочие

столовые и в институтские буфеты отнимали время и даже здоровье. Рестораны были не для того, чтобы поужинать, а чтобы «гулянуть». Сегодня ситуация с «общепитом» значительно иная. Резко возросло общее число ресторанов и кафе, не говоря о новой культуре уличных продуктовых ларьков и палаток, одиночных частных торговцах разной едой на улицах и дорогах. Впервые в таких масштабах люди в России стали есть и пить за пределами дома, и это огромная перемена в народной культуре.

Еще одна разительная перемена в жизни людей за последние годы – это радикальное расширение используемых предметов быта и социальных благ. Номенклатура используемых человеком предметов для повседневной жизни (так называемые «вещи») – это крайне важный показатель сложности и степени модернизации общества. Хотя количество окружающих и используемых человеком вещей необязательно определяет мораль и ценности общества и делает человека счастливым, все же в целом это так. Безусловно, что чем больше человек использует в повседневной жизни вещей, тем лучше качество этой жизни, даже если в некоторых культурах, как, например, в японской, можно встретить иную мораль, что, кстати, неравносильно реальному поведению. Особенно это касается быта, что прямо связано с комфортом, гигиеной и здоровьем людей. Некоторые перемены в этом плане могут казаться малозначимыми, тем более, что они не столь связаны с макроэкономическими успехами и личными средствами. Если за последние десять лет миллионы людей стали пользоваться туалетной бумагой, а не смятой газетой, чистить зубы (оказывается, бывают щетки мягкие, средние и жесткие!) набором из десятка паст, пользоваться шампунями (для разных волос, для взрослых и детей, с ополаскивателем и без), то только одно это принципиально к лучшему изменило бытовую культуру.

Недовольство некоторых по поводу телерекламы женских прокладок, жевательной резинки и памперсов не должно заслонить факт огромной перемены в бытовой гигиене. И таких внешне малых, но крайне значительных новаций в бытовой жизни россиян произошло больше, чем в какой-либо предшествовавший исторический период. За короткие десять лет люди узнали и освоили использование сотен новых вещей и услуг: от уже упоминавшихся до технологически сложных бытовых новаций (стиральные машины-автоматы, телефоны с автоответчиком и мобильные, обогревательные прибо-

ры, печи-ВЧ, цветные телевизоры с дистанционными пультами и многое другое).

Еще десять лет тому назад подавляющее большинство советских семей обходилось крайне ограниченным набором жизненных вещей, не зная об их существовании или не будучи способными «достать» (именно достать, а не купить!). Информация о существовании используемых человеком вещей поступала из узкого круга источников: полки магазина, подсмотренная на телеэкране «другая жизнь», знакомые и друзья, поездки «в город» или за рубеж. Стремление обрести и пользоваться многими вещами в силу высокой грамотности населения при ограниченных формах социальной самореализации (работа, семья, квартира, отдых в регулярный отпуск) было огромным, и потенциальная идеология потребительства у советских людей была не ниже, а даже выше, чем в других, даже более состоятельных обществах. В 60–80-е гг. эта идеология с огромной энергией и изобретательностью утверждалась в частных стратегиях людей. Обшарпанные подъезды и захламленные лестничные клетки скрывали за дверями квартир обустроенное жилье с приличной мебелью, хорошим набором посуды и вполне сносным гардеробом. Жилье моих зарубежных коллег – молодых ученых-обществоведов, которых я посещал четверть века тому назад в США, Канаде, Мексике, Великобритании, ГДР, Венгрии, мало чем отличалось от моей московской малогабаритной квартиры в Измайлово.

Одержимость обустройством, скромная красота и чистота были разительными по сравнению с загаженностью пространства, начавшегося за квартирной дверью. Именно здесь лежала впечатляющая грань между миром частного, личного и миром общественного, вернее, государственного, а значит, и ничьего. Советский человек был очень частным человеком, и именно это обстоятельство пропустила наша экспертиза, увлекшись анализом мира пропаганды и верхушечных установок. Советский человек даже на Первомайскую демонстрацию или на избирательные участки ходил с удовольствием не просто «по зову сердца» в смысле политическом, а чтобы надеть и показать свой наряд («это я одену на майские праздники») или приобрести дефицит в школьном и клубном буфетах.

Что действительно отличалось от более обустроенных обществ, если говорить в масштабе всей страны, так это сохранившиеся в

больших городах коммунальные квартиры и частное жилье малых городов и сел. Здесь жилое пространство было явно ограниченным, быт неустроен и требовавшиеся для жизнеобеспечения усилия неимоверными (ежедневные дрова для печки, вода из колодца и прочее). Здесь фактически был «третий мир», но не афроазиатская нищета, а тот, который можно наблюдать в избытке во многих странах мира, особенно в Северной полушарии, где в бедных деревнях Ирландии, Испании, Греции, не говоря о Восточной Европе, жизнь остается достаточно скудной и некомфортной.

Под воздействием этнографических описаний о традиционном русском жилище мне иногда казалось, что «пятистенка» с русской печью – это надолго, если не навсегда (климат, историко-культурная привычка и прочее). Даже еще десять лет тому назад, проезжая по российским дорогам, можно было наблюдать, как граждане, располагавшие средствами, строили кирпичные дома в деревнях и малых городах, фактически повторяя русскую избу по параметрам и архитектуре. В большинстве же своем в 1960–80-е гг. индивидуальное жилье почти не строилось вообще.

Подлинная перестройка в социокультурном смысле в России началась не с торговых кооперативов или с московских политических манифестаций. Она началась с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубокий и безусловно позитивный характер. По всем стандартам жизненного благосостояния основным считается жилье, его размеры и благоустроенность. В СССР в 1960–80-е гг. строилось много городского многоквартирного жилья и крайне мало строилось частных домов. За последние десять лет в России построено больше домов, чем за весь послевоенный период. В российских деревнях сегодня каждый третий дом – это новый дом. Граждане преодолели серьезный культурный барьер в представлении о жилище, и после многовекового бытования на смену одно- или двукамерному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый и с несколькими комнатами, а также с встроенным в жилище туалетом.

В целом, россияне построили столько новых домов, сколько их не было построено за предыдущие 40–50 лет! В стране бум производства строительных материалов, и по обочинам дорог и в городах на целые кварталы бурлят рынки по их продаже. Помимо действующих, закуплены за рубежом и запущены сотни кирпичных

заводов. Текущая госстатистика жилья мало о чем говорит, ибо не учитывает загородное строительство и многие другие вещи (новые пристройки, многоквартирное частное жилье). Но даже эта статистика говорит о том, что общая площадь жилищ в стране увеличилась с 2,1 млрд. м² в 1985 г. до 2,7 млрд. м² в 1997 г. Причем частный фонд увеличился в два раза, а на самом деле во много раз, если считать все построенное гражданами жилье.

Люди получили бесплатно или купили по мизерным ценам миллионы новых земельных участков и научились строить более просторное и комфортное жилье, в котором население за всю историю страны не проживало. Еще десять лет тому назад раму для арочного окна было сделать некому, и кроме наличников и железных пестушков на печных трубах никакие архитектурные украшения не использовались. Сейчас большинство новых домов, как сельских, так и дачных, обставлено солидными мебельными предметами, над всеми телевизионные антенны и почти рядом со всеми автомобильные гаражи.

Безусловно, процесс создания основы благосостояния людей – жилья – сопровождается уродливыми явлениями, которые можно было избежать и еще придется исправлять. Вместо массы вычурных журналов по домоустройству нужно было создавать условия и объяснять, что настрой на дачную жизнь в дорогих и больших домах – это неправильно и против наших климатических условий. Городское население вбухало миллиарды долларов в загородное жилье, которое не имеет коммуникаций, которое невозможно отопить зимой и в котором работающая семья с детьми постоянно проживать не может из-за отдаленности от места службы и из-за отсутствия рядом школы и больницы. Конечно, было бы лучше строить все эти комфортные дома в городской черте, и сейчас бы и города выглядели лучше, и потребность в квартирах была бы меньше. Но примитивная мечта советского человека о даче и нежелание городских властей предоставить землю для частных домов (столько их сносили, чтобы построить многоэтажки!) оказались сильнее.

К социальным издержкам в целом положительного сдвига в создании людьми и государством нового жилья можно отнести суетность тех, кто много заработал или украл и поспешил это продемонстрировать перед миром, чтобы утвердить и возвысить себя среди других, и потешить себя биллиардным залом и ванной-

джакузи, в которую нерегулярно течет ржавая вода. Большинство этих домов-монстров не функционирует, и перспектива их полноценного использования неясна, как и большинства миллионов новых дачных построек. Работающие горожане жить в них не смогут, а новому эффективному селу они не нужны в таком количестве. Видимо, это останется памятником нашему неправильному социальному планированию, отсталому менталитету и неразвитой городской антропологии.

О государстве и проблеме лояльности

Политическая антропология, в том числе и отечественная, много сделала для изучения ранних форм государствообразования и для понимания символично-статусной и инструментальной природы власти. Но эта традиция не отвечает потребности осмысления новых явлений и потребности понимания проявления базовых структур организации общественной жизни в современном процессе. Отметим только несколько моментов провала в понимании, что есть государство.

В ходе человеческой эволюции люди создают различные коалиции для обеспечения наиболее благоприятных условий своего социального существования. В современную эпоху и на видимую перспективу самой мощной и всепроникающей формой социальной группировки людей является государство. Государства не являются божественным промыслом и не существуют вечно, но они существуют достаточно долго и тем самым обретают историческую легитимность как дополнительный аргумент своего существования. Однако существование государств обусловлено все же не историей, а тем, что каждое новое поколение граждан делает (или повторяет) выбор в пользу данного государства, идентифицирует себя с этим государством и демонстрирует ему свою лояльность. Государство – это не только охраняемая границами территория, фиксированное членство и набор институтов, правил и символов, но и наличие в сознании его граждан общеразделяемого представления о том, что есть данное государство (или страна) или своего рода «доминирующая идея». Если у данного поколения нет такого доминирующего образа страны, то фактически нет и государства или оно пребывает в состоянии «квази-государства». Видимо, только более глубокое объяснение недостатка общегражданской лояльно-

сти как компонента культуры поможет лучше понять причины распада СССР и, отчасти, кризис государства в России, а не облегченные формулы «распадающейся империи» или «заговора», хотя безусловно личностный момент и борьба элит за власть и ресурсы имели, на наш взгляд, решающее значение.

Возникновение и исчезновение государств не определяются детерминированными закономерностями или установленными глобальными, а тем более внутренними нормами. Ни одно государство не прописывает процедуру своего упразднения. Не делает этого и международная норма. В современную эпоху закончившегося «государствления» Земли этот процесс происходит в результате волеизъявления силовыми средствами или в итоге элитных выборов и решений, которые могут оформляться массовой мобилизацией в их пользу в разной форме или не оформляться вообще. Мировое сообщество, под которым чаще всего имеется в виду евроамериканский мир, его коалиции и ценности, легко признает процесс государственных новообразований за своими пределами и даже ему содействует, если он происходит через дробление, а не укрупнение государств и тем самым не грозит их экономическим и другим интересам.

Современные государства так же уязвимы, как и в прошлом, ибо склонны к соперничеству за ресурсы и к навязыванию тех норм и правил, по которым они живут сами или которые им представляются как универсальные. И все же главные вызовы государству сегодня находятся внутри самих политических сообществ. Важнейшим моментом для существования общей лояльности (на бытовом языке – «любви к родине» и т.п.) являются условия социального преуспевания, которые создаются данным государством и для чего люди образуют, принимают и защищают свое государство. Эти условия могут быть далеко не самыми плохими, но восприниматься как таковые в результате навязываемого мнения непредставительного меньшинства при слабой компетенции индивидуального сознания и даже внешней пропаганды. Ситуация в России последних лет с этой точки зрения в отечественном обществоведении фактически не рассматривается, хотя в ней ответ на многие мучительные вопросы. Хотя формально как все бывшие члены ООН (в т.ч. СССР, Югославия, Чехословакия и ГДР), так и нынешние постсоветские государства являются легитимными государствами, ибо оформлены приемлемыми внутренними и внешними процедурами, сам факт

существования этих государств требует постоянного подтверждения, в т.ч. и на уровне как повседневного внутреннего референдума, так и академических предписаний. Применительно к России ситуация оказалась наиболее сложной, ибо ее больше всего затронула своего рода «революция двойного отрицания», когда вместе с демонтажом политического режима и его идеологии, которая, кстати, включала мощный компонент государственного (советского) патриотизма, оказалось отринутым и само государство и даже жизненная повседневность на протяжении десятилетий. Многообразие прошлой общественной жизни и противоречивые результаты советской политики, в т.ч. и в так называемом национальном вопросе, оказались редуцированными к литературным версиям «манкуртизации», «народоубийства» и т.п. Применительно к современному состоянию доминирует версия о «криминальном государстве» и «разбойном капитализме», которая также отрицает легитимность государства уже в его новой конфигурации.

Своего рода уходом от заботы о признании государства и его обустройстве как в экономике и политике, так и в ментальном конструировании являются метадебаты об уникальности России, российской или евразийской цивилизации, российском суперэтнотипе, разных вариантах географического и культурного детерминизма, а также одержимость пропагандой «многонациональное» при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно-ориентированной общности. От ученых, а не от политиков идут первичные предписания считать «родным» языком не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью национальности. От ученых, а не от политиков поступают наставления гражданам, что шаманизм и язычество есть их «настоящие», «традиционные», «национальные» религии, а не та вера, которую приняли их предки сто, двести или более лет тому назад. От ученых, а не от политиков поступают археологические, физико-антропологические и архивные данные, что часть владельцев домов на одной и той же улице живет на «своей этнической территории», а часть не на своей. Из тех же академических постулатов родились доктрины «своей» государственности или «безгосударственности», хотя в пределах России все имеют общее государство и у каждого есть паспорт на правовое подтверждение этого факта. Российские республики-государства также существуют в равной мере для всех, если граждане сами не позволяют узурпации со стороны предста-

вителей одной группы, как это имеет место, например, в Адыгее или Башкирии.

Западное академическое сообщество с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского общественно-знания. Казавшаяся когда-то несерьезной рейгановская метафора «империи зла» или поверхностная формула французского историка Каррер Данкосс о «распадающейся империи» ныне стали непре-рекаемыми объяснительными концептами. Инерция мышления холодной войны и энтузиазм молодых соискателей степеней и грантов, чутко улавливающих потребности новых геополитических соперничеств, активно утверждают наши же собственные подкаски о «криминальном государстве», о «мини-империи», о «многонациональной стране», о «своей» и «не своей» государственности внутри одной страны, о самоопределении «несамоопределившихся наций» и т.п. Из всего этого рождается образ России как чего-то не свершившегося, на некоей «ничейной территории» (*terra nullis*), открытой для новых геополитических дизайнов.

Эти метадебаты представляются достаточно радикальным разрывом с сознанием молчаливого большинства, тех самых «дорогих россиян», которые некоторым ученым и политикам представляются эвфемизмом наподобие «марсиан». Да, действительно, в 1991 г. было выкрикнуто слово «Россия» в виде советской республики РСФСР – государство не очень понятное и плохо продуманное. В этом смысле Россия состоялась сначала как акт речи, но именно этот акт речи быстро обрел реальность. В этом нет социально-культурной аномалии, ибо равным образом состоялись и другие современные государства («Мы сделали Италию, сейчас будем делать итальянцев», – говорили вожди объединения). Рядовые граждане приняли новое государство, ибо вопрос о государстве для них – это не вопрос трудно разделяемого элитой символического и ресурсного наследия, а вопрос о тех новых возможностях для личной жизни, которые ожидаются за новым государственным обозначением территории, где они жили и продолжают жить.

У обывателя, в том числе и просвещенного интеллигента, нет государственного мышления в его повседневном варианте. Его государство там, где лучше или где привычнее. Постулат, когда-то высказанный академиком Л.И. Абалкиным, занимавшимся поиском национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни

один человек, включая академиков, ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распространённых энтузиастов.

Таким образом, если российские граждане, в том числе и чеченцы, не побросали свои паспорта (неважно, что они еще советского образца) и не выбирают массовую эмиграцию из страны, значит они принимают свое новое государство, какие бы интерпретации не предлагали от имени народа активисты социального пространства. Случившееся государство под названием Российская Федерация есть свершившийся факт, и все рассуждения в обратном направлении есть плохая услуга этому государству (в морально-политическом плане) и разрыв с реальностью (в научно-академическом смысле). В равной мере существует и российское согражданство, гораздо более гомогенное, чем в большинстве государств мира.

Другое дело, что есть проблема кризиса и меняющихся идентичностей, особенно диалог между прошлой советской и нынешней российской лояльностью, который фиксируют многие этнологи и социологи. Однако в последнем мне видится некоторая академическая форма увеличения проблемы, в методике исследования которой мы не всегда улавливаем элемент заданного самим вопросом: это своего рода вариант школьного сочинения на заданную тему. Наблюдения повседневности не улавливают, чтобы наши граждане ложились спать (если только они не дождались опроса-пародии в программе «Времечко») и вставали утром с подобными вопросами или терзали ими своих сослуживцев.

Современная российская антропология должна сделать предмет своего интереса социально-политическую и сложно-культурную общность россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не «многокультурность» заслуживают настоящего внимания и научной реабилитации.

Антропология власти или феномен «племени на холме»

Жизнь на Кремлевском или на Капитолийском холме – это в основном профессиональное занятие политологов. Однако культурный аспект феномена власти не менее важен и интересен. Власть как право и способность определять социальное пространство дру-

гих – это глобальное антропологическое явление. Власть исполняет не только важнейшую общественную функцию, но и есть поле соперничества людей за материальные вознаграждения властвования и удовлетворения людьми гедонистических устремлений. Власть ее носителю приятна и полезна; желающих властвовать в обществе всегда гораздо больше, чем желающих быть управляемыми. Поэтому негативный смысл слов «рваться к власти» с научной точки зрения бессмыслен, как и вредно пренебрежительное отношение к власти и к тем, кто у власти. Задача антрополога понять и объяснить власть, в т.ч. и для самих властвующих. В этом плане новое российское знание серьезно отстает от потребности, а старое знание этими вопросами фактически и не занималось, ибо советская власть во многом носила сакральный, а не только профанный характер и академическому скальпелю не поддавалась.

Здесь есть целый ряд свежих проблем. Одна из них – это делегирование во власть и выход из власти. Нам здесь интересны не столько правовые нормы и другие механизмы, сколько поведение особого человеческого материала, вернее мутации человеческого материала в системе властных отношений. Открывшийся для более широкой состязательности и внешней экспертизы феномен власти в России оказался достаточно неожиданной научной задачей и породил ряд поверхностных взглядов, которые в свою очередь привели и к «ошибкам власти». В частности, утвердился и сохраняется постулат «честной» и «нечестной власти», имея в виду, что во власть попадают жулики и взяточники, и от этого многие российские беды. Число не оправдавших надежд множится с каждой новой сменой когорты властвующих, и уже это заставляет усомниться в верности исходной посылки приоритета положительной моральности человека во власти. Не дает ответа на вопрос и рецепт сделать властвующих достаточно состоятельными людьми, чтобы они не воровали, хотя действительно нищие политики порождают и нишую политику.

Вопрос честной власти в России – это вопрос прежде всего правил и контроля, а уже потом вопрос моральных внутренних регуляторов и внешних моральных воздействий. Поскольку власть – это одна из самых престижных и значимых для общества профессий, рекрутирование во власть происходит трудным и сложным селективным путем. В принципе, как и в племенном обществе, этот процесс основан на компетенции, авторитете, силе и богатстве в различных сочетаниях значимости и использования этих факторов. Но

те, кто приходят во власть, будучи специфически отборным (и чаще всего лучшим) человеческим материалом, обладают завышенными запросами и ожиданиями. Они способны к рациональной саморефлексии: «я управляю такой богатой страной (краем, отраслью, компанией)» или «я так много делаю для страны (республики, народа, института)», что имею право жить лучше и даже богато. Сентенция Коржакова в его мемуарах «что же, я так и уйду из Кремля нищим?» является вполне правильной в смысле всеобщего правила. В России это всеобщее правило обрело особые формы приватизации принадлежавших государству собственности и ресурсов через власть или через приближенность к власти. В народной метафоре и на языке политической оппозиции этот процесс получил обозначение «разграбление страны» или «ограбление народа».

В значительной мере это оказалось возможным в силу безгласности основного населения в эпоху, получившую обозначение *glasnost*.

По этой причине усилия антропологов-специалистов по власти, а вместе с ними и более широкой общественности, должны быть направлены не столько на бесполезное морализаторство, сколько на установление пределов обеспечения материальной состоятельности властвующих, в том числе в зависимости от материального положения самих управляемых. Новая российская власть действует по принципу полезных аналогий и заимствований. Посещая Капитолий, российские законодатели видят многочисленный штат помощников у своих коллег, но не замечают их личные машины (без водителей) на платной парковке у здания парламента. Они хотят таких же просторных служебных офисов, но не спрашивают про арендуемые или покупаемые конгрессменами квартиры в Вашингтоне.

Именно разрушение старых и отсутствие новых правил и общественного контроля позволили российским властвующим создать симбиоз старых и новых привилегий, которые обрели внешне неприличный, но, к сожалению, терпимый избирателями и налогоплательщиками характер. В этом смысле власть такая, как и мы сами, – это наше отражение. Задача экспертного сообщества способствовать выработке ограничителей запросов власти и просвещать в этом направлении остальное общество.

Властвующие почти всегда составляют горизонтальные корпорации или неформальные сети, чтобы через солидарность держать

власть и иногда отправлять непосредственные функции управления. Даже в советское время система номенклатуры держалась не только на жестких правилах отбора через партийную и хозяйственную службы, но и через клановые сети, выстраивавшиеся по региональному, профессиональному или этническому принципам. Даже первое поколение большевиков, пришедших к власти в 1917 г., опиралось на солидарность замкнутой группировки лидеров, связанных с деятельностью в Кавказском регионе. Позднее неформальные связи строились на основе выпускников партийных школ или совместной работы, а в период радикальной смены политического поколения – и на основе идеологических установок. Эти сети, их особый язык, символика и ритуал изучаются слабо, хотя их роль чаще важнее институциональных связей, а их сила – выше закона.

Имеется и особая культурная специфика образов российской власти и властных иерархических взаимодействий, которая во многом оказалась заимствованной из старой системы статусных привилегий и символов. Это – градация особых номеров служебных автомашин, служебных пропусков (вплоть до «вездехода»), количество охраны, месторасположения дачного дома и т.п. Нецензурная речь и особенно ритуально-рутинное потребление алкоголя – это уже не просто культурологическая, а социально-политическая проблема, выходящая на уровень вопросов национальной безопасности. Фактически все решения по Чечне, от самых высших до военно-полевых, принимались в состоянии алкогольной интоксикации.

Есть проблема амбиций и самонадеянности власти, также доставшаяся в наследство от периода «слуг народа». Только вместо строгой иерархии и культа вождя, за которым было высшее и последнее слово, появились множественные центры власти и многие вожди, каждый из которых узурпировал избирательный механизм для собственной легитимизации и персональной свободы действий. Особенно это проявилось в заимствовании новых или возрождении старых обозначений для «первых лиц» разного уровня. Так в России появились «президенты» и «губернаторы», чтобы иметь возможность сказать: «я и мой народ», как это стал делать одним из первых президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов, а за ним последовали и другие.

Если говорить о проблемах политической антропологии в современной России, то есть еще ряд важных моментов. Это состояние компетенции правящего корпуса и экспертного обеспечения

законодательно-правовых норм и управленческих решений. Это необоснованная или цинично политизированная эскалация низкой мифологии и несостоятельных доктрин на уровень официальных текстов и деклараций. Это проблема гражданской ответственности властвующих и проблема их «мягкого» выхода из власти.

Поведенческие нормы и духовная жизнь

Традиционное обществоведение анализирует в обычной дихотомии: власть и народ. Однако общественная либерализация породила нового актора среднего уровня. Под этим понятием я понимаю слой активистов, политических и этнических предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это также новое явление со своей культурной спецификой. Здесь есть явная узурпация коллективной воли тех, от имени которых действуют активисты. Как правило, это лидеры (легитимные и самозванные) групп меньшинств, в том числе этнических и религиозных. Достаточно юридически зарегистрировать реальную или мифическую организацию под названием «Союз мусульман России» и сразу стать «лидером мусульман» в стране. Современное самозванство (от «академиков» и «человеков года» до «национальных лидеров») – это крайне интересная черта ментальных приватизаций российских граждан, которые обнаружили, что можно гораздо больше, чем это было долгое время позволено. Кстати, этим (в основе своей советским) стремлением к статусности и иерархии довольно ловко пользуются авантюристы-предприниматели: за последние годы разные «нью-йоркские академии» и дарители дипломов и званий неплохо заработали на денежных переводах и взносах россиян, посылая им разного рода красиво напечатанные бумажки.

Можно иронизировать или гневаться по поводу того, что наряду с «настоящими» появились «ненастоящие» академики, можно ревностно оберегать узкий мир официальных привилегий и наград (как заявил Олег Табаков, прижимая врученный Президентом диплом, «получали, получаем и будем получать»), но в целом символично-статусная сфера российской жизни стала существенно другой. Она лучше прежней, ибо свободнее и разнообразнее. Но это не значит, что нет проблем. Главная проблема – как статус и престиж, а также ресурсы, условно говоря, внесистемных (имея в виду ста-

рую систему) акторов сосуществуют с порядком и государственно-стью и насколько они признают последние. Здесь есть проблема политически корректных симпатий: почему один «внесистемный» активист с нашитыми на штаны казачьими лампасами получает кабинет в Кремле и входит в систему, а другого третируют или не замечают. Или же замечают и поддерживают откровенные внешние манипуляторы, чтобы разрушить легитимный порядок. Ибо именно на этом среднем уровне инициируется вызов статусу-кво и даже массовый выход из правового пространства.

Что касается уровня «масс», то традиционный подход трактует его как инертный и больше всего страдающий. Здесь произошли не менее глубокие трансформации, которые подтверждают мое наблюдение, что способность общества к инновациям и модернизации гораздо выше, чем это представляют и замечают ученые, особенно отслеживающие макроуровни общественного процесса, или этнографы «традиционных общин». В стране произошла массовая приватизация времени и пространства и, отчасти, ресурсов (здесь круг гораздо уже). В последние годы россияне открывают внешний мир, хотя, к сожалению, за счет снижения интереса к собственной стране. Сейчас ежегодно выезжает за рубеж порядка 10 миллионов человек, причем не за государственные 7 долларов в день, как в прошлом, а на свои собственные средства. Такого не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, по официальной статистике, пребывают с россиянами примерно на одном уровне достатка.

Российские «народные массы» демонстрируют разительный прорыв в культурном производстве, которое и до этого относилось к числу приоритетных для человека и для государства. Из этой сферы я возьму только образование, науку и высокую культуру. Здесь, пожалуй, сократилось только число дошкольных образовательных учреждений (у родителей появилось больше возможности воспитывать детей дома за счет неработающих матерей). Все школы и вузы функционируют, и престиж образования не снизился, если судить по набору студентов и по более богатому выбору образовательных институтов. Число вузов с 502 в 1985 г. выросло до 880 в 1997 г., а число студентов – с 2,9 до 3,2 млн. за тот же период.

Так называемый «кризис науки», возможно, касается ряда естественных наук и военно-промышленных разработок, но к общественным наукам он имеет отношение только в плане кризиса тео-

ретико-методологических основ, да и это касается больше начального этапа российских трансформаций. Риторика жалоб здесь (и не только здесь) скорее используется, чтобы сохранить государственное обеспечение, действующую систему организации науки и имеющиеся кадровые ресурсы. Это само по себе понятно, но к реальному кризису имеет условное отношение. За последние десять лет Институт этнологии и антропологии РАН произвел научную продукцию, в три-четыре раза превышающую продукцию предыдущего десятилетия. Такая же ситуация в других гуманитарных институтах. В обществоведческих арсеналах введено огромное количество новых и забытых имен ученых и осуществлены масштабные переводческие проекты. Новым и позитивным стала деятельность двух государственных научных фондов (РФФИ и РГНФ), через которые получает поддержку лучшая часть научного сообщества.

Примечание

Основу данной статьи составляет доклад, прочитанный В.А. Тишковым на III Конгрессе этнографов и антропологов России 7–11 июня 1999 г. в г. Москве.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДИАСПОРЫ*

Слабости традиционного подхода

Наиболее употребляемым современным понятием диаспоры является обозначение совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения. Однако это хрестоматийное понимание, как и более сложные дефиниции, встречающиеся в отечественных текстах, являются мало удовлетворительными, ибо сталкиваются с рядом серьезных несоответствий. Первое, это слишком расширенное понимание категории *диаспора*, включающее все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже – на внутригосударственном уровнях во всей исторически обозримой перспективе. Другими словами, косовские адыги, румынские липоване и русские в США – это безусловная российская *внешняя* диаспора, а московские осетины, чеченцы и ингуши – это *внутренняя* российская диаспора. Московские и ростовские армяне – это бывшая внутренняя, а ныне – внешняя диаспора государства Армении в России.

В этом случае под категорию диаспоры подпадают огромные массы населения, а в случае с Россией – это, возможно, цифра, равная нынешнему населению страны. По крайней мере, если следовать логике принятого в 1999 г. Федеральным Собранием РФ Закона «О государственной поддержке соотечественников за рубежом», то это наверняка так, ибо закон определяет «соотечественников» как всех выходцев из Российской Империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации и их потомков по нисходящей линии. А это, насколько можно предполагать, – около трети населения Израиля и около четверти населения США и Канады, не говоря о нескольких миллионах жителей других государств, даже если не считать насе-

* Этнопанорама. 2000. №2. С. 2–12.

ление Польши и Финляндии, которое формально почти целиком попадает под эту категорию. Если из общего числа исторических выходцев из нашей страны и их потомков исключить тех, кто полностью ассимилировался, не владеет языком предков и считает себя французом, аргентинцем, мексиканцем или иорданцем и никакого чувства связи с Россией не испытывает, все равно число «соотечественников за рубежом» остается не только крайне большим, но и трудно определимым по неким «объективным» характеристикам, тем более если эти характеристики относятся к сфере самосознания и эмоционального выбора, что тоже следует считать объективными факторами.

Подлинную проблему представляет не сам факт слишком большой численности диаспоры (такую проблему скорее создал для государства вышеупомянутый закон, предусматривающий выдачу «удостоверений соотечественников» по всему миру). Диаспоры в их традиционном значении могут превышать население стран исхода, и у России в силу ряда исторических обстоятельств суммарная эмиграция была действительно многочисленной, как и у ряда других стран (Индия, Ирландия, Китай, Польша, Филиппины). Проблема с традиционным определением диаспоры состоит в его опоре на объективные факторы самого акта перемещения человека или его предков из одной страны в другую и сохранения особого чувства привязанности к «исторической родине».

Вторая слабость общепринятого определения диаспоры состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой распространенный случай образования диаспоры – это перемещение государственных границ, в результате чего культурно родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так появляется реальность, нагруженная политической метафорой «разделенного народа» как некоей исторической аномалии. И хотя «неразделенных народов» история почти не знает (административные, государственные границы никогда не совпадают с этнокультурными ареалами), эта метафора составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет самого факта образования диаспоры

в результате изменения государственных границ. Проблема только в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую – «основная территория проживания». С Россией и с русскими после распада СССР, казалось бы, все ясно: здесь «диаспора» однозначно располагается за пределами Российской Федерации. Хотя эта новая (в прошлом ее не было вообще) тоже может быть исторически изменчивой, и вариант самостоятельной «балто-славянскости» вполне может заместить нынешнюю пророссийскую идентификацию данной категории русских.

Однако если в трактовке русских в Прибалтике и в других государствах бывшего СССР как новой российской диаспоры на нынешний исторический момент существует высокая степень согласия, то уже с осетинами, лезгинами, эвенками (половина последних живет в Китае) вопрос обстоит несколько сложнее. Здесь диаспора – это прежде всего вопрос политического выбора со стороны представителей самой группы и вопрос межгосударственных стратегий. Хорошо интегрированные и более урбанизированные азербайджанские лезгины могут не чувствовать себя «русской диаспорой» по отношению к дагестанским лезгинам. Зато лишённые территориальной автономии и пережившие вооружённый конфликт с грузинами южные осетины сделали выбор в пользу диаспорного варианта, и этот выбор стимулируется североосетинским обществом и властями данной российской автономии.

В последнее время в отечественной литературе стало встречаться понятие «диаспорных народов» применительно к российским национальностям, не имеющим «своей» государственности (украинцы, греки, цыгане, ассирийцы, корейцы и прочие). В Миннаце России даже появился департамент по делам диаспорных народов, и тем самым академическая новация подкрепилась бюрократической процедурой. Или же диаспорой стали называть часть нерусских граждан страны, проживающих за пределами «своих» республик (осетинская, татарская, чеченская и другие диаспоры). В некоторых республиках принимаются официальные документы и пишутся научные труды по поводу «их» диаспор. Обе последние вариации представляются нам порождением все той же несостоятельной доктрины этнонационализма (на советском жаргоне «национально-государственного устройства») и деформированной под ее воздействием практики. Сибирские и астраханские татары и даже татары в Башкирии или московские татары – это автохтонные

жители соответствующих российских регионов, причем обладающие большой культурной отличительностью от казанских татар, и они ничьей диаспорой не являются. Общероссийская лояльность и идентичность вместе с чувством принадлежности к данным локальным группам татар здесь преобладают над ощущением некоей разделенности с татарами «основной территории проживания». Хотя в последние годы (как и в более отдаленном прошлом) Казань довольно энергично внедряет политический проект «татарской диаспоры» за пределами соответствующей республики. У этого проекта есть некоторые основания, ибо Татарстан на сегодня – это основной очаг культурного производства татарской культуры, опирающейся на автономную государственность. И все же к татарской диаспоре будет правильнее относить татар в Литве или в Турции, чем татар в Башкирии или Оренбуржье. Но еще будет правильнее проследить ощущение и поведение самих татар в этих двух местонахождениях и только после этого осуществлять категоризацию той или иной культурно отличительной группы населения как диаспоры. **Именно эти два аспекта исторической ситуативной и личностной идентификации не учитывает господствующий в отечественной науке традиционный (объективистский) подход к феномену диаспоры.**

Главная слабость в интерпретации исторического феномена диаспоры в современной литературе заключается в эссенциалистской реификации диаспоры как коллективных тел, причем не только как статистических множеств, но и как культурно-гомогенных групп, чего при более чувствительном анализе установить почти не удастся. «Более того, – как пишет автор одного из лучших очерков о теории диаспоры, – в разные времена своей истории в обществах диаспоризм может вспыхивать и затухать в зависимости от меняющихся возможностей (установление и снятие преград, антагонизмы и связи) в принимающей стране и на трансгосударственном уровне»¹. Мы бы только добавили в пользу историко-ситуативного и личностно-ориентированного подхода к трактовке диаспоры не меньшее значение меняющихся возможностей в стране исхода, если таковая есть у диаспоры. Открывшиеся возможности быстрой «личной удачи» и занятия престижных должностей в странах бывшего СССР пробудили в «дальнем зарубежье» гораздо больше диаспорности, чем желание послужить «исторической родине».

Диаспора и понятие «родины»

Употребление в историографии и других дисциплинах достаточно условного понятия *диаспора* предполагает существование еще нескольких сопровождающих категорий, также не менее условных. Это – категория так называемой «родины» для той или иной группы. Один из американских специалистов по проблемам этничности (Уолкер Коннор) определяет диаспору как «сегмент населения, живущий за пределами родины». Это примерно совпадает и с доминирующим в отечественной историографии подходом. В отечественной этнографии также активно изучаются «сколки с этноса», как, например, армяне в Москве². Однако, как мы уже отмечали, подобное слишком широкое обозначение диаспоры неоправданно включает все формы иммигрантских общин и фактически не делает различий между иммигрантами, экспатриантами, беженцами, гастарбайтерами и даже включает старожильческие и интегрированные этнические общины (например, китайцев в Малайзии, индусов на Фиджи, русских липован в Румынии, немцев и греков в России). По нашему мнению, последние не являются диаспорой, как и русские в Украине и Казахстане. А вот российские немцы в Германии – это российская диаспора, а не наоборот. Именно так они себя ощущают ныне в Германии и именно так они воспринимаются современными немцами (как «русские»).

Огромное разнообразие ситуаций сводится в единую категорию фактически на основе одного признака «исторической родины», которая в свою очередь не может быть определена более или менее корректно, и чаще всего это результат инструменталистского, преимущественно элитного выбора. То есть российские немцы (вернее, общественные активисты и интеллектуалы из их среды) решают о Германии как о своей родине, хотя никогда из нее не уезжали, ибо Германии до 1861 г. не существовало (как не существовало и самих немцев как общности). Это решение обычно носит внутригрупповой характер и отражает в себе определенный утилитарный смысл (защита на месте проживания или аргумент в пользу избранного места экономической миграции). Но это решение может быть и навязано извне, особенно со стороны государства или окружающего населения. Таким мощным насильственным «напоминанием», что у них другая родина, например, для российских немцев, была депортация в период Второй мировой войны. Таким же, кста-

ти, жестким напоминанием было интернирование части американцев – гавайцев японского происхождения – вскоре после Перл Харбора в декабре 1941 г. К тому времени они уже себя японцами не считали, а считали «азиато-американцами». Жителям югославского Косово албанского происхождения тоже сегодня жестко напомнили, что они – диаспора, и их родина – Албания, хотя распропагандированные радикальными национал-сепаратистами косовары раньше были готовы больше считать себя отдельной общностью, которая культурно ближе к сербам, чем к южным албанцам. В случае с албанцами и в ситуации косовского кризиса вообще крайне рискованно определять, где есть албанская диаспора на Балканах. Албанская диаспора легко определяется в США или в Германии, но в Косово вполне возможен исторический вариант самоопределения (в рамках Югославии или вне ее) уже новой общности – косоваров, ибо последним воссоединиться с бедной «исторической родиной» не очень хочется. А значит, разрабатывать диаспорный проект политически невыгодно.

Именно поэтому и чаще всего «родина» – это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание. Понтийские греки в России, эмигрирующие на «историческую родину», – еще один пример достаточно произвольного и рационального выбора. Родина появляется, если она не Сомали, а сытая Германия и благополучная Греция. Нищая Албания на «родину» не дотягивает, хотя сама Албания всячески старается выступать в подобной роли. Не будь столь циничного исключения русских из гражданства в Латвии и Эстонии, более благоприятная социальная (и даже климатическая) среда в этих странах по сравнению с нынешней Россией совсем не стимулирует выбор исторической родины в пользу последней. Более 90% русских жителей в этих странах считают их своей родиной, и часть местных интеллектуалов разрабатывает идею балто-славянской отличительности. Но стоит России или хотя бы Ивангороду обрести облик сытости и благополучия, русские жители Нарвы могут существенно поменять свои ориентации, особенно если сохранятся препятствия на пути полноправной интеграции в доминирующее общество.

Исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности³ и подвижность политической лояльности затрудняют определение «исторической родины». Однако это понятие крайне

распространено в общественно-политическом дискурсе и даже кажется самоочевидным. Я же не могу ему дать строгую академическую дефиницию, но признаю как условность и поэтому считаю возможным включить в набор характеристик, которые могут обозначать или отличать феномен диаспоры. То есть **диаспора – это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначально» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Обычно под «родиной» имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий массив.** Это своего рода штатная ситуация, но и она при ближайшем рассмотрении оказывается сомнительной.

Скорее всего под родиной понимается политическое образование, которое через эпоним или доктрину провозглашает себя родиной той или иной культуры при отсутствии других конкурентов. Так, едва ли современная Турция будет оспаривать у Армении право называться исторической родиной армян (хотя у нее может быть на это право) и по понятным соображениям (геноцид армян) уступает это право современной Армении. Зато Греция и Болгария, по политическим и культурным соображениям, не желают передавать право «родины» македонцам – жителям государства с подобным названием. Иногда одна и та же территория (Косово и Карабах) считается «исторической родиной» нескольких групп (сербы и албанцы, армяне и азербайджанцы). Одна и та же группа, в зависимости от ситуации, может считать «родиной» несколько мест, вернее, государств. Для российских немцев в Казахстане это может быть как Германия, так и Россия. На оба случая есть свои аргументы. Но главное – это сам момент ситуативного, то есть определенного выбора в определенный-исторический момент.

Диаспора как коллективная память и как предписание

Здесь мы подходим к следующей характеристике диаспоры. **Это наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине» («отечестве» и прочее), которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев.** Представление о родине как коллективная память есть сконструированная и

выученная конструкция, и как любая коллективистская идеология она авторитарна по отношению к отдельной личности или к каждому отдельному члену диаспоры. Ибо в личностном плане представление о родине у человека – это прежде всего его собственная история, то есть то, что он сам прожил и помнит. Для каждого отдельного человека родина – это место рождения и взросления. Так, для русского, родившегося и выросшего в Душанбе, родина – это речка Душанбинка и отчий дом, а не рязанская или тульская деревня, куда ему пришлось ныне переехать и куда ему указывают выученная версия или местные таджики как на историческую родину. И тем не менее он (она) вынужден принимать эту версию и играть по навязанным правилам в историческую родину – Россию. Тем более, что часть местных русских, особенно представители старшего поколения, действительно приехали в Душанбе или в Нурек из Рязани или из Тулы, о чем хорошо помнят, и передают эту память своим детям. Таким образом, в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или через тексты (литературные и бюрократические) и политическую пропаганду, включая устрашающие лозунги «Чемодан, вокзал, Россия!».

Несмотря на частое расхождение с индивидуальным опытом (чем старше диаспора, тем это расхождение больше), этот коллективный миф постоянно поддерживается, широко разделяется и поэтому может длительно существовать, находя в каждом новом поколении своих адептов. Причем приверженность ему не зависит строго от исторической глубины диаспоры: «свежая диаспора» может отвергать коллективную память и даже индивидуальную историю в пользу других более актуальных установок, но в какой-то момент ее реанимировать в грандиозном масштабе. Даже в случае, казалось бы, вполне очевидной полной ассимиляции всегда могут найтись культурные предприниматели, которые возьмут на себя миссию возрождения и коллективной мобилизации, и добиться разительных успехов. Почему это происходит? Конечно, не по причине некоего «генетического кода» или культурной предопределенности, а прежде всего по причине рациональных (или иррациональных) стратегий и с инструменталистскими (утилитарными) целями.

И здесь мы подходим еще к одной характеристике феномена диаспоры, которую я называю фактором доминирующего общества или среды существования диаспоры. **Идеология диаспоры пред-**

полагает, что ее члены не верят в то, что они являются и, возможно, никогда не смогут быть полностью принятыми в общество проживания, и по этой причине хотя бы частично чувствуют свое отчуждение от этого общества. Чувство отчужденности прежде всего связано с социальными факторами, особенно с дискриминацией и принижением статуса представителей той или иной группы. Безусловным фактором отчуждения является культурный (прежде всего языковой) барьер, который, кстати, легче и быстрее всего преодолевается. В ряде случаев труднопреодолимый и почти непроницаемый барьер может создавать фенотипическое (расовое) различие. Но даже успешная социальная интеграция и благоприятная (или нейтральная) общественно-политическая среда могут не избавлять от чувства отчуждения. Иногда, особенно в случае трудовых (прежде всего аграрных) миграций, отчуждение вызвано трудностями хозяйственной адаптации к новой природной среде, требующей радикальной смены систем жизнеобеспечения и даже природно-климатической адаптации. Горы долго снятся тем, кому приходится учиться обрабатывать равнинные пашни, а березки – тем, кто сражается с пыльными бурями в канадских прериях, чтобы спасти свой урожай. И все же последнее проходит быстрее, чем жесткие социальные (расовые тоже в этой же категории) клетки, из которых представители диаспор выбираются поколениями, а иногда и на протяжении всей известной истории.

Именно отсюда рождается еще одна отличительная черта диаспоры – это **романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда они или их потомки должны рано или поздно возвратиться**. Обычно здесь имеет место довольно драматическая коллизия. Образование диаспоры связано с травмой миграции (переезд всегда есть жизненно важное решение), и тем более – с трагедией насильственного перемещения или исхода. Чаще всего перемещение происходит из менее благополучной социальной среды в более благополучные и обустроенные социальные и политические сообщества (основным фактором пространственного движения людей остаются на протяжении всей истории прежде всего экономические соображения). Хотя в отечественной истории XX в. идеологические и вооруженные коллизии выступали часто на переднем плане. Но даже в этих случаях частная социальная стратегия присутствовала подспудно. Как сказал мне один из моих информаторов,

житель Калифорнии Семен Климсон, «как я увидел это богатство (речь шла об американском лагере для перемещенных лиц. – В.Т.), так и возвращаться из плена в мою разоренную Белоруссию не захотелось».

Идеальная родина и политическое отношение к ней могут сильно различаться, и поэтому «возвращение» понимается как восстановление некой утраченной нормы или приведение в соответствие с идеальным (рассказанным) домом. И отсюда рождается еще одна характерная черта диаспоры – **это убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности.** В ряде случаев именно вера в эту миссию обеспечивает этнообщинное сознание и солидарность диаспоры. Фактически отношения в самой диаспоре строятся вокруг «служения родине», без чего нет самой диаспоры.

Далеко не все случаи могут включать описанные характеристики, но именно этот широкий комплекс чувств и веры является определяющей основой диаспоры. Поэтому, если говорить о более строгой дефиниции, то, вероятно, наиболее подходящей может быть не та, которая исходит из объективного набора культурных, демографических или политических характеристик, а та, которая строится на понимании феномена как ситуации и как ощущения. История и культурная отличительность – это только основа, на которой возникает феномен диаспоры, но сама по себе эта основа не является достаточной. Таким образом, **диаспора – это культурно-отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, солидарности и демонстрируемого отношения к родине.** Если нет подобных характеристик, значит, и нет диаспоры. Другими словами, **диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и даже этнокультурная реальность, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции.**

В подтверждение своего тезиса, что диаспора – это ситуация и личный выбор (или предписание), приведу несколько примеров. Очень интересная и противоречивая рефлексия прочитывается на этот счет в книге Майкла Игнатьева: «Я чувствовал, что должен выбирать одно из двух прошлых, канадское или русское. Экзотика всегда привлекательнее, и я старался быть сыном своего отца. Я выбрал прошлое исчезнувшее, прошлое, утраченное в пожаре

революции. На прошлое матери я смело мог рассчитывать: оно всегда оставалось при мне (мать Майкла – канадка английского происхождения. – В.Т.). Прошлое же отца для меня значило гораздо больше: это прошлое мне еще предстояло воссоздать, прежде чем оно стало моим». Но далее читаем: «Сам я тоже никогда не изучал русский язык. Мою неспособность выучить его я объясняю теперь подсознательным сопротивлением прошлому, которое я, казалось бы, сам для себя выбрал. Предания старины никогда не навязывались мне, так что мой протест был направлен не против отца или его братьев, а скорее против моего собственного внутреннего влечения к этим чудесным историям, против того, что казалось мне постыдным стремлением устроить свою маленькую жизнь в тени их славы. Я не был уверен, что имею право на протекцию со стороны прошлого, а если и допускал это, то не желал воспользоваться такой привилегией. Когда я поделился своими сомнениями с одним из моих друзей, тот ехидно заметил, что не слышал, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь отказывался от своих привилегий. Поэтому я пользовался своим прошлым всегда, когда это было мне необходимо, но всякий раз испытывал при этом чувство вины. Мои друзья в большинстве своем имели заурядное прошлое, или даже такое, о котором предпочитали не распространяться. Я же имею в роду ряд знаменитостей, убежденных монархистов, переживших несколько революций и *героическое изгнание* (курсив наш. – В.Т.). И все-таки, чем сильнее была моя в них нужда, тем сильнее становилась внутренняя потребность от них отречься, чтобы создать себя самому. Выбрать прошлое означало для меня – установить пределы его власти над моей жизнью»⁴.

В период служения главнокомандующим вооруженных сил НАТО в Европе американский генерал грузинского происхождения никак не желал реагировать на горячие призывы-напоминания со стороны Грузии о его принадлежности к грузинской диаспоре, а это означает, что он ею и не был. Он был просто американцем с давними грузинскими корнями, о которых ему напоминала только фамилия (возможно, не всегда в позитивном контексте в процессе продвижения по службе). Уход в отставку от воинских обязанностей и появление досуга для других жизненных проявлений вполне могли проявить в нем интерес к Грузии, особенно если бы президент Шеварднадзе направил ему приглашение оказать оплачиваемую (или бескорыстную) консультацию в строительстве грузинской

национальной армии. Тогда американский генерал уже начал бы вести себя как представитель диаспоры. Именно так появились американские пенсионеры и более молодые **предприниматели от диаспоры** в должности президентов и министров ряда постсоветских государств или сепаратистских регионов (как, например, американцы и канадцы в должности президентов стран Балтии, иорданец Юзеф в должности дудаевского министра иностранных дел или американец Хованисян в той же должности в Армении).

Механизм и динамика диаспоры

Именно социально конструируемые и реконструируемые содержательные образы диаспоры делают ее трудно определимой в смысле границ и членства и в то же время очень динамичным явлением, особенно в современной истории. Диаспоры новейшего времени – это далеко не «сколки с этноса», как полагают некоторые ученые. Это – мощнейшие исторические факторы, способные вызывать и влиять на события самого высокого порядка (например, войны, конфликты, создание или распад государств, опорное культурное производство). Диаспоры – это политика и даже геополитика на протяжении всей истории, а в современный период особенно. Не случайно специальный научный журнал на эту тему называется *«Диаспора: журнал транснациональных исследований»*. Но сначала о механизме и языке диаспоры как одной из форм исторического дискурса.

Поскольку мы проводим различие между понятием «миграция» и понятием «диаспора», многие механизмы анализа и описания последнего явления должны быть также отличными и не ограничиваться традиционным интересом к процессам ассимиляции, статуса и этнокультурного своеобразия. Другими словами, изучение американских калмыков как иммигрантской группы и взгляд на нее как на диаспору – это два разных ракурса исследования и даже два схожих, но разных явления. В равной мере, диаспора – это не просто этнически или религиозно отличительные группы иммигрантского происхождения. Во-первых, не все иммигрантские группы ведут себя как диаспора и считаются таковой в восприятии окружающего общества. Едва ли можно назвать диаспорой испано-американцев в США, включая не только потомков жителей к северу от Рио-Гранде, но и более «свежих» эмигрантов из Мексики. Явно, что эта группа – не мексиканская и тем более не испанская диас-

поры, хотя в академическом и политическом просторечии эта категория населения в США называется Spanish. Но тогда – что и почему становится диаспорой?

Хорошей разъясняющей антитезой здесь может быть пример с кубинской иммиграцией США. Это почти миллионное население с общим доходом, превышающим валовой национальный продукт всей Кубы, безусловно является кубинской диаспорой. Потому что оно демонстрирует одну из важнейших характеристик диаспорного поведения – активный и политизированный дискурс о родине, который включает идею «возвращения» как на родину, так и той родины, которую, по их представлению, у них украл Фидель Кастро. Вполне возможно, что идея возвращения – это лишь изоциренная форма и средство интеграции кубинских иммигрантов в доминирующем обществе, политики которого уже несколько десятилетий тоже одержимы вернуть старую Кубу. Однако нельзя исключать, что кубинская эмиграция (причем не только в США) ведет себя как диаспора, ибо через это выражается сопротивление ее приниженному статусу в новой стране пребывания и, возможно, желание вернуться жить на родину или вернуть родину как место деловой деятельности, ностальгических путешествий и родственно-дружеских связей.

Во-вторых, очертания каждой конкретной диаспоры и групповые этнокультурные границы часто не совпадают, и это не одинаковые ментальные и пространственные ареалы. Диаспора часто бывает многоэтничной и своего рода собирательной (более обобщенной) категорией, чем категория иммигрантской группы. Происходит это по двум причинам. По причине более дробного восприятия культурного многообразия в стране происхождения (индусы – это для внешнего мира, а в самой Индии живут не индусы, а бихарцы, гуджаратцы и еще около сотни других групп, не говоря о религиях и кастах) и по причине более обобщенного восприятия инокультурного населения в принимающем обществе (все выглядят как индусы или даже азиаты, все выходцы из Испании на Кубе – просто испанцы, а все адыгские народы с Кавказа за рубежами России – это черкесы).

Одним из таких собирательных и многоэтничных образов является русская (российская) диаспора, особенно так называемое «дальнее» зарубежье в отличие от «нового» зарубежья, которое еще требует своего осмысления. На протяжении длительного времени «рус-

скими» за рубежом считались все, кто прибыл из России, в том числе и, конечно, евреи. Это же остается характерным для современного периода. Даже в «ближнем зарубежье», например, в Средней Азии, украинцы, белорусы, татары в местном восприятии – это «русские». Кстати, для собирательного обозначения большую роль играет и чисто лингвистическая гетероглоссия. Для западного и шире – для внешнего мира понятие Russian Diaspora обозначает не русская, а российская диаспора, то есть это понятие изначально не носит исключительно этнической привязки. Сужение происходит при обратном неточном переводе на русский язык слова Russian, которое в большинстве случаев должно переводиться как российский. Но дело далеко не в языковой гетероглоссии при формировании ментальных границ диаспоры.

Диаспора часто принимает новую целостность и более гетерогенную (внеэтническую) идентичность и считает себя таковой по причине как внешнего стереотипа, так и по причине реально существующей общности по стране происхождения и даже по культуре. При всем идеологически мотивированном скептицизме, homo sovieticus – это далеко не химера как форма идентичности в бывшем СССР, а тем более как форма общей солидарности представителей советского народа за границей («все равно все говорим, хотя бы между собой, по-русски, а не на иврите или на армянском», сказал мне один из советских эмигрантов в Нью-Йорке). В равной мере многоэтничный, более широкий характер носят такие многочисленные диаспоры, которые называются «китайская», «индийская», «вьетнамская». Здесь, наоборот, я встретил в Москве торгующих индусов и вьетнамцев, которые общались между собою на английском и русском соответственно, ибо их родные языки были разными. Но в Москве они воспринимаются и ведут себя как индусы и вьетнамцы.

Таким образом, диаспорные коалиции основываются преимущественно на факторе общей страны происхождения. Так называемое национальное государство, а не этническая общность есть ключевой момент диаспорообразования. Современная «русская диаспора» в США происходит из государства, где этничность имела значение (или просто настойчиво насаждалась), а в стране нового пребывания – уже нет. Здесь для «русских» общие язык, образование, игра КВН становятся объединителями и заставляют забывать, что было записано в пятой графе советского паспорта.

Диаспору объединяет и сохраняет большее, чем культурная отличительность. Культура может исчезнуть, а диаспора сохранится. Ибо диаспора как политический проект и жизненная ситуация выполняет особую по сравнению с этничностью миссию. Это – политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша. Американские ирландцы в этнокультурном смысле уже давно не больше ирландцы, чем остальное население США, дружно празднующее День Святого Патрика. Но вот по части политического и другого участия по вопросам ситуации в Ольстере, здесь они продолжают вести себя отчетливо как ирландская диаспора. Именно диаспорные формы поведения демонстрируют российские армяне и азербайджанцы в вопросе о конфликте вокруг Карабаха, хотя в других ситуациях их диаспорность носит никак не выраженный характер («Зачем я должен отдавать землю, где покоятся кости моих предков?» – заявил один известный азербайджанец, проживший всю жизнь в Москве).

Более широкие границы диаспорных коалиций могут строиться на основе общего негативного опыта расовой или экономической маргинализации. Общая история колониальной и неоколониальной эксплуатации объединяет проживающих во Франции выходцев из Алжира, Марокко и Туниса и делает их франко-магрибской диаспорой. В свое время, в 1970-е гг., можно было наблюдать, как в Англии мощный наплыв иммигрантов из Южной Азии, афро-карибцев и африканцев заставлял последних выстраивать солидарные диаспорные сети на основе неразделенного восприятия этих иммигрантов как «черных» со стороны доминирующего общества.

Итак, что и как производит диаспору, если это не просто иммигрантская группа в населении той или иной страны? И каковы в этом аспекте перспективы российской диаспоры? Одним из основных производителей диаспоры является страна-донор, причем не просто в утилитарном смысле как поставщик человеческого материала, хотя последнее обстоятельство носит отправной характер. Нет страны исхода – нет и диаспоры. Однако часто бывает, что диаспора старше самой страны, по крайней мере, в понимании страны как государственного образования. Пример с российскими немцами мною уже приводился. Особенно он распространен в отношении регионов недавнего государствообразования (Азия и Африка), которые в глобальном масштабе являются основными поставщиками мировых, наиболее крупных диаспор. Российская диаспора, хотя и одна из самых многочисленных, не может сравнить-

ся с китайской, индийской или японской, а возможно, даже и меньше магрибской или тюркской.

Где и когда российская диаспора?

Нам не хотелось бы вдаваться в упрощенный пересказ, однако напомним, что Россия за последние полтора века была в демографическом аспекте довольно мощным поставщиком эмиграции, а значит, – потенциальной диаспоры, если таковая образовывалась по предложенным нами различительным критериям. Опять же заметим, что не все выехавшие из России – это состоявшаяся диаспора или всегда диаспора. Всего примерно за сто лет с начала массовых внешних миграций из дореволюционной России выехало 4,5 миллиона. Кстати, следует помнить, что в этот же период в страну прибыло 4 миллиона иностранцев, часть которых образовала условные внутрироссийские диаспоры, о которых следует говорить особо. Можно ли считать эту массу выходцев из дореволюционной России диаспорой? Наш ответ, конечно, нет. Во-первых, территориально почти всех эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Воынь), и тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Хотя многие из выехавших культурно были сильно русифицированы и даже считали родным языком русский, едва ли возможно ближайшего соратника Адольфа Гитлера Альфреда Розенберга, который был выходцем из Литвы и лучше говорил по-русски, чем по-немецки, считать представителем русской эмиграции. Хотя современные политические спекуляции историков позволяют подобные конструкции.

Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на ее судьбу в смысле возможности стать и интерпретироваться уже историками как российская диаспора. В числе российских эмигрантов в США 41,5% составляли евреи (72,4% прибывших в эту страну евреев). Травма погромов и сильной дискриминации в России, а не только бегство от нищеты обусловили глубокий и длительно сохраняющийся отрицательный образ родины, который отчасти сохраняется до сих пор. Интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание российско-

сти, а тем более русскости. Встреченные мною в США, Канаде и Мексике многие потомки этой части эмиграции почти никаким образом не сохранили и не ощущали своей сопричастности к России. А значит, и не были ее диаспорой. Но главное даже не в этом, ибо сам по себе негативный образ и успешная интеграция не являются безоговорочными разрушителями диаспорной идентичности. В случае с евреями важным оказалось еще одно историческое обстоятельство: это появление родины-конкурента, причем довольно успешного. Израиль добился победы в этой конкуренции обращением к религии и демонстрацией более успешного социального устройства, чем в России, а также сильной пропагандой идеи *алии*.

Из 4,5 миллиона эмигрантов из России только около 500 тысяч были «русскими», но на самом деле это были также украинцы и белорусы, а также часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тысячи «русских» и 56 тысяч «украинцев», но это явно завышенные цифры, так как среди них были представители многих этнических групп, особенно евреев. В Канаде также перепись 1921 г. зафиксировала почти 100 тысяч «русских», но на самом деле в эту категорию были включены почти все восточные славяне и евреи, выехавшие из России. Таким образом, всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 миллиона диаспорного материала для разных стран (Израиля, Польши, Германии, Финляндии, Литвы), из которых только не более 500 тысяч были русские, украинцы и белорусы. Кто из потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать крайне трудно. С украинцами ситуация яснее, ибо они по ряду причин вели себя «диаспорнее», чем этнические русские. Белорусы скорее всего совершили переход в русскую или в украинскую группы потомков.

Фактически исторический отсчет традиционной для современности российской диаспоры начинается позднее в связи с миграционными процессами после 1917 г. В 1918–22 гг. большого размаха достигла политическая эмиграция групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5–2 миллиона человек), но ясно одно, что впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить как не только о диаспорном человеческом материале, а как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с самого начала

возникновения этой волны мигрантов. Объясняется это рядом обстоятельств, подтверждающих наш тезис, что **диаспора – это явление прежде всего политическое, а миграция – социальное.** Элитный характер мигрантов, а значит – более обостренное чувство утраты родины (и имущества) в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известная кличка в Канаде), обусловили гораздо более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Именно эта эмиграция-диаспора вобрала в себя почти все вышеописанные мною характеристики, в т.ч. и производство параллельного культурного потока, который ныне во многом возвращается в Россию. Именно эта эмиграция не имела и не имеет никакой другой конкурирующей родины, кроме России, во всех ее исторических конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции оказались больше всего направлены симпатии страны исхода в последнее десятилетие, согрешившее в процессе демонтажа господствовавшего политического порядка радикальным отторжением и всего советского периода как некой исторической аномалии. Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения, кончая «правильной» русской речью. Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, облаканный вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о «золотом веке» русской эмиграции, с которым еще придется разбираться новыми более спокойными прочтениями.

Было бы несправедливо с точки зрения исторической корректности забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время Второй мировой войны из почти 9 миллионов пленных и вывезенных на работы к 1953 г. вернулось около 5,5 миллиона человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тысяч т.н. перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и в другие страны мира. Правда, из этих 300 тысяч только меньше половины были с территории старых границ СССР. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении (точнее, в невозможности возврата) СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуаци-

ей враждующей диаспоры), а значит, и поддержание языка, и даже мизерных послесталинских связей с родиной (после Хрущева).

Не менее, а даже более идеологической была небольшая, но очень политически громкая эмиграция из СССР в 1960–80 гг. в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951–91 гг. из страны выехало около 1,8 миллиона человек (максимально в 1990 и 1991 гг. – по 400 тысяч), из них почти 1 миллион евреев (две трети – в Израиль и одна треть – в США), 550 тысяч немцев и по 100 тысяч армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько меньшими темпами.

Какое число российских соотечественников живет в дальнем зарубежье? Само число 14,5 миллиона выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или в состав СССР, и эти территории сейчас не являются частью России. Восточно-славянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части «белой эмиграции» и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. В целом русских в дальнем зарубежье – около 1,5 миллиона, в т.ч. в США – 1,1 миллиона. Что касается лиц, имеющих «русские крови», то это в несколько раз больше.

Большой вопрос: как и кем считать представителей других этнических групп. Выходцы из России создали основные этнические общности в двух странах: в США евреи на 80% – это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев – выходцы из России.

Новые диаспоры или транснациональные общности?

Распад СССР создал ситуацию, которая трудно поддается жестким определениям. Бытовая (вне современной теории) наука и политика, используя традиционный подход и данные переписи 1989 г., объявила, что после распада СССР общая численность зарубежных россиян – 29,5 миллиона, из которых русские составляют 85,5% (25290 тысяч)⁵. Все остальные народы, кроме немцев, татар и евреев, не образуют значительных групп в новом зарубежье. Все это стало называться «новыми диаспорами». Естественно, что о «своих» диаспорах заявили и другие постсоветские государства. В Украине началась обширная исследовательская програм-

ма изучения диаспор, в том числе и украинской диаспоры в России. Но вся эта конструкция зиждется на шатком основании советских этнографических и бюрократических классификаций, которые призывали представителей той или иной национальности к достаточно произвольно определенной административной территории, называвшейся «территорией своей» (или «национальной») государственности. Никто из советских и нынешних этнических предпринимателей от науки и политики не определял, на территории чьей государственности находится его подмосковная дача или городская квартира, но зато с удовольствием записывали территорию, контролировавшуюся красной конницей Валидова в период гражданской войны и ставшую Башкирской Республикой, как территорию «своей государственности» башкир. И подобная операция совершалась на протяжении всей советской истории для тех граждан, национальность которых совпадала с названиями «национально-государственных образований» разного уровня.

Клише «своей не своей» этнической территории в рамках одного государства или на трансгосударственном уровне живуче до сих пор, и на его основе строится и современный дискурс о постсоветских диаспорах. К академическим постулатам только добавились дополнительные интерес и аргументы, продиктованные новыми постсоветскими соперничествами. Если Россия приоритетно заботится о разделенном русском народе и своей диаспоре, то тогда почему Украине и Казахстану не ответить тем же, включая требование паритетности в вопросах обеспечения культурных и других запросов представителей «своих» диаспор («Сколько там у вас в Краснодарском крае, в Сибири и на Дальнем Востоке детских садиков на украинском языке?»).

«Новодиаспорная» конструкция безосновательно делит граждан одной страны на диаспору и, видимо, на «основное население», когда для этого нет значимых культурных и других различий. Украинцы в Сибири и в Краснодарском крае, равно как русские в Харькове и в Крыму, являются автохтонными жителями и равноправными создателями всех форм государственности, на территории которых они проживали и ныне проживают. От того, что в географическом пространстве прошли новые границы, в т.ч. в виде визуальных пограничных и таможенных постов, в их повседневности мало что изменилось. Они не перестали быть «основным населением».

Новые диаспоры – это малоприемлемая категория, а тем более категория «меньшинства», в которую запахнули эту часть населения представители «титულных наций». В этой ситуации неустоявшихся трансформаций и жесткой политизированности предпочтительнее начинать с анализа, а не с категории. Станут ли русские диаспорой в смысле своей групповой отличительности и демонстрируемой связи с родиной – Россией? Это вопрос огромной значимости. И здесь, на наш взгляд, возможны четыре исторические перспективы.

Первая – это полноправная социально-политическая интеграция и частично культурная (на основе двуязычия и многокультурности) в новые гражданские сообщества, построенные на доктрине равнообщинных государств. Это сейчас наиболее сложная, но самая реальная и конструктивная с точки зрения как национальных интересов этих стран, так и интересов России, не говоря о самих русских. Кое-где признаки новой доктрины государственного строительства на основе многоэтнических гражданских наций появляются, но наследованный и господствующий этнонационализм блокирует эту тенденцию.

Вторая – это формирование более широких конгломеративных коалиций с другими русскоязычными (славянской диаспоры), что маловероятно в условиях довольно успешной национализации титульных групп, но тем не менее возможно.

Третья – это переход на статус меньшинств и мигрантских групп с перспективой ассимиляции. Это фактически невозможно из-за мирового статуса русского языка или культуры и мощного соседствующего воздействия России.

Четвертая – массовый исход в Россию. Это возможно только для Средней Азии и Закавказья, но не исключено и для других стран, особенно стран Балтии, если Россия вырвется вперед или хотя бы сравняется по социально-экономическим условиям жизни с Прибалтикой.

Самая маловероятная, но возможная перспектива – это отвоевание доминирующего статуса и государства под свой контроль, что возможно только в случае решающего демографического преимущества в условиях более быстрого роста русского населения и более значительного выезда из страны титульного населения. В обозримой перспективе это возможно только в Латвии и нигде больше. Но и в этом случае скорее будет существовать ситуация господствующего меньшинства над большинством («диаспорой»?!) благо-

даря поддержке европейского сообщества и НАТО (если этот военный блок сохранится).

Есть вариант массовой смены идентичности титульной группой в пользу русской, но это возможно только в Белоруссии и только в случае единого государства с Россией. Но единое государство снимает и вопрос о диаспоре.

В целом исторический процесс крайне подвижен и многовариантен, особенно когда речь идет о динамике идентичностей. На горизонте мы уже видим принципиально новые явления, которые невозможно осмыслить в старых категориях. Одно из таких явлений – это формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры. Исторический процесс в интересующем нас аспекте проходит как бы три стадии: миграция (или изменение границ), диаспора, транснациональные общности. Последнее понятие отражает явление, появившееся в связи с изменением характера пространственных перемещений, новыми транспортными средствами и коммуникативными возможностями, а также характером человеческих занятий. Как мы уже отмечали, диаспора как жесткий факт и как ситуация и ощущение – это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством. Строго говоря, при более или менее нормальной социально-политической ситуации внутри государств нет или не должно быть диаспор из «собственной» культурной среды, ибо государство есть равный дом для всех его граждан. Диаспора появляется, когда появляется разделенная пограничным паспортным контролем оппозиция «там и здесь».

Но в последнее десятилетие (на Западе еще раньше) появились факторы, размывающие привычные представления о диаспоре и на межгосударственном (транснациональном) уровне. Если москвич, формально эмигрировав в Израиль или в европейскую страну, сохраняет квартиру в российской столице и ведет основной бизнес на родине, а также поддерживает привычный круг знакомств и связей, то это уже другой эмигрант. Это человек – не между двумя странами и двумя культурами (что определяло диаспорное поведение в прошлом), а это человек в двух странах (иногда даже формально с двумя паспортами) и в двух культурах одновременно. Где у него «бывшая родина» и где «дом» – такой строгой оппозиции уже не существует. Не только на Западе, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе существуют большие группы людей, которые, как они за-

являют, «могут жить везде, но только ближе к аэропорту». Это не только бизнесмены, но и разного рода профессионалы и поставщики особых услуг. Дом, семья и работа, а тем более родина для них имеют не только значение разделенных границами мест, но и носят множественный характер. Домов может быть несколько, семья – в разных местах в разное время, а место работы меняться, не меняя профессии и принадлежности к фирме. Через телевизор, телефон и путешествия они поддерживают культурные и семейно-родственные связи не менее интенсивно, чем живущие в одном месте люди с постоянным автобусным маршрутом дом – работа. Приезжая из Праги или Нью-Йорка в Москву, они видят своих родственников и друзей чаще, чем могут видеться родные братья или сестры, живущие в одном городе. Они участвуют в принятии решений на уровне микрогрупп и влияют на другие важные аспекты жизни сразу двух или нескольких сообществ.

Таким образом, разные и далекие места и находящиеся в них люди начинают формировать единую общность «благодаря постоянной циркуляции людей, денег, товаров и информации»⁶. Эту нарождающуюся категорию человеческих коалиций и форм исторических связей возможно называть **транснациональными общностями**. Некоторые специалисты относят данные новые явления к проблеме транснациональных миграционных циркуляций, но это есть и часть проблемы диаспоры. Действительно, трудно назвать миллион азербайджанцев или полмиллиона грузин, курсирующих между Россией и Азербайджаном (не беру в расчет старожильческую часть азербайджанцев и грузин в России), диаспорой, но в их культуре и социальной практике бесспорно присутствует диаспорность, особенно среди тех, кто подолгу находится в России. Пересекающие десятки раз в год границы между странами (не только бывшего СССР) люди не могут с обычной легкостью квалифицироваться как эмигранты или иммигранты. Они не попадают в вышеупомянутые описания диаспорных ситуаций. И все-таки это новая по своей природе диаспора, которая, возможно, заслуживает нового названия.

В любом случае современные диаспоры или транснациональные общности, как и в прошлом, пребывают в своем главном взаимодействии с государственными образованиями: странами исхода и странами проживания. Этот диалог продолжает носить сложный характер, но в нем есть ряд новых явлений. В большинстве своем члены диаспорных групп оказываются в данном состоянии в ре-

зультате недобровольных решений и продолжают сталкиваться с проблемой отторжения. С той только разницей, что возможности, которыми располагают эти группы, существенно меняются. Если в прошлом единственная желаемая стратегия была – успешная интеграция во втором или в третьем поколении, то ныне ситуация часто складывается по-другому. Как отмечает Р. Козн, «чем больше присутствует принуждения, тем меньше вероятность ожидаемой социализации в новом окружении. В этих условиях этнические или транснациональные общности будут упорно сохраняться или преобразовываться, но не растворяться. Сейчас невозможно отрицать, что многие диаспоры хотят иметь свой кусок пирога и хотят его кушать. Они хотят не только безопасности и равных возможностей в странах проживания. Но также и сохранения связей со страной происхождения и своими соплеменниками в других странах... Многие иммигранты не являются более разрозненными и послушными людьми, ожидающими гражданства. Вместо этого, они могут сохранять двойное гражданство, выступать за особые отношения со своими родинami, требовать помощи в обмен на избирательную поддержку, влиять на внешнюю политику и бороться за сохранение семейных иммигрантских квот»⁷.

Современные диаспоры, их ресурсы и организации представляют один из наиболее серьезных исторических вызовов для государств. В странах пребывания они формируют сети международной незаконной торговли наркотиками, создают террористические организации, вовлекаются в другие акции, которые нарушают национальный закон и внутреннюю стабильность. Именно деятельность диаспорных групп (палестинских, кубинских, ирландских, албанских и других) превратила сегодня такие страны, как, например, США и Германия, в основные территории, откуда исходит международный терроризм. Часто это делается с ведома и откровенно используется в геополитических целях самими государствами пребывания. В более мирных формах активная деятельность диаспор начинает представлять серьезную проблему для местных обществ. Выдвигаются требования и ведется активная борьба за признание обычного права, действующего в рамках традиционной культуры данных групп, законов стран пребывания. Более того, западные либеральные демократии, решившие в свое время в упорной борьбе вопросы отделения церкви и государства, мира приватного и мира публичного, сегодня вынуждены иметь дело с попытками привнес-

ти в их общества теократические идеи и нормы частной жизни, по которым желают жить представители мусульманских общин, ставшие уже полноправными гражданами этих стран. Как предупреждает один из авторов, своим желанием изменить существующие правила, а не принимать сложившиеся правила игры, диаспоры будут служить «средством разрушения хрупкого баланса между общей культурой и отдельными различиями»⁸.

В то же время некоторые специалисты делают слишком поспешные выводы по поводу исторических перспектив феномена диаспоры. Ссылаясь на то, что идеология национализма не способна сегодня эффективно ограничивать пространство социальной идентичности границами национальных государств, они полагают, что процессы глобализации создают новые возможности для возрастания роли диаспор во многих сферах и для превращения диаспор в особые адаптивные формы социальной организации. Не отрицая последнего, мы, однако, не можем согласиться с выводом, что «в качестве формы социальной организации диаспоры предшествовали национальным государствам, трудно существовали в их рамках и, возможно, сейчас во многих аспектах могут превзойти и прийти им на смену»⁹. Причина нашего несогласия основывается на том, что нынешняя стадия человеческой эволюции продолжает демонстрировать, что государства остаются наиболее мощной формой социальной группировки людей, обеспечивающих жизнедеятельность человеческих сообществ. Никакой конкурентной формы на горизонте не просматривается. Более того, именно государства используют диаспоры в своих утилитарных целях, чаще всего для собственного укрепления и для разрушения или ослабления других. И в этом плане диаспоры может ожидать совсем обратная перспектива.

Современные диаспоры обретают еще один важный аспект. Они утрачивают обязательную ссылку на какую-то определенную локальность – страну исхода и обретают на уровне самосознания и поведения референтную связь с определенными всемирно-историческими культурными системами и политическими силами. Обязательность «исторической родины» уходит из диаспорного дискурса. Связь выстраивается с такими глобальными метафорами, как «Африка», «Китай», «Ислам». Как отмечает в этой связи Джеймс Клиффорд, «этот процесс – не столько по поводу быть африканцем или китайцем, сколь по поводу – быть американцем или британцем или кем-то еще в месте проживания, но с сохранением отли-

чительности. Это также отражает стремление ощущать глобальную принадлежность. Ислам, подобно иудаизму в преимущественно христианской культуре, может предложить чувство повсеместной принадлежности как в историко-временном, так и в пространственном аспектах, принадлежности к разной современности»¹⁰. Следует заметить, что построенная на позитивной сопричастности к мировым культурным системам диаспорность в современных транснациональных контекстах заключает в себе порою большую долю утопии и метафоричности, но она уходит от таких традиционных идеологий, как «утрата», «изгнание», «маргинальность», и больше отражает конструктивные жизненные стратегии успешной адаптации и полезного космополитизма. Возможно, эта перспектива глобализации будет означать исторический конец феномена диаспоры, но только наступит этот конец, видимо, не скоро.

Примечания:

- 1 **James Clifford.** *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Cambridge, Mass.: 1997, p. 249.
- 2 См.: **Арутюнян, Ю.В.** Армяне – москвичи: социальный портрет по материалам социологического исследования // Советская этнография. 1991. №2.
- 3 Об этом см.: **Тишков, В.А.** О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. №3.
- 4 **Игнатьев, М.** Русский альбом: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 9, 11–12.
- 5 **Брук, С.И.** Там же. См. также: Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Авиаздат, 1996.
- 6 **Roger Rouse.** «Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism». *Diaspora*, Vol. 1, no. 1, 1991, p. 14.
- 7 **Robin Cohen.** «Diasporas and the nation-state: from victims to challenge» // *International Affairs*. 1996/Vol. 72. No. 3. P. 9.
- 8 **Moris Dickstein.** «After the Cold War: culture as politics, politics as culture, *Social Research*», vol. 60, no. 3, 1993, pp. 539–540.
- 9 **Robin Cohen.** *Ibidem.*
- 10 **James Clifford.** *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997, p. 257.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ*

Статистическая инерция

Вопрос о «вымирании России» сегодня обсуждают многие, ибо люди привыкли доверять статистике и тем, кто «в этом разбирается». Отечественные статистика и демографическая наука имеют сильные традиции, но в данном вопросе специалисты, делающие оценки и для руководства страны, разбираются плохо. Вопросы численности, социального и этнического состава населения страны, характера его расселения действительно являются кардинальными, ибо от этого зависит многое в экономике, политике и даже в национальной безопасности государства. Но одержимость обязательным ростом населения и страх перед «вымиранием» являются проявлением отсталого сознания и плохого знания. Еще хуже, когда не умеют считать собственное население.

В последние десятилетия большинство развитых стран имеет очень низкий или нулевой рост населения. Никто по этому поводу истерик не закатывает, даже Канада – второе после России по территории государство, где еще меньшее население, почти все (90%) проживает в полосе 200 миль вдоль границы с США. А менее развитые, особенно бедные страны больше озабочены сдерживанием роста собственного населения, ибо увеличение числа жителей страны далеко не всегда связано с успешным развитием и с благосостоянием. Факторы, которые определяют рост или уменьшение жителей государства, хорошо известны: больше рождений, меньше смертей и больше иммигрантов – население страны растет, если наоборот – население уменьшается. Однако строить прогнозы в этом вопросе на дальнюю перспективу – вещь довольно скользкая. В начале 90-х гг. многие специалисты уже прогнозировали, что в течение нескольких лет в Россию как на свою «историческую родину» придут 5–7, может быть, и 10–15 миллионов «соотечественников».

* Этнопанорама. 2000. №3. С. 23–28.

В реальности оказалось, что приехало 2–3 миллиона из тех, кого ожидали. Зато приехали несколько миллионов новых жителей страны, которых не «прогнозировали» и которых, к сожалению, до сих пор отказываются считать жителями страны.

Дело в том, что госстатистика не учитывает (а значит, и не признает за часть населения!) примерно 4–5 миллионов человек, подавляющее большинство которых не имеет российского гражданства, но которые живут в России. Это прежде всего граждане Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы, Украины, прибывшие в Россию в последние годы и находящиеся здесь временно или постоянно. По всем принятым критериям, они входят в совокупное население страны. Поскольку эти миллионы неучтенных, главным образом молодых, совсем не «дряхлах» мужчин составляют одну из динамичных частей населения страны, то в этом случае обнаруженные данные о качестве населения и его возрастной структуре являются несостоятельными. Если бы таким же образом считали свое население Германия или Франция, где по десятку миллионов жителей не имеют гражданства, то там давно бы уже обнаружилась «демографическая катастрофа». А в США и Канаде, где в составе населения доля новожителей без гражданства и временных иммигрантов еще больше, такая «катастрофа» наблюдается уже с полвека.

Какие бы чувства ни испытывали некоторые российские ученые и статистики к тем, кого бытовой расизм квалифицирует как «черные», «азиаты», «кавказцы» и прочие «чужие», серьезные специалисты-демографы не могут согласиться, чтобы несколько миллионов жителей страны исключались из анализа демографической ситуации. Некоторые мои коллеги, фигурируя фантастическими графиками «вымирания русских» как «государствообразующего этноса», даже в отношении вновь прибывших в страну граждан русского происхождения используют термин «не чисто русские» и в свой анализ категорию иммигрантов не включают, полагая, что демографическая ситуация в России определяется прежде всего так называемым «постоянным населением». Конечно, это не так.

Очень часто в истории многих стран иммиграция или эмиграция играли существенную роль, причем не просто в качестве временного фактора. Примером могут быть не только страны, образовавшиеся на основе переселенческой колонизации. Во второй половине XX в. население государств Западной Европы (кроме Средиземноморского ареала) растет фактически за счет иммигрантов

и их потомков. Подобное происходит в последнее десятилетие и в России. *Мой прогноз предполагает, что именно иммиграция является и будет довольно долго оставаться существенным фактором формирования населения страны. Нужно только изменить к ней отношение и научиться лучше считать.*

Статорганы и специалисты не прилагают должных усилий, чтобы более точно оценить число и влияние на ситуацию вновь прибывшего или временно находящегося на территории страны населения. Я не отрицаю факты снижения рождаемости и роста смертности, но именно по причине пренебрежения проблемой иммиграции официальная цифра численности населения России за последнее десятилетие выглядит столь неблагоприятной для тех, кому хочется иметь обязательно больше жителей в своей стране. Но даже и в этом случае общая цифра жителей страны за 10 лет изменилась мало: 147,4 млн. человек в 1989 г. и 148,7 млн. человек в 1992 г. (период роста); 148,4 млн. человек в 1994 г. и 146,7 млн. человек в 1998 г. (период падения). За 1999 г. Госкомстат дает драматическую цифру падения общей численности населения – 1,2 млн. человек, если верить цифре 145,5 млн. человек на 1 января 2000 г.! Падение почти в три раза по сравнению с предыдущими несколькими годами (примерно по 300–400 тыс. человек в год).

Для серьезных специалистов такие данные вызывают вопросы. Что должно было случиться, если при схожей динамике определяющих численность населения факторов (показатели рождаемости и смертности почти не изменились, несколько снизилась только зарегистрированная иммиграция!) статистика зафиксировала такое сильное сокращение общей численности? На протяжении скольких лет идет уменьшение численности на 750 тысяч ежегодно, чтобы «прогнозисты» сделали апокалиптический вывод о сокращении населения на 22 миллиона уже через 15 лет? Такого в мировом опыте современных государств никогда не наблюдалось, а за подобные прогнозы их авторов следует исключать из профессионального сообщества. *Абсолютно уверен, что не будет подобного сокращения населения в России при всей сложности демографической ситуации.*

Кого и как считать

Как бы ни было сложно считать мигрирующих и официально незарегистрированных жителей страны, делать это необходимо.

Иначе Госкомстат России и некоторые политизированные демографы фактически поставляют искаженную информацию о демографической ситуации в стране, квалифицируя некоторые кризисные явления, а также факт отрицательного роста населения страны как «демографическую катастрофу». Эту подсказку еще до президента В.В. Путина повторил глава Правительства М.М. Касьянов, выступая в Государственной Думе со своей программой во время процедуры утверждения в должности, говоря о снижении численности населения России на мифические 7 млн. человек. Такого снижения нет, даже если это данные Госкомстата, который при текущей статистике считает только тех граждан и неграждан, на кого местные паспортные столы передали данные в виде «талонов регистрации». Кстати, добрая часть этих талонов может валяться по паспортным столам довольно значительное время или совсем не передаваться в вышестоящие органы. А сколько миллионов жителей предпочитают не иметь дела с паспортными столами, к сожалению, неизвестно даже приблизительно.

Кстати, есть проблемы не только недоучета иммигрантов, но двойного учета мигрантов. Такое было и в СССР, когда, например, многие «вахтовые города» были заинтересованы зарегистрировать временно работающих, ибо от этого зависели госдотации и различные социальные нормы. В итоге в бывшем СССР статданные последних десятилетий завышали население страны минимум на 2–3 миллиона человек только по этой причине. Сейчас этот фактор не имеет такого значения в связи с меньшей пространственной мобильностью населения и меньшей заинтересованностью распорядителей местных бюджетов считать всех «нахлебников». Однако сама проблема двойного учета осталась, а ее «эхо» скажется наверняка при сравнении данных переписей 1989 и 2002 гг., опять же не в пользу последней, если иметь в виду под пользой рост населения.

Еще более непрофессиональными выглядят прогнозы скорой депопуляции России и «вымирания» русских. Некоторыми обличителями «антинародного режима» Горбачева – Ельцина – Путина или просто заблуждающимися специалистами численность населения к 2025 г. называется в 120–125 миллионов человек, а численность этнических русских якобы сократится до 65–70 миллионов, а к середине нового века составит 35–40 миллионов! Историк Ю. Кобыщанов объявил, что «к 2020 г. число потомственных (!? – В.Т.) рус-

ских в России должно сократиться до 85 млн. и в дальнейшем будет продолжать уменьшаться» («НГ». 10.02.1995). Эти данные о том, «сколько нас останется в России» (так заранее авторы газетных заголовков и текстов демонстрируют свое понимание проблемы – «НГ». 03.06.2000), строятся на примитивных проекциях графиков рождаемости и смертности в стране второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. Во-первых, никто и никогда для большого и сложного по составу населения государства таких долговременных графиков не строит. Демографическое поведение людей достаточно причудливо и не связано жестко с «обнищанием» или «ограблением» народа. Рождаемость может увеличиваться в самые тяжелые времена (например, десятилетие после Второй мировой войны) и среди относительно бедных групп населения (например, северокавказское село в последнее десятилетие).

Еще следует толком изучить, что повлияло больше на сокращение рождаемости в России в 1990 гг.: «шоковая терапия» или радикальное изменение по части доступности противозачаточных средств и новые возможности выполнения более современных тестов и более простых операций по прерыванию ранней беременности. Сказался и отъезд за границу в более богатые страны на учебу и работу многих сотен молодых людей – фактор, который в объяснениях специалистов фактически не присутствует. Но самое важное – даже незначительное улучшение экономической ситуации и психологического климата в стране, которое фактически уже имеет место, может сильно повлиять в ближайшем будущем как на рождаемость, так и на иммиграцию в Россию. Поэтому рисовать ужающие графики крайне рискованно. Тем более, что ничего аналогичного в недавнем историческом опыте нашей и других стран не наблюдалось. Нам не известны современные государства, где бы население или доминирующая этническая общность сократились вдвое или втрое за 3–5 десятилетий.

Приходится также напоминать, что динамика численности населения страны складывается далеко не из одного только естественного движения населения. *Иммиграция в Россию будет сохранять, учитывая ее огромную притягательность для культурно близкого населения других стран бывшего СССР и даже для жителей других стран, прежде всего для китайцев.* Последние не представляют собою носителей некой неадаптируемой «чуждой цивилизации», как считают некоторые специалисты. Китайцы прекрасно

адаптируются во многих, в т.ч. и в европейских, странах и даже без знания русского языка могут составить серьезную конкуренцию на рынке иммигрантов для выходцев из той же Средней Азии. Я не являюсь сторонником идеи массового заселения Сибири и Дальнего Востока выходцами из Китая, но обсуждать привлечение китайской рабочей силы в страну и ее рациональное размещение необходимо вместо воспаленных и необоснованных сентенций насчет якобы уже происходящей китайской экспансии на Дальнем Востоке. Эти сентенции – одна из наиболее ярких демонстраций некомпетентности специалистов и зашоренности политиков. Уже состоявшаяся иммиграция и неизбежная (к большому благу для страны!) будущая иммиграция обязательно повлияют на рост рождаемости в России уже в самые ближайшие годы. Все выстраиваемые графики грозящей демографической катастрофы равным счетом ничего не стоят. Они, кстати, очень лукавы, ибо сходная ситуация существовала на территории РСФСР (особенно в так называемых «русских областях») и в 1970–1980 гг., а общий рост населения СССР обеспечивался за счет роста населения республик Средней Азии и Закавказья, а не собственно России.

Рецепты вместо сентенций

Период реформ в России связан с серьезными демографическими проблемами: прежде всего – это относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей, а также низкая рождаемость среди населения центральных областей страны. Ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая, кроме мужской смертности среди средних возрастов. Тем более, что драматические и политизированные сентенции никак делу не помогут: рожать от этого больше не станут, людей на дорогах будет гибнуть не меньше и травиться алкоголем также не меньше. Именно по конкретным направлениям сохранения здоровья и жизни людей, а также содействия рождению второго и третьего ребенка в семье и нужно действовать, в том числе и направлять государственные средства. Не помешают и пропаганда здорового образа жизни и деторождения, меры против курения, производства некачественной водки, травматизма. А самое важное – внушение жителям страны, каждому человеку, начиная с малого возраста, что прежде всего сам человек ответствен за свое тело и за его здоровое состояние.

Официальная статистика почти всегда требует внимательного анализа и корректив. Тот же Госкомстат России, например, приво-дил данные о росте сельского населения в период 1992–1995 г. (38,8 млн. человек в 1991 г. и 40 млн. человек в 1995 г.), т.е. о свое-образном процессе деурбанизации страны. На самом же деле, ско-рее всего имел место другой процесс, а именно: перепись мно-гих горожан в сельской местности в связи с процессом привати-зации и ожиданиями граждан передачи земли в частную собствен-ность. В наблюдаемой нами рязанской деревне Алтухово, по дан-ным местного сельсовета, население в эти годы увеличилось на два десятка человек. Однако мои наблюдения этого не подтвердили: просто некоторые уехавшие ранее в Рязань или в Москву сыновья и дочери прописались на всякий случай в родительские дома, и не более того. Это частное наблюдение вполне может касаться общей ситуации по стране. Отметим к тому же, что в последние годы сель-ское население прибавилось почти на 1 млн. человек за счет пере-вода городских пунктов в категорию сельских.

Таким образом, перед переписью 2002 г. стоит важнейшая зада-ча установить более или менее точную численность населения Рос-сии. Неучтенное население – это извечная проблема переписей, но должны быть предусмотрены дополнительные меры, чтобы, напри-мер, сотни тысяч сезонных (часть из них фактически постоянные жители) рабочих и предпринимателей, которые занимаются строи-тельством или торговлей в Москве и других городах или строят частные коттеджи в Подмосковье, попали в поле зрения перепис-чиков. Тем более данные не будут точными, если в перепись не по-падут миллионы жителей без российского гражданства или вы-ехавшие из зон конфликтов, которые могут просто побояться встре-чи с переписчиком. Закрытые железными дверьми подъезды домов и отдельных квартир – это, пожалуй, самая главная проблема пред-стоящей переписи. Уже сейчас необходимо объявить законодатель-ную гарантию, что индивидуальные переписные данные не могут быть предоставлены никаким ведомствам и службам, судебным, налоговым и миграционным органам, частным запросам, включая исследователей (только по истечении минимум 50 лет). За наруше-ние – пять лет тюрьмы и 5 тысяч долларов штрафа, как, например, в США! Только так можно заранее создавать климат доверия, без которого перепись будет фикцией и просто выброшенными на ве-тер деньгами.

Как считать бедность и богатство?

Еще более важен вопрос об оценке статистикой социальных условий жизни. Доминирующая позиция обществоведов и политиков сводится к тому, что в годы реформ произошло всеобщее обнищание и грандиозное социальное расслоение населения страны. Обычно приводилась цифра: 10% выиграло от реформ и 90% проиграло (см., например, труды академиков Римашевской, Г.В. Осипова и других). В последнее время появились некоторые поправки в пользу «выигравших». Однако эмоциональная вовлеченность в пользу «катастрофы» настолько велика, что затрудняет дискуссию, а некоторые считают, что выражение отличных или противоположных взглядов является неким «социальным заказом».

Мои наблюдения расходятся с господствующими заключениями. Те, кто пишет об «обнищании народа», никаких убедительных аргументов не приводят, кроме малонадежных данных о сокращении потребления и об ухудшении состояния здоровья. Посетив в начале июня 2000 г. Дагестан – самый бедный, депрессивный и на 85% дотационный регион страны, если верить статистике и даже хорошим специалистам, я еще больше убедился в наличии грандиозной мистификации относительно реального положения дел в стране и в своем мнении, что имеются основания говорить о позитивных трансформациях в России не только применительно идеологических свобод и общей демократизации. Современный Дагестан предстает исключительно динамичным обществом, где люди одержимы исполнением основной миссии – социальным обустройством собственной жизни, мобилизуя для этого не только самое изобретательное предпринимательство (в Махачкале, например, около 4 тысяч частных «Газелей» и «Соболей» обслуживают пассажирские и транспортные перевозки), этнические и родственные коалиции, неправовые методы (воровство и мафиозные структуры), но и отчаянный торг с центром за дополнительные ресурсы. В итоге, по крайней мере равнинная часть республики от Кизляра до Дербента, где сосредоточено около 70–80% населения, совсем не демонстрирует бедность, если брать в расчет размеры и качество жилья, потребляемые товары длительного пользования и престижного характера. Общие данные о состоянии здоровья населения выглядят по Северокавказскому региону лучше, чем в других, кроме Центрального. Хотя в сельских районах республики распространяется

туберкулез и есть серьезные проблемы с детской смертностью и здоровьем женской части населения. Здесь есть над чем задуматься статистикам, экономистам и социологам, если они хотят действительно «замерить» и «сосчитать» местные сообщества.

Одиноким нищим на российских городских улицах (в селах их фактически нет) не идут ни в какое сравнение с уличной нищетой Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Тем, кого смущают подростки, продающие газеты или моющие автомобили в учебное время, можно посоветовать осмотреться получше на улицах мексиканских, бразильских или индийских городов. Россияне просто не видели, что есть подлинная нищета. Выход наружу части обездоленных (в большинстве нуждающихся в лечении от алкоголизма), а также демонстрация социальной расслоенности ныне уже за пределами обкомовских заборов производит на них психологический шок. Не составляют исключения и профессиональные обществоведы.

Но самый главный вопрос – это относительность самого понятия «бедность» или «обнищание». Бедность в Великобритании или в США – это не бедность в Индии или в странах Африки. Смею утверждать, что Россия в данном случае скорее попадает в первую, чем во вторую категорию, а точнее, в категорию стран Восточной Европы, Балтии и западной части стран СНГ. «Наша» бедность никак не согласуется не только с хорошей одеждой и драгоценностями в ушах жалующихся, но и с более глубокими социологическими и демографическими характеристиками феномена бедности. Назову важные моменты, которые говорят скорее о «психологической» бедности образованного и имеющего высокие социальные ожидания населения, а не о реальной нищете. Например, 10 из наиболее бедных стран, ныне переживающих посткоммунистические трансформации (с совокупным доходом менее 1000 долларов на человека в год), имели среднюю детскую смертность 37 (число смертей на тысячу рожденных и доживших до одного года). Если взять страны остального мира с подобным уровнем доходов, то там средняя детская смертность составляет 81! Грамотность среди взрослого населения в этих 10 странах составляет 98%, а в остальных странах той же категории – не более 70%. Общая рождаемость находится на уровне 2–3 детей по сравнению с 5 детьми в остальных странах мира с аналогичными доходами. Другими словами, если некоторые посткоммунистические страны (кстати, Россия среди них находится даже в более благополучной категории по уровню дохо-

дов, т.е. выше одной тысячи долларов в год на человека) действительно имеют бедное население, тогда в них должно умирать больше младенцев и гораздо больше рождаться, а также не может быть столь большого числа грамотных людей, ибо это тоже стоит больших денег.

Перепись населения и задача для экспертов

Моя позиция «жить стало лучше, но сложнее» лишь только отчасти есть форма гуманитарной терапии. На самом деле это вызов несостоятельному отечественному обществоведению, которое несет часть ответственности за метафоры «катастрофки» и «обвалы», ибо порождает подобных чудовищ прежде всего в головах людей. Статистика не может вырваться из этого дискурса, ибо сама делается распропагандированными людьми или просто обслуживает политический запрос. Как можно оставлять без внимания наличие почти 40 миллионов земельных участков в собственности граждан, большая часть из которых была получена и обустроена именно в последние десять лет? Статистика (предстоящая перепись может не стать исключением) обходит частное загородное строительство, в т.ч. дополнительные постройки, перестройки и прочие улучшения, поскольку очень многие владельцы недвижимости не могут преодолеть канитель регистрации домостроений или не желают этого делать. Очень вероятно, что многие не сообщат данные сведения и переписчикам в ходе переписи.

Но именно сюда (в новые дома и квартиры) ушли основные ресурсы и средства граждан (в большинстве «изъятые», если хотите, украдены у государства и из окружающей среды), кроме многочисленных квартирных улучшений (новые окна, двери, сантехника, ремонт комнат, мебель и прочее). Кажется, что перепись может не зафиксировать и загородные особняки, ибо подавляющее большинство их считаются недостроенными или официально неоформленными. Если все это пройдет мимо, тогда цена предстоящей переписи в части социальных условий будет ничтожной. Можно ли исправить положение? Просто необходимо, и для этого есть разные методы, которые следует дополнительно предусмотреть.

На чем основана моя убежденность в том, что уровень и объем социальных улучшений на порядок больше, чем нас убеждают Госкомстат и некоторые ученые и публицисты?

Во-первых, это – некоторые макропоказатели, как, например, производство в стране кирпича и других строительных материалов, количество потребляемой населением электроэнергии, объем производства и импорта легковых автомобилей, мебели, телевизоров, холодильников, текстиля, предметов быта и обихода, лекарств и многих других необходимых вещей. Не может же все это «скушать» мафия или даже 10% населения, если легковая машина (особенно после появления действительно «народного автомобиля» вазовских моделей) стала достоянием почти каждой семьи (если считать родителей и детей).

Во-вторых, это – собственные этнографические наблюдения. При всем уважении к представительным обследованиям бюджетов домохозяйств, о котором упоминают авторы статьи в «НГ» (03.06.2000) В. Иванов и А. Суворов, наши наблюдения малого уральского города Нижние Серги (17 тыс. жителей) и нескольких деревень, не говоря о московской агломерации, приводят к иному выводу. Хотя расчеты валового внутреннего продукта или доходов домохозяйств, используемые для оценки уровня бедности, как правило, включают в себя оценки теневой экономики, более вероятно, что компенсация экономического спада деятельностью в неофициальном секторе намного больше, чем это принято считать. Эта деятельность и многие механизмы «выживания» остаются вне сферы охвата статистики. Важнейшим моментом замещения доходов является, например, гораздо большая степень перераспределения средств в рамках родственных связей, когда более состоятельные родственники оказывают помощь менее состоятельным. Частные формы такого вспомоществования заменили в некоторой степени прошлую систему социального обеспечения. Добротной антропологии такого рода новых социальных отношений у нас, к сожалению, нет.

Безусловно, в стране имеются случаи, когда и родители живут на детские социальные пособия, а некоторые специалисты отмечают этот фактор даже среди мотивов повышенной рождаемости, например в сельских семьях Дагестана. Но не менее очевидно и другое: сегодня гораздо больше молодых людей помогают даже еще нестарым и работающим родителям, чем это было в прошлые времена. Вся статистика говорит о том, что молодые когорты самодеятельного населения гораздо больше преуспели в новых условиях, и эта ситуация однозначно принимается родителями. Отсюда один

из моих выводов сводится к тому, что «улучшение жизни детей есть общее улучшение», причем не только в перспективе, но и в сегодняшнем дне.

В ходе поднятой мною дискуссии обнаружился еще один существенный момент, который затрудняет выявление истины. Это – крайне эмоциональная обостренность личного восприятия анализируемой проблемы. Многие мои коллеги готовы обсуждать данные вопросы, но только без саморефлексии и без проекции оценок на ближний круг социальных связей. Несколько сот членов Российской академии наук готовы обсуждать катастрофическое положение населения в стране, но не замечают, что у подъезда их ожидают водители служебных автомобилей, которые (водители), кстати, тоже стали жить лучше и уже имеют собственные автомобили. Члены Ученого совета Института этнологии также единодушны в сходном заключении и склонны делать вывод после моего доклада, что «правильнее говорить, что некоторые директора институтов стали жить лучше». Однако мои наблюдения позволяют говорить, что все директора академических институтов и все их заместители стали жить лучше. Для определения положения остальной части членов совета необходимы более тщательные частные разговоры, но и здесь картина будет неоднозначной. По крайней мере, 10 лет тому назад один из моих главных оппонентов В.И. Козлов едва ли смог бы за счет личных средств издавать собственные монографии, хотя его приверженность науке тогда была нисколько не меньше.

Обращу внимание, что речь идет о научном сообществе, действительно меньше всего выигравшем от реформ. У здания, где расположен Институт этнологии с 200 сотрудниками, в длинной очереди легковых автомобилей стоят только два, принадлежащих этнологам, в т.ч. и мои собственные «Жигули». На остальных приехали сотрудники разных учреждений, которые арендуют у академии офисные помещения. Еще стоят два «Мерседеса-600», принадлежащие один директору академического «комбината питания», другой – директору конторы, отвечающей за техническое обслуживание здания. Ясно, что мое «улучшение» (учтем также отсутствие загородного особняка, личных инвестиций и других действительных признаков преуспевания) не идет ни в какое сравнение с положением владельцев многочисленных иномарок по данному адресу. Но тогда все-таки насколько ученые пребывают в бедности? И можно ли оценивать положение по заработной плате и гонорарам?

В Дагестане средняя заработная плата научных работников составляет 700 рублей в месяц (в нашем институте немного больше). Двое дагестанских коллег, с которыми я беседовал на тему детей, признали, что брак их молодых отпрысков стоил им по 15–20 тыс. долларов личных средств. Похоже, что обнищания ученых, которые чаще всего цитируются в категории обездоленных, по крайней мере в Москве и Дагестане не существует.

Что и как считать в многоэтнической стране?

Это, собственно говоря, главный вопрос дискуссии, связанной с новой переписью. Он гораздо сложнее, чем представляет себе Госкомстат, хотя в нем работают хорошие специалисты. Прежде всего зададим фундаментальный вопрос, что мы собираемся зафиксировать в переписи: некую номенклатуру «национальностей, национальных или этнографических групп» (как сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан (у российского народа) различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и невзаимоисключающий характер? Большинство развитых стран, проводящих переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (предпочитая спрашивать о языке, религии или расе), или фиксируют этническую принадлежность в ее единичном или множественном вариантах.

Последняя перепись США, проведенная в начале 2000 г., позволяет давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе. Кстати, все усилия американских ученых демонтировать понятие «раса» из академического и общественно-политического языка пока не привели к устранению данной категории из переписного листа: слишком сильна инерция в обществе воспринимать расовые отличия как реальные категории населения и слишком много политики и денег крутится вокруг вопроса о расе.

Что-то похожее мы имеем и в России применительно к категории «национальность». Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому

же большинство этнических общностей прошло этап обучающей «национализации», т.е. их представители считают себя «нациями», и это косвенно признается государством в конституционной записи о «многонациональном народе России», хотя больше нигде в федеральных законодательных и правовых текстах этнические общности не квалифицируются как «нации». Понятие «национальности» в смысле этнической, а не гражданской принадлежности вьелось довольно глубоко, лидер «Ассамблеи народов России» в своих брошюрах и открытых письмах президентам громит «национальных нигилистов» по всем канонам этнонационализма, хотя и со ссылками на «дружбу народов». Однако ждать, когда политики и ученые (когда это в одном лице, как это вдруг повелось в России, тогда – это совсем катастрофа!) дойдут до современного понимания проблемы, уже невозможно. Перепись 2002 г. следует провести по современным канонам применительно ко многим аспектам. Сделать это еще не поздно. Особенно в вопросах о языке и национальности (о языке мы выскажемся несколько позднее, ибо с предлагаемой формулировкой есть серьезная проблема).

У нас считается, и из этого исходит вопрос переписи, что национальность может быть только одна и только по одному из родителей. С отменой записи «национальность» в паспортах положение стало несколько лучше, ибо позволяет больший и сменяемый выбор этнических идентичностей и уменьшает возможность дискриминации по этническому принципу. Сохраняется только глупая процедура записи национальности в свидетельство о рождении, когда вновь рожденный человек вообще никакой этничностью не обладает. Но несостоятельность этой процедуры довольно скоро выявится, а сейчас она – не более чем небольшая задачка для родителей попробовать предугадать, кем их ребенку лучше быть в России.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные о национальной (этнической) принадлежности, т.е. как бы устанавливает количество и общую численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации (личного самоопределения), кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране, и некоторые ученые полагают, что для выяснения действительно полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназва-

ния (этнонимы) и не заниматься их корректировкой через «встречный» список народов, который подготовлен учеными. Этот подход исходит из той же посылки, что где-то в глубине социума и личного сознания существует подлинное «национальное, или этническое, самосознание», выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение якобы не имело места в прошлом по причине отказа в признании со стороны государства и экспертов, которые отказывались «признавать этносы». По части отказа в признании – это действительно так: в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов – это всегда не расширение, а сужение числа этнических единиц. Но было и мирное конструирование «социалистических наций и народностей», в том числе и по рекомендациям ответственных ученых, по обсуждению и выбору местных элит и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом состоит в другом.

Во-первых, в наивной вере, что этническая идентификация всегда есть некая эксклюзивность, всегда впереди других форм идентификации и всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер, и трудно отказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Почему их нужно ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли это делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор за пределами госинструкций.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись фиксирует «полную картину этносов», то следующая перепись даст наверняка другой больший или меньший список, и обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека.

Поэтому отказ от списка ради «открытого листа», но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров, кто есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не спасает положения и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии «в основном проживающие на территории Российской Федерации» и «в основном проживающие за пределами», так и по линии вертикальной иерархии (этноты – субэтноты): например, казаки или поморы как субэтноты русских, а болгары или мишари как субэтноты татар, дигорцы как субэтноты осетин и т.д. В конечном списке все равно остаются национальности казаков, болгар, дигорцев и многих других, которые или в списке не присутствовали или находились в некоей подкатегории.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный, с точки зрения современной науки, вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Дай бог преодолеть жесткое давление националистических сил и ассимиляционистские установки местных администраций в пользу так называемых титульных национальностей в республиках. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков приумножить «государствообразующий этнос». Отчаянную мобилизацию вокруг переписи могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного выбора при разумных разъяснениях переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими: Вы можете указать одну или несколько этнических (национальных) принадлежностей или никакой: например: русский и еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мордва-эрзя, осетин-дигорец, русский-казак, калмык-казак, русский-помор, татарин-болгар и т.п. Таковы на данной стадии мои предложения. Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый «настоящий» список национальностей – это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо в России живет один народ – россияне, как и многие народы других государств отличающийся богатством культурной сложности.

ЯЗЫК И АЛФАВИТ КАК ПОЛИТИКА*

В Приволжском федеральном округе, а именно в Республике Татарстан, возникла, на наш взгляд, проблема большого общегосударственного значения, хотя, казалось бы, речь идет всего лишь о смене алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу. Руководство Татарстана и часть местной интеллигенции инициировали принятие республиканского закона, который предусматривает начало данной реформы в 2001 г. Основной аргумент состоит в том, что латиница более адекватно отражает фонетический строй татарского языка, а длительное существование кириллицы наносило ущерб функциональному развитию этого языка, принося многие неудобства его носителям. По мнению республиканских законодателей, языковые вопросы должен решать народ, которого это прежде всего и касается, а остальное общество и федеральные власти не должны здесь навязывать свое мнение. Возможно, так оно и должно быть. Ибо язык – это важнейший механизм формирования и функционирования культурной отличительности, это важный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. «Без языка нет и народа», – считают многие политики и ученые. И каким быть татарскому языку, включая используемый алфавит, должны решать сами татары. До этого за них решали волевым путем другие силы, а именно: государство и московские эксперты.

Однако все не так просто, как это кажется на первый взгляд. Есть ряд вопросов, которые нельзя сводить только к чисто лингвистическим дебатам или к эмоциональным и политизированным аргументам. И эти вопросы следует задать сейчас, а еще лучше, и получить на них ответы.

Безусловно, с точки зрения правоведов, этнологов и лингвистов, все языки равноправны, если они адекватно выполняют свою роль в системе коммуникации культурно схожих людей. С точки зрения современной науки, даже широко распространенное деле-

* Этнопанорама. 2001. №1. С. 71–73.

ние на языки и диалекты является условным и во многом зависит от политики и от властных отношений. Среди ученых существует яркое выражение: «Язык – это тот же диалект, но только с армией», а «...диалект – это тот же язык, но только без армии». Другими словами, за кем больше ресурсов (численность, власть и прочее) – у того больше и возможностей утвердить свою систему коммуникации в качестве главной или привилегированной и больше возможности ее защиты от внешнего вмешательства.

Кроме этого, на государственном и региональном уровнях всегда существует языковая асимметрия. Один язык, обычно это язык более многочисленной этнической группы, доминирует над языками меньшинств, вплоть до того, что языки малых групп могут со временем оказаться в маргинальном положении или совсем исчезнуть. Так было на протяжении всей человеческой истории. Причем доминирование языка большинства населения в одном государстве далеко не всегда происходит под воздействием силы. Часто это результат экономических и социальных факторов, рационального выбора людей, родительских стратегий в отношении собственных детей.

С момента возникновения современных государств последние всегда стремятся к языковой унификации, к тому, чтобы население государства могло говорить на одном языке. Единый знак – это одновременно средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная норма в реальности не существует. Языков в мире около 4–5 тысяч, т.е. гораздо больше, чем государств и даже этнических общностей. Максимум, чего добиваются государства, это закрепление за одним или несколькими языками официального статуса – статуса языков, на которых должны общаться государственная бюрократия и отдаваться военные приказы.

Современные государства с демократическими нормами правления признают языковое разнообразие своего населения и даже поддерживают его (особенно малые языки), а также гарантируют языковые права представителей меньшинств. В Италии, например, представители немецкоязычного меньшинства, проживающего на севере страны, обеспечены необходимым корпусом немецкоязычных судей вплоть до Верховного суда, где обязательно один из судей владеет немецким языком. Я уже не говорю о таких вещах, как сфера государственных услуг или надписи в публичных местах. Уже в аэропорту Кеннеди в США вас сейчас встречают надписи, испол-

ненные на английском и испанском языках, поскольку несколько десятков миллионов американцев говорят по-испански.

В России наиболее широкое распространение имеет русский язык, на котором фактически может говорить все население страны, но в то же время сохранились многие другие языки, несмотря на сокращение числа носителей этих языков и сферы их использования. Сегодня русский язык является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей. Таким образом, русский язык стал своего рода культурной собственностью (или капиталом) не только русских, но и большинства чувашей, бурят, осетин и многих других, включая большинство тех же российских татар.

Переход на русский язык многих представителей других народов представляет собою выбор (иногда добровольный, иногда вынужденный) в пользу языка, который дает больше возможностей для жизненного преуспевания граждан в едином государстве, для большей социальной и пространственной мобильности людей, живущих в одной стране. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам (наряду с английским, испанским, французским и арабским), на котором функционирует одна из крупнейших мировых цивилизаций. Русский язык более способствует восприятию широких мировых культурных ценностей и более широкому взаимодействию в международном масштабе. Не зря выехавшие в Израиль российские евреи сохраняют знание русского языка и даже требуют его признания как одного из официальных языков государства, наряду с ивритом и арабским.

В этой связи, прежде чем решать языковые вопросы в новых демократических условиях, возможно, следует сменить старые доктринальные установки и считать родным языком не только язык, который совпадает с национальностью одного или обоих родителей, а прежде всего язык, который является для человека основным языком, включая и домашнее общение. Нельзя считать русский язык родным языком только русских. При этом следует противостоять страшилкам радикальных националистов, что утрата, точнее – смена, языка однозначно ведет к утрате этнической идентичности и к исчезновению отдельного народа. В мире множество народов, большинство представителей которых (или целиком все) сменили язык и говорят на «чужом» языке, но от этого не утрачивают своей идентичности.

В России ситуация обстоит точно так же, и фактическая степень распространения и использования русского языка гораздо выше, чем об этом свидетельствуют данные прошлых переписей, когда, например, многие родители записывали своим детям в качестве родного язык, на котором они не знают ни одного слова, прекрасно говоря при этом по-русски.

Измененная последовательность вопросов в вопроснике предстоящей переписи поможет точнее определить языковую ситуацию в стране, ибо сначала будут задавать вопрос о языке, а уже потом – о национальной принадлежности. Хотя рост этнонационализма среди нерусских народов в последние годы (иногда его называют «национальным возрождением») может отчасти нейтрализовать эту более точную процедуру в ходе переписи. Но в любом случае специалисты знают, что россиян, для которых русский – это их основной язык, гораздо больше, чем утверждает переписная статистика. Не являются исключением и татары, для большинства которых русский язык – это их родной язык.

Можно ли осуществить политическими, законодательными и другими мерами их возврат к татарскому языку – это большой вопрос. Скорее всего, нет, тем более, что большинство татар живет за пределами Татарстана, и местное законодательство и образовательно-информационная политика их фактически не достигают. По крайней мере, подобные попытки в полностью независимом государстве Ирландии уйти от английского и вернуться к ирландскому языку закончились неудачей.

Это означает, что большинство российских татар будут продолжать пользоваться русским языком и кириллицей, не переставая считать себя татарами. Переход части татар на латиницу будет означать огромный культурный раскол среди самих татар, которые и без того неоднородны, и в переписи 2002 г. часть татар образуют новые группы (например, кряшены), которые до этого не были включены в официальный список народов СССР. Следующий вопрос – это в какой мере смена алфавита отвечает интересам, учитывает права населения Республики Татарстан и насколько она будет способствовать консолидации местного татарстанского сообщества. Все ссылки на «мнение» или на «волю народа» в данном случае малосостоятельны. В Татарстане – государственном образовании, созданном от имени всего народа республики и существующем за счет всех налогоплательщиков, никакого референдума по данному

вопросу не проходило. Но даже если бы такой референдум состоялся, то его результаты не были бы бесспорны: все постсоветские референдумы доказали возможность высокой степени манипулирования мнением населения, которое еще не обладает достаточной гражданской и политической культурой. В том же Татарстане в последнее десятилетие народные волеизъявления с интервалом в несколько месяцев давали противоположные результаты по причине явных политико-информационных воздействий. Тем более, что нетатарская часть населения республики в данный исторический момент политически организована гораздо слабее и явно недостаточно представлена в органах власти, особенно в Государственном Совете. Так стоит ли пользоваться этим (возможно, временным) преимуществом при решении вопросов, которые затрагивают судьбу будущих поколений?

Ясно, что не менее половины населения республики, включая и тех, кто еще будет проходить обучение, на использование латиницы в своей языковой практике переходить не будет, а продолжит пользоваться кириллицей. Таким образом, переход на латиницу может означать не только культурный раскол среди российских татар, но и социально-политическое отчуждение между двумя основными общинами республики, отношения между которыми до сих пор были, по российским меркам, почти образцовыми и мирными. Именно с подобных расколов по вопросам языковой политики (даже не использования языка, а именно политики!) начинались многие открытые конфликты в сложных сообществах.

Третий вопрос – это вопрос, связанный с судьбой огромного по значимости татарского культурного наследия и ценностей, созданных в XX в., в советский период, когда действовал кириллический алфавит. По своему объему и значимости созданное в последние 80 лет (особенно это касается письменной культуры) превосходит все предшествовавшие эпохи в истории татарского народа. Именно в этот период пришла всеобщая грамотность населения и было написано и издано не менее 90% всей литературы (учитывая названия и тиражи) разного характера, начиная от художественной и научной вплоть до учебников и технических инструкций. Если подобные реформы в начальный период советской власти затрагивали только малую часть населения и сравнительно небольшой по объему культурно-информационный пласт (хотя среди татар и был высокий уровень грамотности), то сейчас речь идет о судьбе ос-

нового культурного фонда. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в каталоги татарстанских библиотек.

Переход на латиницу предполагает забвение кириллицы, ибо выучившие латиницу дети должны будут читать другую литературу, но какую? Сами же татарские специалисты и политики осуждают смену алфавита в 1920-е гг., так как татарам пришлось исключить из своего культурного багажа тексты, созданные на арабской графике. Но по сравнению с татарским кириллическим письменным наследием арабоязычное не идет ни в какое сравнение. Еще несколько лет тому назад некоторые энтузиасты латиницы приводили в свою пользу аргумент бурно развивающегося на латинице мирового Интернета, но сейчас русскоязычный Интернет – один из самых быстро растущих в мире. Переход на латиницу означает отказ живущих в Татарстане татар от большей части собственного письменного наследия, созданного в XX в.

Наконец, последний вопрос касается воздействия смены алфавита в Татарстане на статус и перспективы проживающих в республике казанских татар в общероссийском культурном и социально-политическом пространстве. Сегодня татары – это один из наиболее модернизированных и конкурентоспособных народов страны. Наряду с русскими, татары – одни из основных создателей исторической российской государственности. В какой мере латиница предоставит им дополнительные преимущества в жизненном преуспевании в рамках всей страны и не станет ли она одним из препятствий в социальной мобильности, сдерживая развитие народа в нынешних более конкурентных условиях? Нам представляется, что переход на латиницу приведет к неоправданному дистанцированию от общероссийского пространства, а точнее, к росту изолированности этой части граждан от остального населения страны по элементарной причине недостаточного знания кириллицы, а значит, и русского языка. Сегодняшнее двуязычие казанских татар – это их большое преимущество, а наличие двух алфавитов может лишить их этого преимущества.

На фоне этих вопросов нам представляются гораздо менее значимыми чисто фонетические аргументы, ибо они могут решаться дополнительной адаптацией той же самой кириллицы к фонетическому строю татарского языка. Подобные реформы делаются и сейчас во многих странах, а современные компьютерные технологии вообще снимают вопрос даже о введении в кириллицу латин-

ских графических элементов. Достаточно на клавиатуре одновременно нажать две клавиши.

Алфавит – не священная корова, и его реформы – обычное дело, но лучше делать это без спешки, не повторяя ошибки большевиков. Однако меньше всего я бы сводил данные дебаты к вопросу о неких геополитических проектах со стороны татарского национализма и сочувствующих ему или использующих его внешних сил, а тем более к вопросу об угрозе национальной безопасности России. В СССР одновременно существовало четыре алфавита, но государство распалось не по этой причине. Поставленные здесь вопросы пока никем не были обозначены, но от ответа на них уходить не стоит.

**ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ
В. ТИШКОВЫМ**
(интервью подготовил и провел
В.В. Козловский)*

– С Вашим именем связаны крупные научные разработки в области этнологии и участие в практической политике в качестве министра по национальным отношениям Российской Федерации. Как Вам удалось совмещать две весьма разнородные сферы деятельности и как долго это продолжалось?

В феврале 1992 г. я был назначен указом Президента председателем Комитета по делам национальностей, министром Российской Федерации и занимал эту должность до середины октября 1992 г., оставаясь на посту директора Института этнологии и антропологии РАН. Новая российская власть понимала необходимость учреждения отдельного правительственного ведомства, которое осуществляло бы государственную политику и управление в сфере межэтнических отношений, если говорить точнее – политику в отношении российских меньшинств (национальностей), или этническую политику. Поскольку речь шла о создании нового правительственного ведомства в условиях крайне быстрой и бурной политизации этнических проблем и серьезного кризиса в отношениях федерального центра с этнотерриториальными автономиями (республиками), было необходимо обеспечить не только механизм государственного управления этой сферой общественной жизни, но и выработать обновленные подходы и идеологию этнической политики на основе современного знания, а не старой догматики. Необходимость экспертного обеспечения нового министерства и краткосрочность политической жизни в условиях глубоких перемен побудили меня сохранить за собой должность директора академического института и даже продолжать некоторые научные разработки.

* Этнопанорама. 2001. №4. С. 68–75. (Опубликовано с разрешения редакции «Журнала социологии и социальной антропологии». 2001. Т. IV. №4. С. 5–36). Социологическое общество М.М. Ковалевского, СПб., 2001.

Политика и наука – это действительно две разнородные сферы, две разные формы человеческой деятельности, между которыми всегда должна сохраняться дистанция, но в то же время они не могут существовать друг без друга. Ученый-обществовед вне политики и вне воздействия сферы властных отношений – это миф, который опровергли еще первые авторы летописаний на Руси. Политика без науки, т.е. без должной доктринальной проработки и экспертизы, – это плохая, неэффективная политика, ведущая к неоправданным затратам ресурсов и порождающая разрушительные коллизии. Хотя я не сторонник старого клише «научного управления обществом» (политика формируется не только наукой, но и другими воздействующими факторами), но я убежден, что нет ничего практичнее для политики, чем хорошая теория. Несостоятельные доктрины, паранаучные конструкции и даже амбивалентный язык порождают амбивалентную политику. Но часто бывает не до академического пуризма, ибо есть инерция массового сознания, амбиции обученных по-старому и не желающих переучиваться, есть эмоционально и политически нагруженная риторика, от которой сразу уйти очень трудно, и какой-то компромисс науки и политики, а также ученого и политика неизбежен.

В моем случае этот компромисс-коллизия проходил на уровне одной личности. Уже висевшая на здании госкомитета табличка «Государственный комитет по национальной политике» (комитет был создан до моего назначения) вызывала мое внутреннее несогласие. Я, наверное, был первым и остаюсь в блестящем меньшинстве, кто считает этот ставший фундаментальным (в смысле бытового академизма и повседневного языка) термин неадекватным, ибо «национальная политика» – это политика обеспечения национальных интересов государства и всего общества. Но максимум возможного в 1992 г. для меня было исправить название ведомства на «Комитет по делам национальностей». Пришедшему мне на смену новому министру снова захотелось иметь слово «политика» в своем арсенале. Даже в таких простых вещах, как название ведомства, может заключаться большой доктринальный смысл, а значит, и содержание государственного управления.

В 90-е гг. – в период расцвета этнонационализма в стране – осуществить демонтаж термина-демиурга было невозможно. Только десять лет спустя я счел возможным открыто предложить хотя бы на уровне академического языка осторожнее пользоваться термином

«национальный», не закрывая путь для его общегражданского и общегосударственного понимания. Думаю, что мы будем двигаться в сторону более корректного обозначения этой сферы социально-политического бытия как «этническая политика» или хотя бы «политика в отношении российских национальностей».

Существовала еще одна трудная коллизия в судьбе ученого, ставшего политиком, – это необходимость выучивания норм и законов политического поведения и стиля государственного управления. Кратко я бы определил это как проблему одногласия и многогласия: министерство должно говорить одним голосом, а для академического сообщества это смерти подобно. Поэтому с утра и вечером в министерстве нужно обеспечивать полное единоначалие и одну позицию (не только в рамках ведомства, но и всего правительства), а днем, побывав в институте, поддерживать и лично «расслабиться» на принцип академической свободы. Возможно, второе у меня получалось лучше, ибо косвенно я ощущал упреки в недостатке «технологичности» и «твердорукости». У меня и первая ссора получилась с курировавшим меня вице-премьером В. Махарадзе, когда я впервые за свои тогдашние 50 лет услышал матерные слова в собственный адрес (язык, крайне обиденный для многих российских политиков).

И все же я, наверное, смог бы терпеть тяжесть совмещения должности, хотя ясно понимал, что «прорастать» в политику, а тем более связывать себя с определенной политической партией не буду. Причиной моего добровольного ухода из кабинета Ельцина – Гайдара (кажется, это был первый случай) стала не столько неприемлемая внешняя ситуация (стиль президента, недостаток понимания и поддержки, ненужные амбициозные соперничества со стороны других «авторов новой национальной политики» и прочее), сколько глубокий внутренний разлад по поводу исполнения законов и указов, которые мне представлялись несостоятельными именно с научной точки зрения. Приведу лишь два примера. Я не завизировал указ Президента о казачестве, но он был подписан Ельциным, и мне было поручено его исполнять. До сих пор считаю, что не выдай я пропуск группе казаков в Кремль на съезд народных депутатов, не помещал бы СМ. Шахрай свое фото в казачьей форме на обложку журнала «Столица», не создавай государство кремлевский департамент и другую госбюрократию по делам казачества, эту форму общественной мобилизации можно было бы сохранять на

уровне краеведческого движения, а не придавать легитимность низовой мифопоэтике и разрушительной линии на выстраивание суррогата параллельной государственности. Собственно говоря, казачество так и осталось на фольклорно-краеведческом уровне, и дай ему бог хотя бы в таком виде и сохраниться. Зато сколько было затрачено средств, времени и эмоций на неэффективные для государства и власти «игры в казаков».

Собственно говоря, подобной расточительной стратегии молодая российская власть, держатели которой выучились на старых учебниках, придерживалась и в отношении разнообразных форм этнической мобилизации, приняв (не без помощи ученых) за реальность так называемые «национальные движения», «национальные возрождения» как некие глубокие исторические закономерности, определяющие ход общественной эволюции. Тогда, в 1992 г., мне дорого обошлись привычные для современного антрополога фразы типа «нация – это воображаемая общность» или «нация – это то же племя, но только с армией». Ведь книга Б. Андерсон «Воображаемые общности. Размышления об истоках и распространении национализма» на русский язык была переведена и издана только в 2001 г., да и то ее еще предстоит прочитать нашему академическому и политическому истеблишменту.

Непонимание сложности феномена этничности и его политических проекций чаще всего выдавалось за особую «чувствительность национального вопроса», а управление сферой статусно-символического через те же символические методы и переговорные механизмы вообще было за пределами понимания российского политического клуба. Еще во введении к своей книге «Пожар в умах. Этничность, национализм и конфликты в и после Советского Союза» (издана в Лондоне в 1997 г. на английском языке) я написал, что «для ученого, ставшего политиком, который действует в сфере повседневного догматизма и драматичных событий, необходимо уметь проводить различия между мифопоэтической риторикой и реальными интересами». В российских правительственных кабинетах я был не единственным, кто пришел из академической среды, но те, кто имел отношение к сфере межэтнических отношений, этого урока не смогли выучить. Переучивать или противостоять было не в моих силах, и я предпочел отставку.

И все же я смотрю достаточно рационально на опыт работы в правительстве и на саму проблему взаимодействия науки и поли-

тики. Во-первых, почти все основные мои идеи и разработки нашли отражение, пусть не сразу и не в идеальном виде, что, видимо, и, невозможно в реальной жизни. Концепция государственной национальной политики и федеральный закон о национально-культурной автономии, принятые в 1996 г. и составляющие основу современной российской политики в данной области, первоначально были написаны мною (даже сохранились черновики), но в 1992 г. принять их было трудно. С доработками и компромиссами они все же были приняты. У них даже появились многие авторы. И ученый должен быть готов к такому косвенному и запаздывающему воздействию своих идей и политических предложений. Для меня лично пребывание в правительстве было бесценной «полевой работой». Я лучше научился понимать антропологию власти, вовлеченных во власть людей с их достоинствами и недостатками, условия и факторы, воздействующие на власть, существо происходящих в России общественных процессов. Благодаря этому пониманию, я не считал возможным уход в оппозицию, продолжаю сотрудничать с властью и оказывать по возможности содействие. Это моя страна и это моя власть, включая мысли и предложения, которые политики вычитывают из наших текстов.

– Для наших читателей, несомненно, интересно узнать, кто Вы как ученый-этнолог и каков был Ваш путь в науке. Иными словами, могли бы Вы дать краткий автобиографический экскурс.

– Что повлияло на Ваш выбор и Ваши приоритеты в профессиональной работе, на Ваше увлечение наукой, точнее, такими ее областями, как этнология, этническая социология, социальная и культурная антропология?

Я окончил исторический факультет МГУ в 1964 г. по кафедре новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки, которой тогда руководили И.С. Галкин и Е.Ф. Язьков. Последнему я особенно благодарен. В начале третьего курса после жестокого спора на семинаре по истории КПСС (сначала я выбрал эту специализацию), когда я, прочитав данную мне тайком американским стажером Мартином Малия книгу Исаака Дойчера «Сталин. Политическая биография», завел речь о репрессиях и тоталитаризме, мне было указано на дверь. Е.Ф. Язьков разрешил тогда мне перейти на его кафедру, и я стал специализироваться в области американистики. Курсовые и дипломную работы писал под руководством ныне покойного

Д.Е. Меламида и Г.Н. Севостьянова – ныне здравствующего академика и моего наставника по жизни («Валерий, я Вас сделаю историком», – сказал он мне при нашей первой встрече в 1962 г.).

Я стал историком и остаюсь таковым, хотя в последние два десятилетия интерес к этническому фактору в истории привел меня в другую дисциплину – этнологию или социально-культурную антропологию. Мои первые работы, как и обе диссертации, были написаны по ранней североамериканской истории, точнее, по истории Канады в период английского колониального господства. В аспирантуре моим научным руководителем был ныне покойный академик А.Л. Нарочницкий. Он был первоклассным ученым, большим эрудитом и поборником строгого академизма («Писать надо, как было»; «Хорошая работа по истории – это когда можно доверять хотя бы половине сносок»). «Я вместе со своим учеником изучал, историю Канады», – сказал он на банкете после моей защиты кандидатской диссертации. Он был прав в том, что давал свободу выбора и интерпретации, и даже не стал настаивать на включении в мой текст ссылок на В.И. Ленина.

Хотя я закончил аспирантуру при МГПИ им. В.И. Ленина, у меня сохранялись связи с Институтом всеобщей истории АН СССР, где сектором истории США руководил Г.Н. Севостьянов, привлекавший меня к написанию секторальных трудов и статей в «Американский ежегодник».

После нескольких лет преподавательской работы в Магаданском педагогическом институте, куда я сразу уехал после окончания МГУ, а затем и после окончания аспирантуры я вернулся в Москву и был принят на работу в Институт всеобщей истории в сектор истории США и Канады. Почти 5-летний срок работы на Крайнем Севере, в том числе в должности декана историко-филологического факультета пединститута, дал многое в плане расширения профессионального кругозора и жизненной социализации. Достаточно сказать, что моими коллегами-друзьями по работе в Магадане были ныне известный историк-романист Вольдемар Балязин и нынешний редактор журнала «Pro et Contra» М.П. Павлова-Сильванская. А еще была работа со студентами из числа представителей малочисленных народов Севера и из Якутии, что зародило интерес к живой этнографии, а точнее, к культурному многообразию.

В Институте всеобщей истории я проработал несколько лет, и в 1976 г. академик Е.М. Жуков, который был директором института и

академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, пригласил меня на работу ученым секретарем Отделения истории. Почти шесть лет были отданы этой достаточно интересной административной работе в аппарате президиума академии, хотя занятия исследовательской работой по истории Канады мною не прекращались, и в 1979 г. я защитил в Институте всеобщей истории докторскую диссертацию по вышедшей монографии «Освободительное движение в колониальной Канаде» (Наука, 1978). Работа с академиком Жуковым, а после его смерти – с академиками Б.Б. Пиотровским и С.Л. Тихвинским, которые возглавляли отделение истории, а также общение со многими выдающимися советскими историками и причастность к организационно-координационной работе в области исторических наук помогали профессиональному становлению как ученого-историка. Мною была написана общая «История Канады» (Мысль, 1982) и работа науковедческого и историографического характера «История и историки в США» (Наука, 1985).

В те же годы в моих интересах появляется два новых направления: это сотрудничество с академиком И.Д. Ковальченко в области применения количественных методов в истории и история американских индейцев. Первое не вылилось в какие-то собственные научные разработки и ограничилось содействием в рамках совместной советско-американской комиссии по данной проблеме организации серии международных симпозиумов и двух коллективных монографий советских и американских историков. Тем не менее знакомство с проблематикой и учеными, занимающимися проблемами социальной и аграрной истории (в США – это получивший позднее Нобелевскую премию Роберт Фогель, Теодор Рабб, Чарлз Тилли, Натали Зеймон-Дэвис; в СССР – это В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Б.Н. Миронов и другие), усилило мой интерес к методу исторического исследования и к общетеоретическим вопросам социальной эволюции.

С 1982 г. по приглашению академика Ю.В. Бромлея я перешел на работу в Институт этнографии АН СССР, где был избран заведующим сектором народов Америки, когда-то возглавлявшимся ученицей Ф. Боаса и замечательной исследовательницей американских индейцев Ю.П. Аверкиевой, а затем краткое время – членом-корреспондентом АН СССР И.Р. Григулевичем. Это был нелегкий переход фактически в другую дисциплину и в другое академическое сообщество, имевшее собственные традиции и лич-

ностно-профессиональные связи, которые строятся годами в ходе совместных этнографических экспедиций и совместного научного труда. Я с удовольствием стал осваивать этнографический метод исследования и теоретико-методологическую базу отечественной этнографии, занимаясь изучением североамериканских индейцев и других этнических проблем США и Канады. В 80-е гг., несмотря на существовавшие ограничения в зарубежных поездках, мне удалось провести полевые исследования во многих регионах и общинах этих двух стран (Гавайские острова, Аляска, Калифорния, Британская Колумбия, Квебек, Канадская Арктика, район Великих озер и другие). Совместно с коллегами по институту были написаны две книги о современном положении коренного населения Северной Америки, а также было положено начало регулярным симпозиумам по проблемам индеанистики (вышло пять сборников материалов симпозиумов под моей редакцией).

В институте я нашел поддержку со стороны многих выдающихся специалистов: ныне покойного академика В.П. Алексеева, члена-корреспондента С.А. Арутюнова, профессора С.И. Брука и, конечно, Ю.В. Бромлея. Исповедуя своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным инновациям, для меня всегда оставалось одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и внесение должного вклада в науку представителей старшего поколения. Именно по этой причине мною были выполнены серии разговоров-интервью с выдающимися представителями отечественной этнологии (Л.П. Потапов, Т.И. Жданко, С.И. Брук, К.В. Чистов, Е.П. Бусыгин), и эту серию я намерен завершить изданием отдельной книги в ближайшем будущем. Эти интервью – своего рода попытка саморефлексии в рамках собственной дисциплины, если хотите, этнография этнографии. Этим же интересом продиктована и моя работа во главе редколлегии серии «Этнографическая библиотека», в рамках которой вышел ряд хорошо откомментированных трудов классиков зарубежной и отечественной антропологии и этнологии.

В конце 80-х гг. мною был накоплен большой материал для написания монографии по проблемам современного статуса коренного населения Американского Севера, но написать этот труд не удалось. Виной тому стала сама жизнь, когда события в собственной стране стали более важны и интересны, чем зарубежная тематика. К тому же в 1988 г. я был назначен заместителем директора Инсти-

тута этнографии, а в 1989 г. избран директором этого института. Ситуация и должность определили необходимость заниматься отечественной тематикой, а именно, вопросами межэтнических отношений, так называемой национальной политикой, политической антропологией, этническими конфликтами. Все началось с публикации в 1989 г. статьи «Народы и государство» в журнале «Коммунист» и брошюры «Да изменится молитва моя!.. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений» (на основе доклада на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР 1 ноября 1989 г.), а затем статей об этническом аспекте Съезда народных депутатов и XXVIII съезда КПСС. Уже потом, после 1991 г., последовали более серьезные разработки в области изучения феномена этничности и национализма, а также обновленных подходов в сфере государственной политики в отношении «национального вопроса».

– Существует ли различие и единство между этнологией, этнической социологией и социальной антропологией? В чем они выражаются и есть ли смысл в их раздельном развитии в современной науке?

Пожалуй, основной вопрос, который встал передо мной в качестве директора института в условиях глубоких российских трансформаций, был вопрос определения границ и статуса, а также обновления теоретико-методологических основ дисциплины, которая до этого самоидентифицировалась как *этнография* и которая до сих пор остается по ваковской классификации поддисциплиной исторической науки. Мне было ясно, что существующий мировой контекст и номенклатура гуманитарного знания, а также радикальные подвижки в отечественном обществознании, когда рухнули целые дисциплины и появились новые интересы и новая информация, не оставят в покое так называемую традиционную этнографию. К тому времени я уже достаточно хорошо ориентировался в международном сообществе этнологов и антропологов, приняв участие в мировых конгрессах в Квебеке-Ванкувере (1983 г.), в Загребе (1988 г.) и в Мехико (1993 г.), где я был избран вице-президентом Международного союза антропологических и этнологических наук и переизбран на новый 5-летний срок на конгрессе в Уильямсбурге (1998 г.).

Казалось, можно было бы жить и в рамках старой вполне достойной научной идентичности, называемой *этнографией*. Миро-

вое сообщество признавало нас, российских этнографов, «своими», т.е. как этнологов и антропологов. И, казалось бы, вполне ясно, что зарубежные антропологи, начиная с Ф. Боаса, Б. Малиновского, М. Мид и К. Леви-Стросса, – это представители той же самой науки, что и вышедшие из Музея и Института этнографии отечественные классики В.Г. Тан-Богараз, Л.Я. Штернберг, А.Н. Максимов, Д.К. Зеленин, М.Г. Левин, Л.П. Потапов, В.О. Долгих и другие. Однако это было очевидно далеко не всем и далеко не без причины. Все-таки мировая социально-культурная антропология в последние десятилетия ушла далеко вперед в изучении культурного многообразия и давно не ограничивалась пределами этнической проблематики. Российская традиция жестко держала соответствующее научное сообщество в рамках этнической тематики и этнографического метода. Даже изучая воздействие техногенных катастроф (ядерной аварии на Урале) на местные сообщества, исследователь придавал своему интересу и старался всячески исполнять задачу, которую обозначал как «этнос и радиация». Можно также привести пример, как трудно в рамках нашего института приживалась этническая социология, т.е. изучение этничности методами социологического опроса. Хотя нужно отдать должное родоначальникам этого направления (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева), которые утвердили это направление в такой степени, что оно стало почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук – этнологии и социологии. Хотя сегодняшняя дисциплинарная грань по методу становится достаточно условной, ибо современная «понимающая социология» все больше проявляет интерес к этнографическому методу включенного наблюдения. И все же именно этот метод остается «торговой маркой» нашей дисциплины.

Однако само слово «антропология» к тому времени также обрело амбивалентный смысл. Помимо дисциплинарного обозначения, появились теоретико-методологические подходы в других дисциплинах, связанные с комплексным изучением феномена человека (философская антропология), с изучением истории повседневности, историко-культурного контекста больших сообществ (историческая антропология) и т.п. Многим хотелось занять в своем арсенале это привлекательное слово «антропология», даже некоторым телеведущим в названии своих программ. Надо признать, что одновременно и сами антропологи (я имею в виду – зарубежные) непомерно раздвинули собственные научные горизонты, и появилось большое

число «новых антропологий». Физическая антропология развилась в огромное число направлений и стала обретать более расширительное обозначение как «биологическая антропология». Более четко выделились и даже конституировались на уровне отдельных научных обществ и комиссий городская, медицинская, политическая, прикладная, юридическая, тендерная, аудиовизуальная антропологии. Сами же западные антропологи начали жаловаться, что теперь антропологией стали называться почти все отрасли гуманитарного знания и следует более четко определять собственные дисциплинарные границы, чтобы не потерять дисциплину вообще.

В последние два десятилетия произошла и географическая экспансия антропологии: из преимущественно европейской науки она стала мировой, с точки зрения идентификации исследователей и обозначения образовательных институтов. Появились новые и сильные национальные антропологические (не этнологические!) школы в странах Азии, Латинской Америки и Африки. Несмотря на то, что в большинстве своем это были выпускники англо-американских элитных университетов, ученые – выходцы из Индии, Китая, Филиппин, Индонезии, арабских и африканских стран составили новое и неповторимое в своих ориентациях и по своему научному вкладу поколение (Стенли Тэмбайа, Шмадар Лэви, Мариан Цинк, Парта Чатарджи, Акхил Гупта и другие).

Последний бастион – восточно-европейская этнология и этнография – стал рушиться в 1990-е гг., когда многие коллеги в Польше, Венгрии, бывшей ГДР, Чехословакии, Югославии стали называть себя социальными или культурными антропологами, меняя названия институтов, факультетов и кафедр. В 1992 г., по инициативе британского антрополога Адама Купера, была создана Европейская ассоциация социальных антропологов (ЕАСА), частично чтобы дистанцироваться от экспансионизма американской антропологии, но, частично, и чтобы вобрать в рамки западноевропейской социальной антропологии освободившееся от «коммунистических пут» восточноевропейское научное сообщество. Не случайно приглашение получили и стали первыми участниками учредительного съезда в Коимбре (Португалия) именно представители нашего Института этнографии. Только случайно мне не удалось быть на этом конгрессе и войти в число «отцов-основателей» этой ныне самой мощной ассоциации европейских социальных антропологов. В последние годы на конгрессах ЕАСА отечественные академические эт-

нологи уступают место немногим появившимся в стране ученым, которые к своим востоковедческим, историко-лингвистическим, археологическим, политологическим или социологическим самокатегоризациям добавляют антропологическую дефиницию и в целом не выглядят «белыми воронами», если докладывают добротные результаты научных исследований.

С учетом быстро меняющегося исторического контекста было очевидно, что реконфигурация научной идентичности и смена некоторых приоритетов придут и в Россию. Тем более, что десятки тысяч лишенных привычных дисциплинарных ниш в рамках марксистско-ленинского и научно-коммунистического комплекса будут вынуждены искать новые тематические сферы, статус и обозначения. Еще в начале 90-х гг. я пришел к выводу, что если мы сами не осуществим доброкачественную экспансию, то рискуем остаться в «этнографическом кафтане» конца XIX в. – начала XX в., а антропологами в России станут другие, которые к тому же сами и определят, что есть для них антропология. Отчасти, так оно и получилось. Выработанные отдельными активными членами обществоведческого сообщества представления и даже «пробитый» через недостаточно компетентное министерское руководство государственный стандарт обучения по специальности «социальный антрополог» к антропологии имеют условное отношение.

Лишенные амбиций на рынке образовательных услуг и, отчасти, самонадеянные в собственном «величии» российские этнографы сделали всего один важный шаг в направлении собственной модернизации, но и он был сделан не без труда. Это было инициированное мною в самом начале 90-х гг. переименование Академического института этнографии в Институт этнологии и антропологии, что неминуемо повлекло изменение названия дисциплины и болезненные коллизии в рамках профессионального сообщества этнографов. Одни видели в смене названия разрушение «классической этнографии», другие вполне охотно принимали новое обозначение «этнология», третьи были готовы сделать шаг в направлении обозначения себя социальным или культурным антропологом, четвертые (физические антропологи) – как были, так и оставались антропологами, немного опасаясь, что, помимо их самих, появляются еще и «другие» антропологи.

Моя позиция состояла в том, что подобные смены не должны происходить декретивным образом. Желаящие оставаться этно-

графами не должны отказываться от этого и называть себя этнологами. Кстати, сам характер труда некоторых специалистов в нашей сфере сосредоточен именно в этнографии. Однако что есть для меня этнография? Этнография – это то, что этнолог или антрополог делает в поле, включая также и сам этнографический нарратив. *Этнография есть цеховая основа дисциплины*, которую называют этнология (российская, частично европейская традиция), социальная антропология (западноевропейская традиция), культурная антропология (североамериканская традиция). Однако в современном мире, в том числе и в России, остается большая категория ученых и практических работников, которые занимаются именно этнографией, при этом не останавливаясь перед «вратами теории», а опираясь на и делая теорию, но только не в столь самодовлеющем ключе. Прежде всего я имею в виду многочисленный отряд работников этнографических музеев, включая растущее число местных, краеведческих музеев и музеев под открытым небом. Некоторых специалистов, выполняющих разработки в области этнокультурных аспектов производства (художественный промысел, шоу- и мода-бизнес, дизайн-индустрия и прочее) и этнических предпочтений рынка потребления. Есть и кабинетные ученые в академических структурах, которых адекватнее будет определять как этнографы и которые, возможно, слишком поспешно отказались от столь достойной дефиниции. Ученый ИЭА РАН, делающий историко-этнографическое обследование зон хозяйствования коренных малочисленных групп населения для утилитарных целей развития или для экономического и правового обеспечения программ и проектов, «делает этнографию» или «прикладную антропологию».

Именно в целях более широкого понимания данной сферы научной и образовательной деятельности название основной профессиональной ассоциации в стране звучит как «Ассоциация этнографов и антропологов России». Мне представлялось несправедливым 10 лет тому назад в самом начале процесса перемен зачислять всех этнографов страны в этнологов. Даже в академическом институте оставались стойкие приверженцы одного старого названия. Сейчас этнолог и этнология чувствуют себя уверенно, и моя собственная озабоченность в данный момент – это чтобы люди не разучились делать этнографию и не утратили к ней вкуса. Только что вышедшее в свет мое собственное исследование проблемы общества в вооруженном конфликте имеет на книжном титуле подзаголовок

«этнография чеченской войны», ибо из 552 страниц около трети текста составляют «прямые голоса», т.е. свидетельства информантов, научный смысл и воздействующая сила которых нисколько не меньше (а возможно даже и больше!) собственно авторского текста. Этой книгой я доказал самому себе, что могу заниматься этнографией, причем в ее крайне усложненном варианте недоступности этнографического поля в его традиционном понимании.

Если говорить о смысле раздельного существования наук этнологии, этнической социологии и социальной антропологии, то этнической социологии как науки не существует, этнология и социально-культурная антропология – это во многом синонимы, хотя поле последней значительно шире, но метод – один.

– Как бы Вы охарактеризовали ситуацию в теоретических и эмпирических исследованиях в России и за рубежом? В каком направлении, с Вашей точки зрения, развивается современная мировая и российская социология?

Я не делю исследования на теоретические и эмпирические. Лучшая теория делается в виде заметок на полях полевых дневников. Без «эмпирики» трудно получить новое знание, а без нового знания нет научного исследования, а может быть просто умное или поверхностное рассуждение или просвещенная журналистика. Эмпирика без теории – это не исследование, в любой эмпирике есть систематизация и скрытая теория, даже в тексте этикетки этнографического экспоната, не говоря о концепции этнографической выставки.

Ситуация в отечественном обществознании неоднозначная. Есть ряд дисциплин и направлений, которые на лидирующих мировых позициях. Главным образом – это домен так называемых классических штудий в сфере археологии, историографии, языкознания и некоторых других, которые с советских времен пользуются добротной государственной поддержкой. В академической науке последнего десятилетия утвердились новые дисциплины, но основное обновление шло через «возвращение забытых имен» или через перевод и издание зарубежных текстов. Оба эти процесса были нагружены идеолого-политическими установками и некоторыми морально-этическими соображениями (особенно если речь шла о репрессированных ученых). В итоге «навар» для подлинного развития науки невелик. Ликвидация пробелов в форме издания текстов, которые студент был бы обязан прочитать на первом-втором курсах, – это еще не развитие науки. Это даже может быть шаг на-

зад, когда авторы, писавшие в начале или в первой половине прошлого века, вдруг становятся основными отсылочными авторитетами со всей их безнадежно устаревшей методологией и наивно-романтическими или обскурантистскими (часто расистскими) воззрениями. Так, без должной критической оценки были «возвращены» в современный арсенал науки Ильин, Бердяев, Розанов, Соловьев, Федотов, Шпет, Широкогоров и многие другие.

Переводы и новые издания старых текстов даже самых крупных ученых всегда требуют критического анализа с точки зрения современного знания, которое очень быстро развивается. Сегодня переиздавать очень уязвимые даже для своего времени теоретические конструкции Широкогорова по поводу «этнoса» или работу Шпета по так называемой этнопсихологии и не сопровождать их должными комментариями с позиций современной антропологии – это означает делать шаг назад, а не вперед. Ибо не каждый рядовой потребитель данных текстов, а тем более студенты способны осуществить критический анализ и многое воспринимают в старых текстах как некое открытие некогда запретных тем или даже истин.

В отечественном обществознании сложилась еще одна серьезная коллизия уже в рамках нынешнего поколения. Десять лет тому назад мне представлялось, что перевод и издание современных зарубежных авторов сами по себе вызовут серьезный пересмотр существовавшей теоретической базы и тематических горизонтов в изучении культуры и общества в их антропологической перспективе. По крайней мере, отход от эссенциалистского, глубоко примордиального видения этнического фактора в условиях блистательных демонстраций социального конструирования культурных различий и этнических мобилизаций (пост)советского времени представлялся неизбежным и скорым. Я даже не стал публиковать свою статью «Реквием по этносу» с критикой так называемой советской теории этноса, чтобы не раздражать своих ближайших коллег излишним эпатажем по поводу одной из «священных коров» отечественной этнографии с начала 60-х гг. Казалось, что массовая эволюция дисциплины через конкретные исследовательские опыты будет более естественной, чем громкое свержение доминирующей научной парадигмы.

Но я оказался не прав. Произошло обратное по ряду причин. Этнические лояльности как форма групповой солидарности и по-

литического действия во многом заняли место разрушенных основ коллективных и частных стратегий (социалистическая/коммунистическая риторика, советский патриотизм, «моральный кодекс» и т.п.). Этнонационализм, особенно после распада СССР, был воспринят как «триумф наций» (по выражению французского историка Э. Карер Данкосс), а не как триумф метафоры «триумфа наций». Сконструированное в ходе открытого насильственного конфликта «чеченство» представлялось как проявление до сих пор непознанного и непонятого политиками и военными этноса времен военной демократии, который невозможно подчинить современному закону, а тем более «завоевать». Другими словами, сложные «практики» стали представляться не как политический проект или мобилизация историко-культурного материала для современных целей, а как проявление глубинных, «этногенетических» исторических закономерностей. Само же этническое стало представляться явлением настолько архетипическим, что без обращения к нему уже не могли представить свои занятия не только антропологи, но и историки, социологи, политологи, психологи и даже экономисты.

Массовое вторжение в сферу этнического неопитов от других дисциплин обусловило заимствование имевшегося в этнологии теоретического конструкта в его наиболее упрощенной и привлекательной форме. К хорошо сохранившимся в научных и вузовских библиотеках работам Ю.В. Бромлея добавились миллионные тиражи книг Л.Н. Гумилева, в которых полезная историческая публицистика переплелась с абсолютно несостоятельными конструкциями по поводу этносов и суперэтносов, «пассионарности», «комплиментарности» и других проявлений биосоциальности в рамках «геосферы Земли». За этим последовали наскоро написанные словари, справочники, учебники по этнологии, «исторической этнологии», национализму, а этнология в ее наиболее примитивном виде (описание этнических групп по языковым семьям) стала читаться во всех (!) вузах страны неподготовленными для этого преподавателями.

Реванш примордиализма и ортодоксальности был закреплен нетерпимым (на грани ерничества) отношением к таким направлениям в современной гуманитарной мысли, как конструктивистско-инструменталистские подходы и постмодернистские конструкции. Можно только позавидовать энтузиазму представителей старшего поколения, которые не только не сдали ортодоксальных позиций в

области изучения «теории этноса» и «национального вопроса», но и написали новые труды, инкорпорировав в них собственное понимание трансформаций последнего десятилетия (см. книги В.И. Козлова, Ю.И. Семенова, М.Н. Руткевича, Джунусова и других). Но самыми активными оказались так называемые «социальные философы», которые узурпировали социальную антропологию в качестве «новой учебной дисциплины», за которой скрывалась обычная философская антропология в разных ее вариантах (см., например, учебник для вузов: В.В. Шаронов «Основы социальной антропологии», 1997).

Не менее настойчивыми оказались и давние специалисты по «национальному вопросу» из идеологического и образовательного цеха марксизма-ленинизма. Они изобретательно искали новую нишу, вплоть до предложения новой дисциплины «нациология», и в конечном итоге «дожали» Высшую аттестационную комиссию, включив в раздел политологии дисциплину «национальные институты и национальные процессы». Вы будете удивляться, но речь идет не о государственных институтах и не о гражданских общественных процессах, а о сфере этнической политики и ее институциональных формах. Инициаторами выступили преподаватели Российской академии государственной службы, где теперь получают ученые степени специалисты по «национальным» (читай – этническим) проблемам главным образом из российской периферии. Софистика «национальных проблем» занимает приличное пространство, достаточно просмотреть многочисленные рефераты диссертационных работ, защищаемых в РАГС. Причем в РАГС царит методологическая нетерпимость по данному вопросу, а уж ссылка на мои работы – это гарантированные «черные шары». Удивительно, каким образом через приверженность несостоятельной теории государственное учреждение воспроизводит язык и специалистов, отрицающих национальные процессы и национальные институты в их общепризнанном значении, и тем самым отрицая российскую национальную государственность и российскую национальную общность.

В этой ситуации мне иногда кажется, что в науке чаще происходит и имеет большую значимость не смена теоретических парадигм, а смена поколений. Однако новое поколение совсем не означает новые взгляды. Я уже встречал молодых специалистов, которые называют себя «антропологами», но выучились они по про-

граммам и учебникам, которые к данной дисциплине не имеют отношения, а слова «включенное наблюдение» им оказались неизвестными. В итоге, в каком направлении развивается современная российская социология, я не могу сказать, ибо я не социолог. А вот в каком направлении развивается современная российская этнология, могу сказать, что в неопределенном направлении или в самых разных направлениях.

– Каковы особенности развития современных исследований национальных отношений, этносов? Можно ли говорить о новейшей тенденции превращения этнологии в социальную антропологию?

Я не знаю, что такое «национальные отношения». Если говорить об изучении этнических проблем, в т.ч. вопросов межэтнических взаимодействий (отношений), то в отечественной науке доминирующим остается историко-этнографический подход, каким он был 20–30 лет тому назад. Если взять тематику диссертаций, защищаемых в стране по специальности «этнография, этнология, антропология», а также основной массив научных книг и наиболее престижных изданий, то здесь есть две стойкие тенденции. Одна из них в том, что в диссертациях научные руководители через своих учеников продолжают реализовывать установку, что где-то на рубеже XIX–XX вв. существовала некая норма традиционной культуры, после чего началась ее безнадежная утрата. А всего-то данный феномен связан с тривиальным фактом становления профессиональной этнографии именно на рубеже двух прошлых веков и естественно – вовлечения в исследовательский арсенал прежде всего современных материалов, но современных для своего времени! Значит, этнография должна не только искать утраченную норму-традицию и совершать необходимые исторические экскурсы, но и прежде всего уметь видеть культурные практики современного общества. «Заниматься надо этнографией: все же исчезает!» – сказал мне один выдающийся академик-историк. Так вот – в этнографии ничего не исчезает, ибо всегда появляется что-то новое и становится тем, что потом назовут «традицией».

Вторая тенденция проявляется в создании историко-этнографических описаний по народам. По предложению покойного Ю.Б. Симченко мы начали в 1990-е гг. новую фундаментальную серию «Народы и культуры», которая на новом уровне и на новых материалах повторяет частично проект «Народы мира», выполнен-

ный в 1950–60-е гг. под руководством С.П. Толстого. Большая и отрадная разница прежде всего в том, что эти описания создаются представителями научных школ, которые существуют среди самого народа. «Украинцев» написали ученые Украины, «Белорусов» – ученые Беларуси, «Татар» написали татары и так далее. Этнического национализма и теоретических плоскостей в этих трудах хватает, но в них содержится новейший эмпирический материал и полезные коррективы русско-центристской версии национальной истории, имея в виду российское государство во всех его конфигурациях. Эти труды имеют большое общественно-политическое и образовательное значение. Данный проект будет продолжаться, как и будут продолжаться выходить отдельные «монографии по народам», содержащие солидные исторические экскурсы. Так что исследование «этносов» продолжается, но едва ли это будет генеральным научным направлением через десять лет. Сам интерес к «детальному изучению малых сообществ» – основа социально-культурной антропологии – сохранится, но это не обязательно будут этнические группы. Во-вторых, наука, на мой взгляд, должна преодолеть эпитимью «группизма»: антропологи, социологи, политологи должны пойти дальше самодовлеющего понятия группы, будь это этнос, класс, нация, страта, раса, меньшинство и т.п. Группы – в большинстве своем это социальные конструкторы или академические категории, которые все чаще становятся не операциональными как для научного анализа, так и для политики управления. В-третьих, наука о теоретической практике в культуре и обществе (так можно попытаться схватить суть социально-культурной антропологии) все больше будет уходить от культурной нормы и типа к культурной сложности и многокультурности. Но понимая многокультурность не как суррогат «многонациональности», а как сложность, начинающуюся на уровне личности.

Феномен маркутизации станет не ругательной литературной метафорой, а предметом исследования того, что уже давно является культурной нормой, а не аномалией.

ВООРУЖЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ ЕСТЬ ОБЩАЯ УГРОЗА*

В истории двух наших академий, Российской академии наук и Национальной академии США, было много интересных проектов. В частности, был проведен ряд совместных симпозиумов, посвященных проблемам этничности и государства, где непосредственно участвовал наш институт, Институт этнологии и антропологии РАН. Я действительно согласен с профессором Р. Адамсом в том, что у нас сегодня есть какой-то особый момент в истории сотрудничества двух наших академий. Он вызван большими переменами, которые произошли в целом мире за последние десять лет, и прежде всего в России. А также теми драматическими, трагическими событиями, которые произошли в последние месяцы, особенно в Соединенных Штатах Америки. Этот контекст, или особая динамика самой истории, самой жизни как бы накладывает на нас особую ответственность, особый интерес, чтобы обсуждать проблему конфликта. Я благодарен своим коллегам с американской стороны, которые предложили на нашей рабочей встрече в июне 2001 г. здесь в Вашингтоне, это была идея Чарльза Тилли, прежде всего, не проводить обычную рутинную конференцию с докладами, а попытаться сделать мозговой штурм, работу в малых группах, подготовить заранее краткое изложение того, что сделано в науке. И мне кажется, что работа первых двух дней в рабочих группах уже дала нам хорошие результаты.

Мне доставляет особое удовольствие сказать, что в этот раз с обеих сторон в этом проекте участвуют, я считаю, выдающиеся представители современной науки – американской и российской. Для нас, для российских ученых, большая честь, что эту работу

* Этнопанорама. 2002. №1. С. 79–80.

Доклад прочитан на российско-американском межакадемическом симпозиуме «Конфликты в многоэтничных обществах» (декабрь 2001 г. – Вашингтон)

координировали и сами участвовали в симпозиуме ученые, известные во всем мире, такие, как Чарльз Тилли, Роберт Адамс и другие.

И особенно мне приятно говорить, что в этот раз российская делегация представлена очень интересными людьми – это двенадцать профессоров. И все они трудятся в разных университетах, академических институтах, в разных регионах. Я помню времена, когда мы приезжали сюда делегациями и представляли только Москву или в лучшем случае – Ленинград. Сегодня среди нас есть и представители Северного Кавказа, Ростова, Поволжья, условно говоря, а точнее – Южного Урала (не могу как уралец Оренбург отдать Поволжью). У нас есть и представители Саратова, Санкт-Петербурга. И мне кажется, хорошая была идея наших американских коллег включить непосредственно в академический диалог практических политиков тех, кто занимается управлением сложными многоэтническими сообществами, принимает решения в этой сфере. И на этот раз с российской стороны на симпозиуме присутствует группа трех наших политиков. Когда мы уезжали из Москвы, то мы очень хорошо продумали этот вопрос. Все три политика представляют три уровня государственной власти в России – это уровень субъекта Федерации – профессор Веналий Амелин – руководитель комитета исполнительной власти в Оренбургской области по делам меньшинств. Это уровень федерального округа – доктор Владимир Зорин – один из руководителей федерального округа в Поволжье. И федеральный уровень – уровень Государственной думы, высшей законодательной власти – доктор Светлана Смирнова, заместитель председателя комитета по делам национальностей Государственной думы. Но пока мы летели в самолете, Президент В.В. Путин подписал Указ, которым назначил Владимира Зорина федеральным министром Российской Федерации. Я хотел поблагодарить всех тех, кто непосредственно принимал участие в организации этого симпозиума – второй фазы, включая декабрьскую конференцию 2000 г. в Москве. Потому что первая фаза у нас была пять-шесть лет тому назад, когда мы в Москве проводили конференцию «Этничность и власть в многонациональном государстве». Я хотел поблагодарить, прежде всего, работников Национальной академии наук США – Глена Швайцера, Риту Гюнтер, а также представителя президиума Российской академии наук Юрия Шияна и основного донора нашего мероприятия – это Фонд Макартуров, который, кстати говоря, делает огромную работу по поддержке академических исследований

и другой деятельности в Российской Федерации. Я надеюсь, что все мы получим удовлетворение от этого симпозиума.

К сказанному добавлю еще несколько тезисов. Первое – это вопрос о территориях, границах и ресурсах – сфера, которая имеет огромное значение, имеет прямое отношение к построению межэтнических отношений и конфликтных ситуаций. А открытые вооруженные конфликты почти всегда были связаны с этими проблемами, которые произошли на территории бывшего Советского Союза, причем, я бы сказал, территория, как теперь становится ясным, имеет не только утилитарное значение как ресурса жизнеобеспечения, но имеет еще и символический смысл, который связан с историко-культурными ценностями, а также с историческим образом той или иной страны, того или иного народа. Отсюда и в частных конфликтах возникали такие проблемы, как историческая территория. И вокруг этого как раз очень часто возникала мобилизация на открытый конфликт. Распад Советского Союза произошел в ситуации, где административные границы между союзными республиками вообще не были демилитарованы, и вполне можно было ожидать огромных коллизий и крови по поводу территориальных границ. В целом этот вопрос был решен, хотя до сегодняшнего момента границы между постсоветскими государствами официально не демилитарованы, и если мы говорим о каких-то перспективах, всевозможных коллизиях в будущем, вопрос территорий должен быть рассмотрен в следующей повестке дня, и ученые должны обратить на это внимание. Во-первых, остаются спорные территории в ряде регионов, особенно в горных местностях, а также долины рек и оазисов в Средней Азии. Имеют место довольно неприятные ситуации в последнее время, как, например, минирование пограничной полосы, как это происходило на границе с Таджикистаном и Киргизией. Это приводит к огромным проблемам и даже к жертвам среди гражданского населения, затрудняет коммуникации, осложняет гуманитарные, человеческие связи между постсоветскими государствами, мешает торговле и экономике. Я считаю (хотя с этим выводом не все согласны), что население будет уважать постсоветские границы между государствами только в том случае, если эти границы будут транспарентными, т.е. в принципе открытыми. Можно решить проблемы, которые сегодня возникли, проблемы, связанные с трафиком, доставкой наркотиков, оружия, проникновением нелегальных эмигрантов или даже участ-

ников различных вооруженных формирований. Здесь проблему можно решить более тесным сотрудничеством специальных служб, властей, армий и другими механизмами. Но границы между постсоветскими государствами должны быть открытыми, и в этом отношении проблема, которая может возникнуть в связи со вступлением стран Балтии в Европейский союз и образованием, скажем, Калининградского анклава, таит в себе в определенной мере конфликтный потенциал. И эту проблему надо изучать и находить ответы. Должен сказать, что между постсоветскими государствами, хотя им достались разные территории и разные ресурсы, не было больших войн и нет больших претензий по поводу перемещения той или иной территории в пользу другого государства. За эти десять лет как бы ушли на задний план горячие разговоры, например в России, что Крым всегда был русским, что означало, что Крым ошибочно был передан Украине, его нужно вернуть России. В принципе сегодня нет никаких сил или конкретных действий как со стороны России в отношении возможной аннексии Абхазии, так и со стороны Украины о возможной аннексии Приднестровья. Поэтому мой вывод сводится к тому, что необходимо признать не только сам факт образования пятнадцати государств, но и абсолютную невозможность исключения второго раунда дезинтеграции в рамках бывшего Советского Союза. Стратегия должна быть, и весь опыт наших последних лет показал, что нужно улучшать управление, систему управления, а не делить государство и образовывать новые границы. Это абсолютно бесперспективная стратегия, она себя продемонстрировала и на примере бывшей Югославии, и фактически она нереализуема на территории бывшего Советского Союза. Поэтому мне кажется, что руководители постсоветских государств пришли к выводу, а это впервые более четко прозвучало на последнем саммите стран СНГ в Москве, что необходим единый принцип, единый стандарт в отношении вооруженного сепаратизма. Это очень важно, потому что в течение всех этих лет политика в отношении сепаратистских регионов со стороны руководителей государств и общественности, политических сил была часто очень противоречивая. Россия в начале 90-х гг. могла бы, пусть не на уровне официальном, не на уровне Кремля, а на уровне, скажем, генералов, местной русской общины, поддерживать вариант отделения Абхазии и, может быть, даже присоединения ее к России. В ответ Грузия поддерживала чеченский сепаратизм.

Россия поддерживала Армению с Нагорным Карабахом или, по крайней мере, не выступала в пользу территориальной целостности Азербайджана, что, в свою очередь, позволяло Азербайджану также использовать разные варианты, дестабилизируя ситуацию на Северном Кавказе, Дагестане и в Чечне. Вот сейчас можно сказать, что пришло как бы осознание – это новое явление, вооруженный сепаратизм есть общая угроза. И те конфликты, которые произошли на территории бывшего Советского Союза, могут быть решены, они фактически как бы одержали военную победу, но не достигли политической цели. Это и Нагорный Карабах, это и Приднестровье, это и Абхазия, это и Чечня. И они не достигнут этой политической цели, то есть создание новых независимых жизнеспособных государств, ибо сами национальные государства, Содружество Независимых Государств (СНГ), международное сообщество, включая Организацию Объединенных Наций, не признают эти самопровозглашенные государства. Вот это имеет огромное принципиальное значение для всей политической стратегии, геополитики постсоветского пространства. Сепаратистский проект себя изжил, хотя у него было очень много энтузиастов. И многие представители, в том числе академической науки, поддерживали эти проекты, исходя из того, что за ними стоят угнетенные меньшинства или же такие нации, которые в свое время не получили, не реализовали свое право на самоопределение в момент распада Советского Союза. Вся эта риторика фактически сегодня показывает свою несостоятельность.

Следующий вопрос связан с демографией и миграциями. Эта проблема основана на проблеме межэтнических конфликтов и в целом этнической ситуации. За последние десять лет в пространстве бывшего СССР демографическая ситуация отличалась двумя важнейшими тенденциями: одна из них – это сокращение естественного роста населения большинства постсоветских государств. Сильнее всего эта тенденция проявилась в странах Балтии, Белоруссии, России, Украине, Армении. В других странах темпы роста населения оставались прежними, в том числе и высокими, как, например, в Средней Азии. Вот что сейчас стало ясно нашим специалистам: к так называемой шоковой терапии сокращение естественного роста населения не имеет такого прямого отношения. Это скорее продолжение цикла, но цикла длительного демографического.

О МЕХАНИЗМАХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАСИЛИЯ*

Выступать в защиту тех, кто подвергается дискриминации, кто подвергается косвенному или прямому насилию, а также осуждать тех, кто силой конкретных лиц или групп нарушает мир и согласие в обществе или провоцируют насилие, – гражданский и профессиональный долг тех, кто занимается вопросами межнациональных отношений. При этом считать, что общество ушло от норм мирного и гармоничного проживания, – значит в какой-то мере себя разоружать. Любое общество, особенно сложное по этническому составу, на разных этапах своего развития нередко переживает ситуацию, когда отдельные его части, группы, региональные сообщества конкурируют, состязаются между собой, в результате чего возникают противоречия.

В то же время любое общество, особенно в эпоху современных государств, научилось вырабатывать как традиционные, так и современные государственные механизмы предотвращения насилия. Существуют три ключевые сферы, в которых действуют эти механизмы и на которые я хотел бы обратить внимание.

Первое – государство. Формы государственного принуждения, защиты против тех, кто инициирует насилие. В этом отношении необходимо срочно провести серьезный анализ, дискуссию вокруг действующих формул в нашем законодательстве, особенно в уголовном праве, которые достались нам от советского времени. Они тогда плохо работали, а сейчас совсем не работают. Необходима четкая формулировка – что такое разжигание коллективной, межгрупповой розни, что такое – угроза косвенная и прямая, что такое – исполнение насилия. Сегодняшние формулировки национальной чести и достоинств крайне уязвимы, недоказуемы. Наука с трудом определяет, что такое национальная честь, скажем, чуваша, цыгана, русского и т.д. Наши юристы никак не могут здесь по-на-

* Этнопанорама. 2002. №2. С. 78–80.

стоящему поработать, хотя есть уже проверенный опыт того, как аналогичные правовые нормы действуют в других странах.

Второе – подготовка и специализация судебного корпуса. По своему опыту участия в процессе против Касимовского, газеты «Штурмовик» против покойного Безверхова – отца российского неофашизма, могу утверждать, что часто судейский корпус, я уже не говорю об обычных следователях, прокурорах и т.д., отражает тот уровень бытовой стереотипизации ксенофобии, в результате которого судьи не могут противостоять изошренным адвокатским аргументам. Например, госпожа Новодворская – русская, и если она сказала, что русскому народу место у параша, то адвокат Резник сумел убедить в том, что она оскорбила саму себя, а за это судить нельзя. Судья не нашел никаких опровергающих аргументов.

В этом же плане я хотел бы рассмотреть и вопрос о подготовке рядового милицейского состава. Например, милиция Москвы. Сюда приходят ребята не только из Москвы, но и из подмосковных пригородов, из московских деревень, выросшие порой в жесткой, не очень образованной среде. Их образование минимальное. Нередко эти люди в силу своего культурного гранта, воспитания склонны к жестокости, поэтому надо их учить, как обращаться с гражданами, как соблюдать их права, как правильно разговаривать. В этом отношении необходимы новые курсы, пособия, инструкции. Складывается такое впечатление, что они настолько сильны в антропологии, что по внешнему виду определяют, кто есть кто. И получается, что самые лучшие антропологи – это милиционеры, которые стоят при входе в метро.

Высший милицейский состав тоже требует своего рода инструктажа, может быть не через пособия и инструкции, а через какие-нибудь поездки, ознакомительные туры в другие страны, где складываются аналогичные ситуации, связанные с антииммигрантскими выступлениями, массовыми погромами и проч. В других социальных сферах действует масса высших школ, академий, скажем, по экономике, где готовят топ-менеджеров высшего класса. А вот милиционеров для работы с людьми на улицах никто не готовит.

Вызывает у меня сомнение и квалификация людей, которые отвечают за миграционную политику в администрации президента, если именно в администрации формируется установка на то, что миграция понимается для России как угроза национальной безопасности. Для меня угроза национальной безопасности сегодня

– это уровень осознания нашими высшими чиновниками миграционной проблемы.

Третье – это сфера действия СМИ. Я считаю неприличным, когда люди, представляющие элиту нашей журналистики, для того, чтобы поднять рейтинг своих программ, строят всю драматургию своих ток-шоу на конфликте. И пока эти передачи будут строиться подобным образом, обязательно будут звучать провокационные, разжигательные рознь заявления, и получится, что все наши разговоры бесполезны. Степень воздействия подобным образом выстроенных передач высока. Если я сложу все свои статьи, опубликую их, раздам, все равно я не смогу добиться большего воздействия. Их еще надо прочитать, осмыслить, а тут – две-три реплики – и уже интрига.

Необходим мониторинг нашей прессы. Когда журналисты говорят, что зачем пенять на зеркало, если рожа крива, мы просто отражаем, это, конечно, не так. Наука о журналистике, о масс-медиа говорит о том, что они не только отражают, но и конструируют реальность, вызывают к жизни через свои предписания, через свое сознание. Поэтому нужно работать и с журналистским корпусом. Я не знаю, какова сегодня учебная программа на факультете журналистики в МГУ или Высших журналистских курсах, но эту сферу надо усилить, ввести новые методики. Язык СМИ по-прежнему остается грязным – расистские категории сквозят в речи почти каждого журналиста. Это вызывает у меня опасение.

И последнее. Что в этом отношении могли бы сделать гражданское общество, общественные организации, например, такие, как наша Ассамблея? Я считаю, что беда таких больших акций в том, что, как правило, за ними ничего не следует. Пройдут антифашистский конгресс или гражданский форум – и все. Вот если бы попробовали найти активистов, волонтеров, какие-то современные способы воздействия на молодежь, особенно студенческую, то можно было бы вести речь о широких кампаниях.

Особенную роль в этом должен играть учительский корпус. Во многих странах, особенно средней модернизации, например, в Мексике, учителя – важнейшая сила воздействия на гражданское общество. Это наиболее авторитетные люди в низовых общинах, особенно в сельской местности. Давайте посмотрим, что может сделать учительство в каждом классе. Учитель знает, что если в классе появился подросток с бритой головой и черной куртке, – это сиг-

нал беды. На этой стадии нужно бить тревогу. А когда он уже начался литературы, перешел черту, в его голове только определенные установки, от которых почти нет пути назад, тогда уже поздно. Когда учитель услышал на перемене обидные клички этнического содержания, тогда и нужно начинать действовать, работать. Учительство, прежде всего, должно быть задействовано для противодействия экстремизму, для утверждения толерантности. Таким образом, Ассамблея могла бы найти таких союзников, как молодежь, студенчество, учителя.

К сожалению, должен констатировать, что и на уровне ведущих специалистов по этнополитике нередко звучит расизм. Он проявляется в идее о том, что каждый должен вернуться на свою историческую родину. Но ведь турки-месхетинцы в глаза не видели Месхетию, Джавахетию, для некоторых из них Родина – это Средняя Азия или же юг России, где они родились и выросли. Человек, который родился и вырос в Москве, вдруг узнает, что он относится к диаспоре. Я приехал в Москву из уральского города 30 лет назад поступать в университет. Я – не диаспора, потому что моя фамилия – на «ов», а он диаспора, так как его фамилия – на «ян». А он ни слова по-армянски не знает, и отец его был директором Ленинской библиотеки, и сам он – академик, институт возглавляет, он вдруг – диаспора и живет в иноэтнической среде. В нашей стране благодаря СМИ этот процесс развивается быстро. Это в Мексике или в Индии, чтобы донести то или иное высказывание, может быть нужны месяцы или годы, пока оно не достигнет общественного сознания, в силу того же языкового барьера, потому что люди не могут говорить на одном языке, кроме английского для узкого круга управленцев. У нас единое пространство, оно очень тесное, страна высокообразованная, но это не является гарантией, как и материальный достаток не гарантирует от экстремизма. Заинтересованные в нем лица найдут средства, чтобы на красивой, лощенной бумаге издавать фашистскую литературу, как, например, в Германии, заполнить Интернет, оплачивая десятки сайтов, как, например, в Америке. Поэтому, на мой взгляд, опасность заключается не в проблеме материального благополучия или неблагополучия, нищеты или бедности, а в вопросе образованности, ее степени роста.

ПОЛИТИКА ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ*

1. Мировой контекст

Этническое многообразие из демографической реальности и этнографической музейности все больше становится полем этнополитических исследований. Прежде всего для таких направлений, как изучение этнической мобилизации в политических целях, организации государственности и управления, предотвращения и разрешения конфликтов. Вопрос об этническом многообразии появляется в мировой политике после Первой мировой войны, когда страны-победители сформулировали доктрину самоопределения на этнокультурной основе как механизм упразднения имперских государств Австро-Венгрии, Оттоманской Турции, имперской Германии и царской России. Эта формула постепенно стала утверждаться в качестве международной нормы государствообразования, а за ней стояла философия, что политическое общество должно быть культурно гомогенным, т.е. государство должно быть собственностью некоего этнически определяемого народа (венгры, сербы, албанцы, хорваты, поляки и т.п.) и, конечно, говорить на одном языке.

Для большинства населения мира все эти, казалось бы, глобальные дебаты и усилия Клемансо, Вильсона и Ллойд-Джорджа с целью нарисовать «справедливые границы» для «национальных государств» Центральной и Юго-Восточной Европы ровным счетом ничего не значили. Подавляющая часть этнокультурного многообразия мира, т.е. большинство народов Азии, Африки, Океании и Карибского бассейна, находились в орбите колониальных административных образований, где этничность, раса и религия пребывали в причудливых сочетаниях и взаимодействиях и использовались как утилитарные подспорья для более эффективного управления.

* Этнопанорама. 2002. №3–4. С. 20–23.

В ряде крупных образований зарождался собственный национализм, как, например, общеиндийский.

Радикальное изменение глобальной политической географии после Второй мировой войны изменило и обстановку вокруг вопроса об этническом разнообразии. Появился феномен «этнических чисток», или насильственных перемещений населения по этническому признаку, ради достижения культурной гомогенности политически очерченных территорий или установления так называемых «справедливых границ». В так называемом «социалистическом лагере» этнический национализм был официально конституирован в виде «права наций на самоопределение вплоть до отделения», но при этом находился под жестким тоталитарным правлением, не позволявшим какую-либо реализацию этого отростка социалистической утопии.

Дебаты о правах национальных меньшинств сникли в условиях послевоенного мира, занятого экономическим восстановлением и перевариванием политических итогов войны. Самоопределение оставили только для колониальных народов, а территориальную целостность государств сделали высшим принципом. Статья 6 Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам четко устанавливала, что «какая-либо попытка с целью частичного или полного нарушения национального единства и территориальной целостности страны несовместима с целями и принципами Хартии ООН». Отметим, что под «национальным единством» понималось гражданское единство многоэтнического населения государств, т.е. «национальное единство» «многонационального народа», если попытаться применить эту формулу к России.

Огосударствление политической карты мира в период деколонизации и обустройства новой глобальной единицы деления мира – «национального государства» – потребовало сконструировать миф о так называемой национальной консолидации или национальном единстве как обязательной характеристике современных государств. А те, кто только стали государствами, занялись так называемым нациестроительством. Проблемы межобщинных трений и этнорасовые недовольства воспринимались как трудности переходного периода на пути национальной интеграции. Культурно отличающиеся от доминирующей «нормы» части населения, особенно иммигрантские группы, в культурном отношении рассматривались как «переходные группы».

Последняя четверть двадцатого века вместе с экономическими достижениями, ослаблением глобального противостояния, либерализацией многих политических режимов, усилением мировых миграционных потоков снизили одержимость нациестроительством и в культурном смысле обнаружили тщетность самого этого проекта. Вместе с гомогенностью и ассимиляцией сохранялись культурные различия, и они все больше стали значить для отдельных людей и для малых сообществ. В состоятельных странах общественные движения за гражданские права стали включать в себя борьбу против расовой, религиозной и этнической дискриминации, за устранение исторически сложившихся неравенств в развитии отдельных групп населения и регионов их преимущественного проживания. В менее состоятельных странах групповые коалиции на основе трайбализма, религии, касты и т.п. стали использоваться как основа для борьбы за власть и за доступ к ограниченным ресурсам, как средство изменить характер государственных режимов или изменить сами государства путем региональной автономизации или сецессии.

Триумф этнического национализма нашел свое выражение в факте распада трех многоэтничных федераций именно по принципу «этнонаций» – Югославии, СССР и Чехословакии – и объединения двух германских государств. Внезапное появление более двадцати новых государств с невнятной доктриной этнического самоопределения вызвало серию открытых этнических конфликтов и войн, многие из которых не разрешены до сих пор. Дробление государств как стратегия признания и государственного оформления этнического разнообразия, как и сто лет тому назад, оказалось трудно реализуемым, ибо его логика требовала упразднения системы современных государств. Вместо нее мечталось о создании системы некой «организации объединенных этнонаций», если речь вести о мире в целом.

Опасная эскалация конфликтов и насилия на этнической и религиозной основе, особенно войны в Боснии, Либерии, Сомали, Афганистане, Шри-Ланке, Грузии, Азербайджане, Таджикистане, России, принесла глобальную озабоченность по поводу этнического самоопределения и разрушительной политизации проблемы меньшинств. Все большее число экспертов и политиков стало приходить к выводу, что не только для их собственных стран, но и для всего остального мира более универсальным рецептом является не

деление государств по новым границам или перемещение населения для достижения «национальной однородности», а улучшение системы правления многоэтничными сообществами.

Одним из основополагающих принципов здесь является сам факт признания культурного разнообразия современных политических образований и невозможность совпадения этнокультурных и государственно-административных границ. Другим принципом является принцип участия в более широком общественно-политическом процессе представителей разных культур и религий как форма внутреннего самоопределения без создания этнорасовых или кастово-племенных перегородок или заповедников, включая «собственные этнические территории» и т.п. Отчасти по этой причине представляет интерес доктрина и политическая практика так называемого мультикультурализма (многокультурности), или политика этнического разнообразия.

2. Многокультурность как концепт

Другими словами, мультикультурализм – это не просто процедура эмпирического установления и признания в том или ином обществе или государстве культурных различий у разных групп населения. Хотя последнее имеет свой смысл, как бы это не казалось странным для россиян. Ибо существует большое число государств, где сам факт полиэтничности не признается и даже официально отвергается как несовместимый с доктриной нации-государства и задачей обеспечения так называемого национального единства. Мультикультурализм есть также определенная концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, которые могут воплощаться в правовые нормы, отражаться в характере общественных институтов и в повседневной жизни людей. Главное во всем этом – это цель обеспечить поддержку культурной специфики с возможностью индивидуумов и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни, от экономики до политики и культуры.

Несмотря на большое число публикаций и дебаты о мультикультурализме, существует проблема восприятия и готовности обсуждать данные вопросы. Довольно часто противники последнего просто отмахиваются от самого вопроса, считая его надуманным для конкретного общества. Аналогичная реакция отторжения или труд-

ного восприятия в отношении мультикультурализма наблюдается и на постсоветском пространстве, где существует примордиалистское видение этнического как группового архетипического и где «многонациональность» тиражируется в лозунгах и в печатных текстах, в песнях и застольных тостах.

Идее мультикультурности здесь места нет, ибо она грозит нарушить привычный или официально предписанный порядок вещей. Если во Франции это угрожает идее единой французской нации, то в России, наоборот, это угрожает подменой институализированных государственным устройством системы прав и предпочтений многих наций некой метафорой «многих культур», да еще и на личностном уровне. Аварец, татарин, русский или осетин не могут быть кем-то еще, и культурная сложность (например, татаро-башкирин или башкиро-татарин, аварец-андиец) в данном случае однозначно видится как аномалия.

В России сам факт множественности культур в виде отличительных по целому параметру признаков (от государственности до психоментальности) настолько признан, а правовые нормы, государственные институты и общественные усилия по утверждению групповой отличительности настолько масштабны, что найти новую нишу для многокультурности достаточно непросто. Многим представляется, что все это уже было или есть, но только называется другими словами. Отчасти это действительно так, но только отчасти.

3. Российская перспектива

Если говорить об этнокультурном облике нашей страны, то он отличается огромным разнообразием. Многокультурность как этнодемографический факт была изначально присуща российскому государству, хотя она не всегда осознавалась и артикулировалась. В то же время Российская империя, СССР и Российская Федерация никогда не брали на вооружение доктрину гражданского национализма. Общая идентичность жителей страны обеспечивалась подданством царю, православием, а затем советским патриотизмом. В СССР «многонациональность» и «дружба народов» были одними из визитных карточек страны, а в реальной политике советского времени «национальная форма социалистической культуры» была той же самой политикой мультикультурализма, но только называлось это по-другому.

При всех издержках, ограничителях и даже преступлениях, имевших место в сфере советской политики в отношении меньшинств, это была политика признания и поддержки этнического разнообразия, причем не только в сугубо культурных сферах (искусство, литература, наука, образование), но и в социально-экономической и политической сферах. В XX в. на территории бывшего Советского Союза, как никогда и, пожалуй, нигде в мире, осуществлялось интенсивное культурное производство.

При всех деформациях, которые здесь существовали (жесткий идеологический контроль, явно излишняя поддержка престижной профессиональной культуры за счет пренебрежения культурой массовой, спонсирование культурно-этнической мозаики в ущерб общегражданским ценностям и т.д.), нельзя отрицать, что это были огромные достижения, которые во многом сохранились и сегодня.

Россия не является абсолютно уникальным регионом мира с точки зрения этнокультурного многообразия, а такое представление является просто результатом нашего незнания остального мира. Различие не в том, что у нас больше или меньше народов, этнических групп или общин, а в том, какое этому фактору придается значение. Плохо это или хорошо – это особый вопрос. Однако понимание соотношения культурной партикулярное с гражданским обществом, с государством и с задачами управления – это важная проблема, которая недостаточно осмысливается доктриной мультикультурализма.

Мультикультурализм может быть полезным в ряде аспектов для современной России. Причем в противоположном по сравнению с Канадой или Австралией направлении. А именно: в направлении от абсолютизации культурных различий и в направлении признания схожести и культурной гомогенности гражданского сообщества. Как политическая философия и как практика, он может помочь совершить важнейший переход от формулы многонационального народа к понятию «многонародной нации», как он помог смягчить поляризацию канадского общества по линии двух наций в одной стране. Речь идет о том, что сама категория многокультурности усиливает легитимность российской гражданской нации, а многонациональность делает ее невозможной даже по чисто лингвистической причине: нация не может быть многонациональной. Но возможны и другие варианты, о которых необходимо вести серьезный разговор.

Мультикультурализм в России в его раннем, более традиционном понимании (как в Канаде или в Австралии) может принести

дальнейшее, и без того излишнее деление населения на группы, ибо раз полученные предпочтения или статус сдерживают естественные процессы постоянного формирования и смены идентичностей, появления или исчезновения групповых коалиций на основе культуры. Не стоит забывать, что за последние десять-пятнадцать лет наука сделала важные шаги в понимании того, что такое культура и какова роль этой формы человеческой деятельности в человеческой эволюции. Понимание культуры как сложного феномена, понятие гибридности культуры, то есть представление об отсутствии жесткой культурной нормы, а также жестких культурных комплексов – это одна из важных общетеоретических новаций, с точки зрения которой нужно смотреть на российскую действительность.

Порой мы слишком одержимы восстановлением некоей утраченной идеальной культурной нормы, которая на самом деле никогда не существовала, или же пытаемся установить культурные различия на групповом уровне, игнорируя, презируя и отвергая схожести, которые, на самом деле, на порядок значительнее. Так, в рамках в общем-то единой российской, не только гражданской, но и, конечно, культурно-социальной общности появляются сконструированные образы гордых дикарей или бандитов-террористов, которые заслоняют целые этнические группы, как, например, чеченцев, схожесть которых с другими народами Северного Кавказа, да и с остальным населением нашей страны гораздо больше, чем различие. Увлечение этнографией отдельных групп и выстраивание общественного управления от имени «коренных наций» не оставляет места реально существующей историко-культурной общности дагестанцев. Более глубокое понимание смысла многокультурности должно быть построено не на взаимоисключающей форме идентичности, а на сосуществующих и взаимодополняющих идентификаций.

В этой связи часто ощущается некая абсолютизация этногрупповой культуры. Абсолютизация этнокультуры как основы всего сущего – это серьезная теоретическая и общественно-политическая проблема.

Есть проблема культуры и конфликта. Культурный аргумент – один из основных в производстве насилия. С опорой на культурные аргументы рождается ксенофобия, нетерпимость и, в конечном итоге, мобилизация на открытое физическое насилие. Мы заблуждаемся, думая, что есть какие-то традиционные культурные механиз-

мы или миротворчество, которое в нас дремлет и которое можно использовать для преодоления конфликтов. Мы заблуждаемся, когда думаем, что так называемые приниженные меньшинства – это всегда страдающие от господствующего большинства группы, лишенные возможности удовлетворения базовых культурных потребностей, но если они получают самоопределение, то все проблемы будут решены.

На самом деле меньшинства становятся инициаторами насилия как раз через культурные аргументы, через то, что они должны сохранить, возродить или защитить свою культуру. Но при этом информация и компетенция о возможных путях достижения этого крайне сужена и основана на радикальном отторжении существующего порядка вещей и на революционизме. По этой причине меньшинства (точнее – лидеры и активисты) стали инициаторами насилия или конфликтов, которые в последнее время произошли на территории бывшего Советского Союза и в других регионах мира. Таким образом, мультикультурализм может снижать напряженность, но не решает саму проблему насилия и обеспечения безопасности общества и государства.

СЕТЬ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ*

Мне трудно восстановить детали, в том числе хронологические, истории Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (СЭМ), но существо и смысл всех основных «движений» этого достаточно интересного проекта мне ведомы в полной мере. В какой-то мере Сеть – это мой личный проект и проект моих больших друзей и соратников, которые в разные сроки вошли в это сообщество. Десятилетие – значительный срок для неправительственной инициативы, но организация (трудно обзывать Сеть этим канцелярским словом) существует и будет еще сильнее и значимее в будущем. Особенно если в нее придут новые и способные члены, а ветераны не сникнут под влиянием жизненной рутины. То, что сам этнологический мониторинг останется востребованным, в этом нет сомнений. Этнический фактор будет сохранять свое важнейшее значение во многих сферах жизни, в том числе в политике и в государственном управлении, не говоря уже о сфере коллективных и личностных идентичностей. Хотя, по моему убеждению, конфликты, особенно в открытой, насильственной форме, едва ли окажутся столь позволительными во все более организуемом пространстве бывшего СССР. Однако вернемся к началу: почему и как возникла СЭМ и как она развивалась?

Рождение проекта

В начале 1990-х гг. многие люди в экспертном сообществе были озабочены проблемами возникших сначала в СССР, а затем в новых постсоветских государствах насильственных конфликтов, имевших в своей основе радикальный национализм и вооруженный сепаратизм. Стали возникать и первые международные проекты в области урегулирования конфликтов и их предупреждения. Первы-

* Этнопанорама. 2003. №1–2. С. 2–8.

ми инициаторами таких проектов были американцы из университетской среды и из неправительственных организаций, которые уже имели опыт исследовательской и практической деятельности в данной сфере. В СССР и в России фактически не было того, что потом достаточно быстро проросло и стало называться «конфликтологией». Люди в науке были приучены изучать «неантагонистические противоречия» в сфере так называемого «национального вопроса», а люди во власти объясняли происходящие неожиданности крайне поверхностно: «узбеки поссорились с месхетинскими турками на базаре из-за килограмма клубники», как объяснил Р.Н. Нишанов, тогдашний руководитель Узбекистана, погромы и этническую чистку месхетинцев в этой республике в 1990 г.

Одна из неправительственных организаций – «Группа по урегулированию конфликтов» (Conflict Management Group), действовавшая при Гарвардской школе права во главе с Роджером Фишером, еще в 1980-е гг. начала совместный с Институтом США и Канады АН СССР проект по проблемам переговоров и разрешения конфликтов. Начальная цель была – улучшение хода советско-американских переговоров в области ядерных вооружений, а также выработка подходов по снижению ядерной опасности, особенно в кризисные моменты. Но затем появился вполне объяснимый интерес включить в повестку сотрудничества вопросы конфликтов и их разрешения для советских политиков, впервые столкнувшихся в ходе горбачевской либерализации с ситуациями внутренних конфликтов и открытым межгрупповым насилием. Карабах и Сумгаит и незнание, как этому противодействовать, были первыми набатами приближающихся и вполне возможных гражданских потрясений, связанных с кризисом СССР как государства и с последствиями его распада. В здании Верховного Совета РФ были даже организованы лекции Роджера Фишера и Уильяма Юри – авторов известных в США бестселлеров о принципах разрешения конфликтов и технике переговоров. Тогда же английская неправительственная организация «Международная тревога» (International Alert), возглавлявшаяся Кумаром Рупе-сингхе, инициировала вместе с Эмилем Паиным из Внешнеполитической ассоциации первые семинары-тренинги по конфликтологической тематике. Институт этнологии и антропологии РАН в моем лице и Мары Устиновой принял участие в этих мероприятиях в качестве ведущего в стране академического учреждения, занимающегося этническими проблемами.

В 1993 г. заместитель директора Института США и Канады РАН В.А. Кременюк предложил мне «забрать» это направление как более отвечающее профилю Института этнологии и моим собственным научным интересам. Уже следующий проект «Урегулирование межэтнических конфликтов в постсоветском пространстве», получивший финансовую поддержку от Корпорации Карнеги Нью-Йорка, был начат Группой по урегулированию конфликтов в сотрудничестве с Институтом этнологии, координаторами с американской стороны были Уильям Юри и Брюс Аллин, а с российской стороны – я и А.В. Беляева, руководившая Международной лабораторией «ВЕГА» (создана академиком Е.П. Велиховым и Дэвидом Гамбургом – президентом Корпорации Карнеги в рамках проекта коммуникаций). Идея, которую я изложил во время встречи с Д. Гамбургом, а именно – создать неформальную Сеть из обученных в области разрешения конфликтов независимых экспертов, работающих в регионах межэтнической напряженности и конфликтов, была поддержана. Обеспечение Сети компьютерной логикой и системой электронной почты должна была взять на себя лаборатория «ВЕГА».

В сентябре 1994 г. в Голицыне (Подмосковье) был организован первый семинар Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (в английской аббревиатуре мною было придумано неуклюжее по звучанию слово EAWARN как сокращение от двух слов «раннее предупреждение»). Сеть долгое время была свободным и даже незарегистрированным сообществом, состав которого определялся инициативным образом и главным образом – российскими координаторами проекта. Среди первых участников были самые разные люди преимущественно молодого возраста – научные работники, журналисты, лидеры общественных (так называемых «национальных») организаций и движений. Некоторые из них со временем стали известными политическими и государственными деятелями национального и регионального масштаба (Борис Цилевич из Латвии, Лилия Буджурова с Украины, Лев Дзугаев из Северной Осетии) и отошли от работы в Сети. Некоторые, особенно из числа общественных активистов, не смогли справиться с задачей регулярного научно-прикладного анализа этнополитических ситуаций в силу отсутствия навыка написания аналитических текстов и также выбыли из постоянного состава, который определялся при отборе участников ежегодных семинаров. Из

начального состава сегодня в Сети осталось только несколько человек (Александр Дзадзиев из Северной Осетии, Энвер Кисриев из Дагестана, Евгений Клементьев из Карелии, Александр Танас из Молдовы).

Эволюция целей и приоритетов

Начальные цели проекта были сформулированы как следующие:

- Аналитические и прикладные исследования в области этничности, национализма и этнических конфликтов;
- Создание в постсоветских государствах сети специалистов, прошедших подготовку и способных возглавлять учебные программы, участвовать в работе по примирению интересов на местном уровне и создавать центры по урегулированию этнических конфликтов;
- Разработка программ по обеспечению конструктивной роли средств массовой информации в этнических конфликтах в бывшем Советском Союзе и другие.

Не все и не в равной степени эти цели были достигнуты, и сами эти приоритеты со временем подвергались изменению, но оставались неизменными несколько базовых направлений и принципов работы Сети, которые сохраняются и по сегодняшний день.

Сначала о целях и направлениях, которые формально изложены в Уставе организации, которая была зарегистрирована в Минюсте России только в 1999 г. как «Региональная общественная организация». Однако для меня изначально СЭМ представляет нечто большее, чем просто перечень задач. Во-первых, это понятие этнологического мониторинга, которое родилось как-то само по себе, но суть которого заключается в том, чтобы научиться и осуществлять постоянный и регулярный анализ процессов в области межэтнических отношений и ситуации в регионах и странах с этнически сложным составом населения. Это не просто этнологическое или политологическое исследование, а научно-прикладной анализ, который может быть использован общественными силами, органами власти и управления для обеспечения наиболее эффективного правления (governance), предотвращения или разрешения конфликтов. Мониторинг понимается мною достаточно широко как получение адекватного знания о достаточно широком круге проблем и явлений, которые определяют общественную динамику, могут и должны использоваться как управленцами, так и другими, действующи-

ми в том или ином сообществе акторами (экспертами, общественными лидерами, средствами массовой информации, представителями сферы образования, бизнеса и другими). Знать и понимать культурно сложное общество и природу этнических явлений так же важно, как знать и понимать, как действует экономика или какова природа социальных явлений.

Изначально нам было чуждо утилитарное понимание этнологического мониторинга только как «прогнозиста» или как активно миротворца, хотя эти функции никогда не исключались. Некоторые анализы и действия участников СЭМ по-настоящему способствовали предотвращению конфликтов, но ирония в том, что предотвращенный на ранней стадии конфликт трудно зачислить в актив прикладного аналитика: кажется, что так оно и должно было быть. Что же касается активного вмешательства в разрешение конфликта, то это слишком специфическая сфера, требующая особых ресурсов и полномочий, а также специальной подготовки. Именно по этим причинам мониторинг может представляться занятием, отвлеченным от задач, которые могут повседневно решать политики, но он абсолютно необходим как база информации и как основа квалифицированного принятия решений.

Форма мониторинга возможна в двух основных вариантах: а) количественный анализ по набору показателей (факторов или переменных) с компьютерной обработкой для выявления тенденций и их динамики, взаимосвязей и роли различных факторов; б) качественный нарратив, предполагающий сбор, отбор и анализ материала экспертом. По своей сути это деление условно, ибо добротный количественный анализ содержит качественные моменты, а нарратив может быть поверхностным описанием или фактографической сводкой и быть низкого качества. На ежегодном семинаре на Кипре в 1994 г. мною была предложена модель этнологического мониторинга, состоящая из 46 факторов по семи категориям (среда и ресурсы, демография и миграции, власть и политика, экономика и социальная сфера, культура и образование, контакты и стереотипы, внешние условия). Она была предложена как ориентир при выполнении регулярного анализа и как схема, по которой должны были быть подготовлены модельные описания регионов. Позднее В.В. Степанов ввел также ежегодный опрос экспертов по факторам и категориям для замера динамики ситуаций в разных регионах России и роли каждой категории факторов. Сеть никогда не работала в

жестком режиме отслеживания факторов, но со временем эти ориентиры стали все более значимыми для авторов анализа.

Модель была заимствована частью или целиком другими аналитическими группами и структурами, включая государственную службу мониторинга, налаженную при министре В.Ю. Зорине. Начатая по его инициативе более регулярная работа Сети в Приволжском федеральном округе (двухнедельные бюллетени) с охватом фактически всех 15 субъектов Федерации была с интересом принята в администрации Президента РФ и рекомендована для использования в других федеральных округах. Программа МОСТ (Управление общественными процессами), которая является основной обществоведческой программой ЮНЕСКО, также высоко оценила проект «Конфликт и согласие в многоэтнических государствах», который был выполнен Сетью в 1995–2001 гг. и результатом которого стало издание 19 небольших книг, представляющих собой полное описание региона или страны по всему набору факторов модели мониторинга. Мною с В.В. Степановым был подготовлен итоговый отчет, представленный на заседании Межправительственного совета программы МОСТ в феврале 2003 г. в Париже. Итоговая книга по проекту пока не опубликована.

Каково сегодня мое отношение к мониторингу и к тому, как его осуществляет СЭМ? Конечно, это существенный организующий инструмент более адекватного восприятия, происходящего в сфере межэтнических отношений и в многоэтнических сообществах в целом. Может ли мониторинг служить неким семафором и кардиографом, причем всегда безошибочным (извечная мечта политиков и управленцев), этого ожидать не стоит, ибо жизнь богаче всяких схем, а динамика этнической ситуации может складываться под воздействием даже самых случайных, непредвиденных и иррациональных факторов. Приведу только один пример. Сравнительный анализ экспертных оценок, сделанный В.В. Степановым, показал, что в 2000–2002 гг. одним из самых стабильных регионов России был Дагестан, а обусловлено это было, прежде всего, воздействием вооруженного вторжения боевиков из Чечни и небывалой консолидацией общества по отпору этой внешней для республики угрозы. Все другие факторы никакой позитивной динамики не имели. И все же, повторяю, мониторинг полезен и необходим, ибо без него есть некая смутность картины, особенно в масштабе страны и крупного региона. Несмотря на то, что государственные органы власти,

особенно специальные службы, могут и осуществляют свой собственный анализ и докладывают ситуацию соответствующим инстанциям, мониторинг в рамках СЭМ имеет независимый характер, и важно иметь его результаты для принятия эффективных решений в сфере государственного управления.

Сейчас федеральные власти наладили систему этноконфессионального мониторинга, используя данные СЭМ как один из источников. Полугодовые доклады президенту В.В. Путину носят закрытый характер, и я не читал ни одного из них, но в целом такая система кажется мне оптимальной.

Обучение для общества и для Сети

Первые годы СЭМ уделяла особое внимание осуществлению тренинга в области конфликтологии, подготовке специалистов по разрешению конфликтов и осуществлению миротворческой деятельности. Совместно с Международной тревогой были проведены два семинара для участников Сети и для приглашенных активистов и даже государственных служащих. Совместно с Бергховским центром по конструктивному разрешению конфликтов (Германия) были проведены два семинара по подготовке миротворцев. Под редакцией М.Я. Устиновой было осуществлено русское издание документов о международных усилиях по предотвращению напряженности и улучшению межэтнических отношений в странах Балтии. Наконец, было подготовлено специальное пособие для журналистов, работающих в зоне этнических конфликтов или пишущих на этническую тематику. СЭМ издала русский перевод книги-пособия по обучению методам анализа и разрешения конфликтов, который был подготовлен Международной тревогой. Важным для выработки оценки и рекомендаций по проблеме этнического конфликта было мое участие в работе международной команды ведущих экспертов для выработки програмного документа, который получил название «Меморандум Кона» по названию гавайского острова Кона, где в ноябре 1993 г. прошла эта рабочая встреча, организованная Проектом по этническим отношениям (PER.). Этот проект, аналогичный нашему проекту, был запущен в 1991 г. под руководством американцев Алана Кассофа и Ливии Плакс для стран Восточной Европы и при поддержке той же Корпорации Карнеги Нью-Йорка. Текст «Меморандум Кона» был опубликован в «Независимой газете»

(13.09.94), а затем вышел отдельной брошюрой в Оренбурге по инициативе эксперта Сети Веналия Амелина. К сожалению, этот богатый по содержанию документ не вошел в повседневное обращение российских политиков и экспертов, но само название документа в русском переводе как «Управление этническим конфликтом» послужило поводом для некоторых активистов вести речь о наличии якобы некой теории и политики «управляемого конфликта».

В последние годы задача внешнего обучения отошла на второй план, но сохранился приоритет повышения компетенции самих участников СЭМ в области современного знания об этничности и конфликтах. Этот обучающий компонент реализуется в двух формах: через приглашение специалистов на ежегодные семинары и через прямое ознакомление с конфликтными ситуациями в других регионах мира. Уже на первом семинаре в Голицыне директор Международного института мира в Осло Дэн Смит читал лекцию и вел семинар по теме современных этнических конфликтов. На семинаре 1995 г. в Лондондерри (Северная Ирландия) английские специалисты из организации INCORE (Международная сеть по сотрудничеству и этническим исследованиям) дали глубокий анализ конфликта в Ольстере. И так на всех семинарах местные ведущие эксперты делились своим видением и опытом прикладного научного анализа и активного миротворчества. Однако ничто не могло заменить прямого знакомства членов СЭМ с другими странами и регионами, где имеются схожие ситуации, совершаются схожие трагедии и предпринимаются схожие усилия по разрешению конфликтов. Разделенный «зеленой линией» Кипр, когда на турецкую часть острова патруль не пустил участника семинара с армянским паспортом. Превращенные в агитплакаты в пользу Ирландской революционной армии стены домов в Ольстере. Прогремевший в аэропорту Коломбо взрыв незадолго до нашего приезда в Шри Ланку и убийство тамильскими террористами вскоре после нашего отъезда умеренного по своим взглядам тамильского деятеля Нилана Туричильвана, организовавшего наш прием в Шри Ланке. Замазанные по всему острову дорожные указатели и другие надписи на французском языке на Корсике. Все эти наблюдения и впечатления играли не менее важную роль для участников СЭМ, чем печатные труды и прослушанные лекции специалистов. Едва ли есть еще такой коллектив экспертов, который получил за годы своей деятельности столь обширные знания о конфликтах в мире.

Что делает Сеть единым и эффективным коллективом?

В начальные годы, когда формировалась СЭМ, определялись ее состав и содержание деятельности, трудно было сказать, как долго и сколь вознаграждающим будет этот проект. Однако с самого начала появился некий трудно определяемый компонент проекта – это человеческий климат внутри самого сообщества, которое было представлено людьми самых разных национальностей (сейчас в СЭМ работают эксперты 30 национальностей). Какие-то факторы более существенного порядка, чем материальный интерес, объединяют и держат этот коллектив вместе. Мне даже трудно назвать, какой из них главный: профессиональный интерес к этнической и конфликтологической тематике (за эти годы более 10 человек защитили кандидатские и докторские диссертации в этой области, большинство опубликовали научные труды); чувство гражданской сопричастности к насущной проблеме преодоления насилия и страданий со стороны жертв конфликтов (некоторые участники СЭМ живут в зонах открытых конфликтов, а некоторые, как, например, Муса Юсупов, понесли большие личные утраты); возможность общаться друг с другом и с большим внешним миром (для многих участников ежегодный семинар – это единственная поездка за рубеж в новую страну) или что-то еще.

А может быть, все бывшие советские граждане, а ныне – россияне, и несколько граждан других новых государств интересны друг другу возможностью общения без разделяющих государственных и этнических границ? Ведь за десять лет существования СЭМ не было ни одного случая, чтобы кто-то ощутил какое-то неудобство по поводу своей национальной принадлежности, не говоря уже о более серьезных проблемах общения. Для меня лично СЭМ – это своего рода микрокосмос сложных этнических сообществ, поистине гармоничный и взаимообогащающий. Никогда не забуду сценку, которую подсмотрел в ресторане кипрской гостиницы, когда после вечернего ужина большая группа участников дружно и великолепно танцевала греческий танец сиртаки под изумленные взгляды чопорных западных (главным образом – отдыхающих на Кипре англичан). Разглядывая среди танцующих калмычку Эльзу Гучинову, тувинку Зою Анайбан, узбечку Мавлюду Хакимову, латышку Мару Устинову, балкарку Светлану Аккиеву, лезгина Энвера Кисриева,

осетина Александра Дзадзиева, русского Сергея Попова и других, столь внешне разных, но веселых и дружных молодых людей, один иностранец спросил другого: «Неужели это все русские? Откуда они все взялись?».

Аспирантка моего давнего друга, крупного американского психолога Майкла Кола исследовала работу Сети на раннем этапе ее развития и по этому материалу защитила диссертацию в области социальной психологии и массовых коммуникаций. Кирстен Фут определила Сеть как «уникальное эпистемологическое сообщество», т.е. сообщество, объединенное познанием³. Скоро выйдет ее книга о Сети этнологического мониторинга. Почитаем и поразмыслим. Хотя мне кажется, что самое важное в жизни этого сообщества произошло уже после выполненного исследования.

Ресурсы и материальный интерес

Главный ресурс СЭМ – это ее участники. У руководства организацией (с 1998 г. исполнительным директором вместо М.Я. Устиновой стала Е.И. Филиппова) никогда не было четко определенной процедуры отбора людей в Сеть или их исключения. Сначала искали и приглашали тех, кто был чем-то известен, особенно через свои связи с Институтом этнологии, по личным контактам или по рекомендации других коллег. Затем появились инициативные люди, желающие работать в Сети. Почти всегда была одна рекомендация: начинать писать через электронную почту, ждать публикаций в бюллетене и приглашения на ежегодный семинар. Все, чьи материалы будут опубликованы хотя бы в половине из шести выпусков бюллетеней, поедут на семинар. Не всем удавалось справиться со столь простым условием, но для большинства это становилось все более знакомым и все более интересным.

Не следует думать, что писать о положении в своем регионе так просто для местного эксперта. Даже самый простой анализ произошедшего в течение двух месяцев, не говоря уже о более серьезном исследовании, требует не только интеллектуальных усилий, но и определенной гражданской позиции именно независимого эксперта. В Сети было достаточно неудовлетворительных материалов: или пропаганда местного национализма, или верноподданнические тексты в адрес местного руководства. Многие, если не большинство, испытывали разного рода давления и даже угрозы по поводу часто

некомплиментарной информации о положении в той или иной республике или стране. Особенно это касалось освещения конфликтных ситуаций или националистических безобразий в сфере политики. Не все и не всегда смогли быть объективными и твердыми в своих позициях, ибо можно было получить взбучку от местного президента или поплатиться работой. Чаще всего использовался запугивающий аргумент-обвинение в «продажной работе за иностранные гранты». Все это было и, возможно, не все из этого мне известно. Но большинство справилось с этой ситуацией, имея моральную поддержку от Сети в целом. Главное – выполненные за все время работы СЭМ тысячи(!) страниц анализа не содержали глупостей, провокаций, грубых ошибок и неэтических оценок. Материал бюллетеней, ежегодных докладов и других публикаций разошелся по страницам многих книг и диссертаций, был использован политиками и общественными деятелями, учеными и аналитиками России и других стран. Это, наверное, главное, что научились делать и сделали эксперты СЭМ.

В организации много разных людей: блестяще талантливых, упорных и вдумчивых, наивно-романтичных, думающих и пишущих без особых претензий, потрясающе работоспособных, ленивых и даже небрежных. Повторяю, никакого особого отбора на способности или на политико-идеологические ориентации никто в Сети не проходил. Я знаю интеллектуально более интересные сообщества и группы, но такой, как СЭМ, нет: это сообщество достаточно простых и неамбициозных людей, которым сама их организация и общая работа добавляют многое в жизни, а все они вместе делают организацию. Отсутствие снобизма и завышенных оценок, простой и демократичный стиль общения делают СЭМ легким местом для интеграции новичков. Случаи трудного вживания или отторжения мне неизвестны, хотя из Сети выбыло достаточно много людей, но по другим причинам. Поэтому я надеюсь, что в самое ближайшее время мы сможем расширить географию нашей Сети и добавить новых членов, особенно из многоэтничных регионов Поволжья и Северного Кавказа, где хотелось бы создать автономно работающие региональные отделения СЭМ в рамках начатого крупного проекта ТАСИС «Внедрение толерантности и улучшение межэтнических отношений в России».

Было бы неправильным обойти вопрос о материальных ресурсах СЭМ и материальном интересе ее участников. Именно здесь

произошли интересные изменения. Сеть никогда не имела щедрых финансовых ресурсов. На первых порах у меня были сложные дискуссии с американскими коллегами по вопросу распределения гранта Карнеги. Нужно отдать должное Брюсу Аллину и Артуру Мартиросяну (он заменил Аллина в качестве координатора проекта со стороны Группы по урегулированию конфликтов): они были скорее моими младшими партнерами, а не зарубежными менторами, старались выделить максимальные ресурсы для российской стороны часто в ущерб собственным материальным интересам. В начальный период работы СЭМ материальная поддержка имела существенное значение для малооплачиваемых научных работников России и других стран бывшего СССР. Этот интерес остается и сегодня, но о том, что он не стал главным, говорит тот факт, что почти два года после окончания гранта Карнеги СЭМ работала в автономном режиме без оплаты участников, особенно из других стран бывшего СССР. Последние три года положение несколько улучшил грант Фонда Маккартуров, притом, что основная поддержка проекта и его руководство всегда осуществлялись со стороны Российской академии наук прежде всего в моем лице и в лице сотрудников московского офиса, которые состояли исключительно из научных сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, который был получен уже без американских партнеров и именно на обеспечение основной деятельности Сети. Все разговоры о политической заданности зарубежных грантов к деятельности СЭМ не имеют отношения: за все время вся идеология Сети и все направления ее деятельности, а также использование результатов определялись российской стороной, т.е. руководством Сети, прежде всего, в моем лице. Для меня в этом вопросе всегда была и остается более важной дилемма справедливого распределения получаемых ресурсов среди участников СЭМ. Но в последнее время через СЭМ многие установили собственные полезные контакты и нашли дополнительные ресурсы. Проект ТАСИС даст возможность в течение года обеспечить всех участников современной компьютерной техникой. Что ждет СЭМ после окончания гранта Маккартуров в плане финансового обеспечения ее деятельности, сейчас сказать трудно. Возможно, давно следовало подумать о более целенаправленных усилиях в плане фандрайзерства или о создании более постоянной материальной основы организации. Но, видимо, этот вопрос будет решать новое руководство, которое придет мне на смену. Не ис-

ключая, что найдутся и отечественные доноры, и даже государственные средства, если их распорядители не будут претендовать на изменение главного принципа работы СЭМ – ее независимости в плане производства общественно значимой информации.

Внешняя среда и восприятие СЭМ

В плане восприятия СЭМ окружающим обществом, прежде всего российскими властями, имели место самые драматические коллизии. Некоторые из них уже были упомянуты, когда речь шла о работе местных экспертов. Но это была не главная коллизия. Мы с Брюсом Аллином совершили политическую ошибку при публикации первых номеров бюллетеня Сети, поместив на обложке не только карту с обозначением мест мониторинга, но и нарисовав линии, соединяющие эти места с Москвой, а затем с Бостоном, Лондоном и другими зарубежными столицами. Почему и зачем – не знаю, но выглядело это привлекательно, особенно для зарубежных доноров. Зато все это выглядело устрашающе для российских спецслужб: тогдашняя новинка – электронная почта – вдруг стала каналом свободного сбора и передачи информации по таким достаточно чувствительным проблемам жизни государства, как этнические проблемы и конфликты. К чести ФСБ, никаких прямых воздействий на руководство СЭМ никогда не было.

Вопросы потока информации и ее использования действительно были существенными в деятельности проекта. Первоначально не было ясно, кому и зачем? Главный и сохраняющийся принцип был – информация Сети является открытой и доступной для всех, для кого она представляет интерес в научном и общественно-политическом плане. Но этого было недостаточно. Моя позиция заключалась в том, что приоритетными получателями должны быть федеральные и региональные органы государственной власти и экспертное сообщество России, которые отчаянно нуждались в повышении компетенции по вопросам управления многоэтничными обществами в новых общественных условиях. В последнем я имел возможность убедиться, работая в должности министра и председателя Комитета по делам национальностей в правительстве Егора Гайдара в 1992 г. У американских партнеров была заинтересованность выстроить прямые связи с регионами без приоритетной роли Москвы и сделать информацию доступной для американского на-

учного сообщества. Представители Грузии и Эстонии были готовы работать напрямую с Гарвардом, но не с Москвой, что, в конечном итоге, привело к выходу этих участников из СЭМ.

Попытка наших американских партнеров наладить выпуск бюллетеня на английском языке оказалась достаточно сложной по причине трудностей адаптации материалов для западной аудитории и высокой стоимости переводов. С организацией сайта в Интернете и с окончанием гранта Карнеги, который шел через американского партнера, вопрос об англоязычном издании отпал. Москва отстояла свое приоритетное место быть центром деятельности СЭМ, получателем и распространителем информации, и это право уже давно никем не оспаривается. Были сняты с обложки и пугающие соединительные линии, но отрицательное отношение российских спецслужб к деятельности СЭМ сохранялось. Может быть, эта тень сохраняется до сих пор среди части наиболее ретивых «охранников» российской государственности и противников «западных грантов». В утешение остается одна нечаянно брошенная Брюсом Алином фраза о том, что ему хотелось бы работать в Государственном департаменте США, но туда его не возьмут, потому что «слишком много общался с советскими». Оказывается, открытость и охранительность трудно уживаются друг с другом не только в России, но и в США.

Но были и позитивные, вознаграждающие моменты в отношении работы СЭМ со стороны внешнего окружения. За годы работы СЭМ почти полторы сотни адресатов, включая высших должностных лиц России, депутатов Госдумы и Совета Федерации, представительства российских республик и посольства стран СНГ, ведущие исследовательские институты и центры, библиотеки получали регулярно бюллетени Сети, ежегодные доклады и специальные публикации. Наши запросы в конце года о желании иметь эту информацию и дальше почти всегда получали только положительный ответ. Как сказал мне один из депутатов Госдумы, «у меня в кабинете образовалась целая полка ваших материалов, и она у меня самая востребованная». Наш мониторинг по Приволжскому федеральному округу нашел поддержку в Администрации Президента РФ, и было рекомендовано использовать этот опыт в других округах. Материалы СЭМ в Интернете активно используются тысячами ученых-специалистов прежде всего в России и в других странах. Важно, что сами участники Сети активно читают материалы

друг друга и идет обогащающий обмен информацией, методами и стилем анализа.

Ныне СЭМ не может претендовать на роль единственной организации или сообщества, осуществляющего этнологический мониторинг. Во-первых, все эти годы состояние межэтнических отношений регулярно исследовали этносоциологи, накопившие богатую базу опросов и усовершенствовав их методику в пользу более тонких, рефлексивных подходов и объяснений. Во-вторых, мониторинг ведут некоторые государственные информационно-экспертные службы. Необходимо искать новые подходы и новые формы деятельности, чтобы сохранять приоритетные позиции.

Есть ли у Сети будущее?

Вопрос не простой, ибо иногда мне кажется, что среди участников наступает некоторая усталость и появляется элемент шаблонности анализа, чего хотелось бы избежать. Но самое главное – это необходимость перехода в сторону более активной позиции по вопросам, которые требуют срочной реакции и даже общественного вмешательства. Видимо, пришло время вернуться к первоначально заявленной цели Сети осуществлять превентивные и миротворческие акции, если эксперты ощущают тревожные тенденции или конкретные проявления нетерпимых и даже опасных ситуаций. Так, например, явно отмечаемая экспертами тенденция роста ксенофобии и антимиграционных настроений в российском обществе, а также конкретная политика в этой сфере в ряде регионов могла бы стать поводом для формулирования со стороны Сети в целом какой-то более четкой позиции в форме публичных заявлений или конкретных рекомендаций, чего до сих пор не делалось.

СЭМ может дать возможность выразить те или иные озабоченности и позиции общественных организаций, занимающихся или вовлеченных конкретно в проблемы межэтнических отношений или в религиозную проблематику. «Живые голоса» с мест, документальные свидетельства передают местную специфику порою не хуже экспертных наблюдений. Но вместе с этим было бы полезно включать в тематику анализа информацию о мировом опыте, как негативном, так и позитивном. Вообще информация о так называемых «лучших практиках» не менее важна и интересна, чем информация

сугубо проблемного характера. В России и в других странах СНГ есть такой опыт, и о нем следует знать.

СЭМ может осуществлять целенаправленные акции мониторинга по важнейшим проблемам и акциям, как, например, это имело место с переписью населения в России в октябре 2002 г. Этот масштабный проект в сотрудничестве с зарубежными коллегами еще не завершен, но его итогом уже стала вышедшая в свет книга докладов по 20 российским регионам, в которых освещается динамика этнодемографических и миграционных процессов в период между двумя переписями и дебаты накануне переписи⁴. Подготовлен второй том «Этнография переписи», в котором публикуются отчеты о ходе самой переписи в регионах Российской Федерации, где работали наблюдатели Сети и зарубежные партнеры. Еще ранее СЭМ выполнила обзорное исследование по проблеме местного самоуправления в многоэтнических сообществах, которое было переведено на английский язык и получило высокую оценку международных специалистов⁵.

Самое сложное – это как усовершенствовать сам анализ и сделать его действительно точным, глубоким и прогностическим. СЭМ может и должна получать новое знание-информацию эксклюзивного характера, которое не повторяет СМИ или обычное наблюдение, которое «и так всем известно». Можно ли соединить нарратив с количественным анализом, который ныне легко делать с помощью современной компьютерной техники? Как соединить разрозненные по регионам анализы в более общую картину и в ней выявить какие-то значимые тенденции? Причем делать это не один раз в год в ежегодном докладе, а на более регулярной основе. В мире существует много достаточно изощренных методик, и СЭМ предстоит существенно обновить свой металогический арсенал.

С точки зрения эффективности и восприятия анализа теми, кто принимает решения, важно научиться точному и краткому языку, ибо политику часто нет времени читать толстые книги или «выуживать» из заумных текстов значимые для современной практики идеи и рекомендации. Практика кратких докладов-резюме до сих пор не использовалась в Сети, если не считать итоговый доклад по проекту юнесковской программы МОСТ, который содержит обобщенный анализ этнополитической динамики за 2000–2002 гг.⁶

Наконец, как сохранить интерес действующих участников СЭМ и привлечь новых способных аналитиков к ее работе, особенно в

тех регионах, где пока нет представителей Сети? Все эти вопросы будут обсуждаться сообща на юбилейном ежегодном семинаре в октябре 2003 г. Старая дружба и новые идеи позволят сохранить это уникальное сообщество.

Примечания:

- ¹ Разрешение конфликтов: пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов / ред. русского издания М. Устинова и А. Матвеева. М., 1997.
- ² Смит, Д. Причины возникновения и тенденции распространения вооруженных конфликтов//Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: ежегодный доклад, 2000. С. 20–34.
- ³ Foot Kirs ten. Writing Conflicts: An Activity Analysis of the Development of the Net work for Ethnological Monitoring and Early Warning. University of California, San Diego, 1999 (Doctor Philosophy).
- ⁴ На пути к переписи / под ред. Валерия Тишкова. М.: Авиаздат, 2003.
- ⁵ Местное самоуправление в многоэтнических сообществах стран СНГ / под ред. Валерия Тишкова и Елены Филипповой. М.: Авиаздат, 2001.
- ⁶ Степанов, В.В. Этничность, конфликт и согласие: итоговый отчет по программе МОСТ / В.В. Степанов и В.А. Тишков. М., 2003.

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

1. Общее и особенное в восприятии культуры

Что есть «культурное многообразие» (cultural diversity), столь часто упоминаемое в мировой науке и в политике? Существуют ли языковые или просто смысловые аналоги этого понятия в русском языке? Наконец, как схожие или разные смыслы порождают и разные политические практики, включая правовые нормы и систему государственного управления. Ибо **главное заключается не в самом факте наличия культурно-сложного населения, совместно проживающего и взаимодействия людей с культурно-отличительными характеристиками, а в том, какой смысл то или иное общество придает культурным (этническим, языковым, религиозным, расовым) различиям, как и в каких целях эти различия используются.** И с этой точки зрения, Россия действительно имеет разительное отличие от преобладающего на Западе и в остальном мире опыта. Сходный с Россией опыт имеют только страны бывшего СССР и, отчасти, восточноевропейские страны. По выражению американского историка Т. Мартина, СССР представлял собою «империю аффирмативных акций» – государство, в котором был осуществлен уникальный эксперимент масштабного спонсирования этничности, начиная от научных разработок и этнического картографирования, системы переписного и документального учета и вплоть до системы государственного устройства и официальной идеологии «дружбы народов»¹.

Полагать, что российская «многонациональность» есть неизбежный результат длительной эволюции, что принадлежность к этносу дает человеку «его культуру» и что на фундаменте этого эксперимента можно утверждать многокультурность и толерантность,

* Этнопанорама. 2004. №3–4. С. 2–9 (Статья опубликована в журнале «Этнографическое обозрение». №1. 2005. Печатается с разрешения редакции).

является, на наш взгляд, заблуждением. При внешне обновленческой увлеченности многокультурностью части российского научно-образовательного сообщества многое опять сводится к тривиальному «многонациональное» и к «теории этноса»: «в нашей республике (крае, области, городе) проживает более ста наций», «в нашей школе учатся и взаимодействуют десятки этносов», «у нас дети разных культур познают друг друга», «представители некоренной национальности должны интегрироваться» – эти и подобные сентенции постоянно присутствуют в языке ученых и педагогов. **Ограниченный научный багаж и уже сложившаяся ментальность не позволяют отечественным экспертам и практикам представить себе россиян как людей одной культуры и как сообщество по общей идентичности, а не как заключенное в общие границы собрание носителей одинаковых паспортов.**

Культурное многообразие состоит не только в том, чтобы тщательным разглядыванием и «народоведческим» натаскиванием создавать из доступного социального материала и этнографических наработок номенклатуру разных культур и составлять по школьным классам, вузам, поселкам, республикам и всей стране списочный реестр четко себя осознающих носителей трудно определяемой «национальной самобытности». Культурное многообразие состоит не только в том, что носителям «больших» и «малых» культур воздается равное должное и предоставляется «культурная свобода», чтобы с помощью государства, его бюджета и законов, учителей, этнологов, психологов все разнокультурные граждане могли вести между собой «межкультурный диалог». **Сердцевиной понятия «культурное многообразие» является признание многообразных форм самих культурных общностей** (не только русской или аварской, но и российской и дагестанской), признание и спонсирование не только различий, но и схожести, одинаковости, которые чаще всего преобладают над различиями, по крайней мере, в рамках одной национальной (не этнической!) культуры, каковой является российская культура. **Сердцевиной культурного многообразия является признание культурной сложности на уровне отдельного человека, а не только группы.**

К сожалению, отечественный научный, политический и управленческий арсеналы понимания и воздействия не предполагают, что такое возможно и что такое есть норма, а не аномалия. Именно поэтому «культурная свобода» в России мыслится почти исключительно

но как «национальное самоопределение» (русское, осетинское, татарское и прочие), как право и обязанность быть в группе (вспомним переписной лозунг в Татарстане: «Запишись татаринот!»), как право на «свои» территорию, государственность, язык, как право на мирное и свободное общение с «другими» или же на силовую защиту от «других». Понятие культурной свободы в России не включает право на культурную сложность и на принадлежность к сложной культуре (например, российской или дагестанской), право на одновременную принадлежность к нескольким культурам, в том числе и к сложным (российской и дагестанской одновременно, помимо аварской или даргинской), право на выход или на пребывание вне культуры. Культурная свобода российскими учеными и политиками рассматривается как право обязательно быть в определенной группе по кровному или моральному обязательству или же, в лучшем случае, по свободному выбору человека. На самом деле культурная свобода не в меньшей мере определяется правом выхода из группы или правом пребывать вне группы.

Почему в нашей стране не является нормативно достаточной для того или иного человека сложная по своему содержанию, но цельная российская культура преимущественно на основе русского языка, который совсем не является исключительной собственностью только этнических русских? Как можно поворотом каких-то ментальных винтиков убедить отечественных экспертов и управленцев, что российская культура цельна и многообразна как по своим корням (от византийско-славянских традиций до тюркско-кавказского культурного арсенала), так и по содержательному набору (общие версия истории, жизненные ценности и установки, общеразделяемые высокая культура и масскультурный арсенал, общие культурные герои и символы)? Ответить внятно на эти вопросы построенный на этнонационализме и на схоластике этноса российский общественно-политический дискурс фактически неспособен. Но искать эти ответы необходимо, как и необходима политика признания сложнокультурной общности россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не «многокультурность» заслуживают настоящего внимания научных экспертов и общественных управленцев.

Недавно изданный Доклад ООН о человеческом развитии за 2004 г. посвящен именно теме «Культурная свобода в современном

мире», и в ответах на фундаментальные вопросы эта важная публикация оказывается нашим союзником². Приведем только некоторые из его ключевых положений обзорной части доклада.

Культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность (с. 1).

Чувство самобытности и принадлежности к группе, разделяющей общие ценности, имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами (с. 3).

Теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям и может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности (с. 5).

Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринять всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности (с. 12).

И, наконец, Нобелевский лауреат в области экономики Амартия Сен в качестве главного консультанта первой главы Доклада пишет следующее: «Вместо того, чтобы восхвалять бездумную приверженность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций, концепция человеческого развития требует уделить внимание роли свободы в культурных (и иных) сферах и путям защиты и расширения культурных свобод. При этом важнейшим вопросом становится даже не роль традиционной культуры, а всевозрастающее значение культурных альтернатив и свобод»³.

Я отношусь скептически к высказываниям нобелевских лауреатов не по профилю их занятий, но в данном случае А. Сен прав: призывы к культурному многообразию на том основании, что оно исторически задано тому или иному обществу, что оно унаследовано различными группами людей, а ее представители еще в дошкольном возрасте «открывают» в себе самобытность, на самом деле далеки от признания культурной свободы. Опять же авторы доклада правы, когда пишут: «Рождение в конкретной культурной среде не является реализацией свободы, – скорее, наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других

альтернатив»⁴. Кстати, худший вид нетерпимости, который мне приходилось наблюдать, это было прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, что и другие члены общества. В сравнительно малых и актуализированных этнических сообществах такая ситуация чаще всего оборачивалась личными драмами и поколенческими конфликтами.

2. Как лучше понимать культурное многообразие

Под словами «культурное многообразие» я имею в виду не узкое значение слова «культура» как художественное творчество или народно-бытовая традиция, а как создаваемые индивидом и человеческими коллективами и осознаваемые ими различия в социальной жизни. Эти различия отражаются в материальной и духовной культуре – от систем жизнеобеспечения (хозяйство, пища, одежда, жилище) и коммуникации (язык) до социальной организации, поведенческих норм и религиозных представлений. Суммарно эти культурные различия группируются по формам идентификации (соотнесения) людей с той или иной «большой категорией» человеческой (культурной) отличительности. Эти категории не родились сами по себе, как полагают так называемые примордиалисты (или эссенциалисты) – ученые и практики, верящие в существование таких архетипических человеческих коллективов, как этнос или раса, которые наука призвана познавать и проблемами которых политики должны заниматься.

Современное знание все больше приходит к выводу, что сами по себе культурные различия и основанные на них групповые коалиции людей есть исторически подвижные понятия, их содержание и смысл постоянно меняются и имеют большое географическое/региональное многообразие. Но самое важное – их существование само по себе есть результат целенаправленных усилий со стороны активистов социального пространства: элит, управленцев и ученых, результат так называемого социального конструирования. **То, что называется, воспринимается и изучается как группа (народ, нация, меньшинство, раса, диаспора и т.п.)», на самом деле представляет собой не реально существующее коллективное тело со своим «самосознанием», «характером», «волей», «судьбой», а человеческие отношения (социальные, политические, эмоциональные) по поводу этих воображаемых коалиций**⁵.

Преодоление ментальности группизма на основе культурных категорий представляет собой, возможно, самую трудную задачу для современной науки и политики, а для российской практики это вообще трудно воображаемая перспектива. В отечественном общественном сознании до сих господствует теоретико-методологический подход, основанный на видении культурного многообразия как почти исключительно многообразия групп с их пережитыми «историческими несправедливостями», фундаментальными потребностями, интересами, правами и т.п. В западной социологии и политологии этот подход также разделяется некоторыми авторами, включая и авторов вышеупомянутого ооновского доклада. Здесь сказывается влияние политической практики регулирования межгрупповых отношений и поддержки меньшинств, а также амбициозных проектов типа проекта Центра международного развития и управления конфликтами при Мэрилендском университете, который получил название «Меньшинства в состоянии риска»⁶. На этом далеко не самом современном подходе основаны документы (в частности, Декларация о правах национальных меньшинств) и деятельность такой организации, как ОБСЕ, особенно в регионе бывшего СССР.

Из обзора современных политических практик и по результатам научных исследований вытекает общее представление, что наиболее перспективным для современного мира, в том числе и для России, является подход, который видит культурное многообразие как многообразие форм человеческой идентификации, включая существование культурной сложности на уровне индивида и на уровне коллектива. Другими словами, существуют и должны быть признаны наукой и государственной процедурой социокультурная общность – российский народ или россияне, чья этническая идентичность может определяться в том числе и сложными словами: русский еврей, украинец-русский, татаро-башкирин и т.п. По мнению некоторых специалистов, люди такого рода относятся к категории этнических маргиналов. На самом деле, это скорее норма для российского сообщества (не менее трети населения – это потомки смешанных браков), а также и для подавляющего большинства других гражданских сообществ.

Безусловным является и то, что два типа групповой идентичности (по культуре и по гражданско-политическому сообществу) также сосуществуют и не являются взаимоисключающими, т.е. русский и россиянин, татарин и россиянин, чеченец и россиянин и т.п.

– это абсолютная норма, как бы не старались этнонационалисты подвергнуть сомнению российскую идентичность, выраженную в самом слове россиянин, как некий уродливый эвфемизм. Кстати, успешное существование и целенаправленное формирование множественных и взаимодополняющих идентичностей в рамках единого государственного сообщества вполне убедительно раскрывается на примере таких стран, как Испания, Бельгия, Индия и многих других. Именно такая стратегия формирования нации признается как наиболее оптимальная и перспективная. Для Российской Федерации она является единственно возможной.

Важно понять, что культурное многообразие и политика многокультурности – это не просто другие слова для замены привычных отечественных понятий-концептов «многонациональность» и «национальная политика» или их более современных языковых вариантов – «многоэтничность» и «этническая политика». К категории культурных различий, которые существуют среди человеческих коллективов и которые необходимо учитывать в управлении, относятся и другие, с этничностью жестко не связанные. Основанные на них сообщества также требуют признания и регулирования их отношений с другими сообществами, как и обеспечение их членам должного статуса в обществе и государстве. Такое более широкое понимание культурного многообразия во многом поможет российским ученым и политикам выйти из тупика научных, правовых и политических споров по поводу того, является та или иная группа «отдельным народом», «коренным народом» или нет, имеет ли она право на отдельную фиксацию в переписи или нет, можно ли ей создавать свою национально-культурную автономию или нет, можно ли принимать законы и другие правовые акты по поводу групповых сообществ, не отвечающих привычным критериям «народа» или «этноса».

Если мы разделяем более широкий и свободный взгляд на то, что есть культурное многообразие, тогда такие формы культурной идентификации среди россиян, как кряшены (православные татары), поморы (приверженцы историко-региональной традиции), казаки (сословно-историческая идентификация), кубачинцы (культурно-отличительное местное сообщество в Дагестане) и многие другие самообозначения среди россиян не будут предметом ожесточенных дебатов и причиной обострения отношений между людьми с разной культурной идентификацией, между властью и населением,

между центром и регионами. **Культурное многообразие России – это не просто номенклатура проживающих на территории страны народов, а многообразные, в том числе множественные и многоуровневые формы идентичности в рамках российского народа.**

В связи с наличием в России различных форм псевдонаучного и улично-бытового расизма принципиальным является представление о расовых различиях как об одной из форм социокультурного (а не биологического) многообразия. В современном общепринятом представлении раса – это социально-культурная категория и академическая конструкция, т.е. раса как чисто биологическая реальность не существует. Зато основанные на биологизаторском представлении о расе расиалистское мышление и расизм как практика есть самые жесткие реальности. Для России это положение представляется актуальным, ибо пропаганда замшелых расовых теорий имеет массовое распространение в российском обществе. У расистских взглядов имеются сторонники в научной среде и в политическом истеблишменте, не говоря уже о рядовых милиционерах, судьях, преподавателях школ и вузов. Доказывать несостоятельность расизма сугубо рациональными аргументами или научными фактами необходимо, но этого явно недостаточно. В случаях с расистскими взглядами и действиями арсенал воздействия должен включать эмоционально-этические, правовые и другие методы, помимо рациональных аргументов научного характера.

В последнее время понятие «культуры» в смысле как синоним слова «народы», а также положения об однородности, целостности и нераздельности этнических культур были во многом пересмотрены. Культурные различия больше не воспринимаются как нечто постоянное и «шокирующе» непохожее (о мифическом «культурном шоке» в общении между собой россиян отечественные специалисты до сих пор рассуждают с упоением). Отношения по типу «свой – чужой» все больше рассматриваются как вопрос соотношения сил и связанной с этим соотношением риторики, а не сущности человеческого сознания и поведения. При этом культура все больше воспринимается как отражение процессов изменений, внутренних противоречий и конфликтов. По этому поводу авторы ооновского Доклада пишут: «По мере того, как антропологи теряли веру в концепцию единого, стабильного и ограниченного «целого», эта концепция находила признание у широкого круга людей, участву-

ющих в создании культур и формировании самобытности во всем мире. Аргументы из области антропологии все чаще используются теми, кто пытается классифицировать социальные группы по «полочкам» обобщенных культурных типов. Подобную практику антропологи в наши дни считают весьма сомнительной. Сегодня политики, экономисты и в целом общественность хотят, чтобы термин «культура» имел то ограниченное, конкретно-материальное, сущностное и вневременное определение, которое в последнее время отвергается антропологами»⁷. По-видимому, **внедрение толерантности должно начинаться с привнесения новых подходов в обществоведческую экспертизу, а уже затем – в остальное общество.**

3. Как лучше управлять культурным многообразием

Если мы принимаем более современный подход в проблеме культурного многообразия и желаем проводить эффективную (мирную и к общей пользе) политику многокультурности, тогда необходим ряд существенных корректив в науке и в общественном управлении. Казалось бы, простейший путь сохранения многообразия культур – это их консервация (выражаясь более элегантно – «сохранение, поддержка и развитие») в том виде, как это многообразие сложилось на данный момент в нашей стране и в мире в целом. Но тогда, как справедливо задают вопрос авторы Доклада, «не сведется ли после этого борьба за культурное многообразие к поддержке культурного консерватизма, когда людей будут призывать оставаться верными своим культурным корням и не пытаться перенимать другие образы жизни? Это немедленно приведет к переходу на позиции, противоречащие свободе, и к ограничению права выбора образа жизни, в котором, возможно, были бы заинтересованы многие. Таким образом, мы окажемся в сфере иной исключительности, а именно – исключительности из участия, в отличие от исключенное по образу жизни, так как люди, принадлежащие к культурам меньшинств, будут исключены из участия в преобладающем направлении культуры»⁸.

В России, где постсоветская государственная стратегия строилась на идеологии «национального» (читай – этнического) возрождения и развития, уже были приняты законы и программы, а также

осуществляются многочисленные региональные и общественные проекты именно с целью сохранения частных «культурных корней», будь это татарские, якутские, осетинские, или же более ветвистые и крайне условные корни, как, например, финно-угорские или тюркские. Эта политика не оставляет места тем чувашам или татарам, которые не говорят на чувашском или на татарском языках и которых больше интересует российскость, а не финно-угорскость или тюркскость? Как быть тем «финно-уграм», которые заинтересованы в том, чтобы их дети обучались не в Венгрии или Эстонии, а в московском вузе и могли сдать вступительный экзамен по русскому языку, а затем преуспеть по жизни именно в большом российском пространстве? Отечественная «национальная политика» на общероссийском (действительно – национальном) уровне до сих пор на этот жизненно важный вопрос для части, если не для большинства, населения ответа не дала. В то же самое время этнонационализм, отправляемый властями и общественностью некоторых российских республик и областей, а также и на федеральном уровне, преуспевает в реализации разделительных и вредных для многих людей проектов. Приведем примеры такой политики в области религии, образования и языковой политики и попробуем высказать некоторые рекомендации.

Признание религии

Как мы уже отмечали, религия является одним из проявлений культурного многообразия, и без эффективной религиозной политики со стороны государства невозможно обеспечить культурную свободу. Казалось бы, самый простой путь – это объявить об отделении церкви от государства и соблюдать сугубо светский характер власти, предоставив религиозным институтам и общинам возможности саморазвития и взаимодействия. Однако этого недостаточно. Религиозные доктрины могут иметь крайние формы проявления и стать источником экстремизма и насилия, чего не может допустить государство и общество в целом. Религиозные институты склонны к соперничеству в борьбе за паству и могут претендовать на исключительный статус за счет исключения или притеснения других религиозных направлений и их последователей, а некоторые мировые религии и секты осуществляют прозелитизм в глобальном масштабе в ущерб так называемым традиционным религиям на той или иной территории или среди того или иного населения.

Государство, уважая равноправие религий и их последователей, тем не менее, должно учитывать сложившуюся в стране и в ее регионах религиозную ситуацию, при необходимости ограничивая агрессивный прозелитизм и религиозный экстремизм. Наконец, религиозная политика как часть политики многокультурности содействует устранению последствий религиозных гонений, конфликтов и дискриминации, которые имели место в прошлом во многих странах, а в странах бывшего СССР тем более. Без государственной поддержки и при невысоком уровне жизни населения восстановление некогда разрушенной религиозной жизни трудно осуществить, и это является одним из приоритетов государственного управления в данной области. Наконец, власти и общественность оказывают необходимое содействие в просвещении верующих и неверующих по части религиозных воззрений населения и в организации межконфессионального диалога и обеспечения толерантности. «Государства – какими бы ни были их исторические связи с религией – несут ответственность за защиту прав и обеспечение свобод всех своих граждан и за отсутствие дискриминации (в интересах кого-то или против кого-то) на религиозной почве»⁹.

В России за последнее десятилетие произошли радикальные изменения в развитии религиозной ситуации и в отношении общества к религии. Возродили активную религиозную жизнь представители православия (открылись тысячи новых храмов и сотни новых монастырей, зарегистрировано более 10 тысяч религиозных организаций), ислама (построено 6 тысяч мечетей, свыше 3 тысяч организаций), иудаизма (новые синагоги, связи с Израилем, учебные заведения), буддизма и других религий. Религиозная жизнь и деятельность, а также политика регулируются законами, которые носят в целом демократический характер. Однако в области обеспечения религиозных прав и свобод, а также предотвращения религиозного экстремизма есть свои проблемы.

В период деятельности радикальных этнонационалистических движений в 1990 г. в регионах Северного Кавказа и Поволжья родилась идеология политического ислама, в том числе в крайних формах религиозного джихада (борьба с неверными), которая была использована для осуществления проектов вооруженной сепаратистской или замены государственной власти властью муфтията. Силовые и правовые меры со стороны государства позволили ликвидировать угрозу разрушения государства и установления религиозных фун-

даменталистских режимов в таких регионах, как Чечня и Дагестан, хотя террористическая деятельность под исламистскими лозунгами и при поддержке структур международного терроризма продолжается, что представляет собой сложную и серьезную проблему. Какими методами и аргументами можно предотвратить рекрутирование молодых людей в число вооруженных боевиков или террористов-смертников?

Вместе с исламским экстремизмом в российском обществе возникла проблема антиисламских фобий и распространения дискриминационных практик в отношении верующих мусульман. В Республике Дагестан был принят сверхжесткий закон против ваххабизма, который таррикатистский ислам способен использовать против сторонников других направлений в этой религии.

Одной из причин напряженности в религиозной сфере стало распространение различных культов и сект, а также мифологизированной религиозной эклектики. Так, власти и националистически настроенные активисты ряда республик (Якутия, Южная Осетия, Марий Эл, Мордовия, Алтай) вместе с новыми религиозными прозелитами уже много лет пытаются осуществить некий возврат к религиозным корням (это называется «возрождение национальной религии») местного нерусского населения. Речь идет об языческих культурах и древних религиозных практиках, которые два-три века тому назад были замещены православием. Хотя крещение аборигенов далеко не всегда было добровольным, как это происходило повсеместно в мире в эпоху утверждения больших религий, уже много поколений верующих осетин, якутов, марийцев и мордвы исповедуют православие, как истово исповедуют католицизм индейцы Северной, Центральной и Латинской Америки или протестантизм аборигены Гавайских островов. **Попытка объявить православие навязанной, чужой, «не национальной» религией, а языческие культы – «национальной религией» представляет собой образец культурного фундаментализма, разрушающего как местные устои, так и интеграционные возможности представителей российских меньшинств** (последний термин крайне условен по отношению к нерусским российским национальностям).

Если культурные различия этнического характера носят подвижный, сложный и не взаимоисключающий характер, то в сфере религии границы различий имеют более жесткий характер, а такие религии, как ислам, объявляют преступлением против религии пе-

реход человека в другую веру. Религиозная идентичность среди верующих формируется достаточно рано через воздействие семьи или проповедников и трудно поддается компромиссу. Доклад о человеческом развитии 2004 г. формулирует три аспекта обеспечения религиозной свободы в качестве приоритетов государственной политики в этой области. Это – предоставление не только свободы веры, но и права на «многоголосие» в интерпретации догматов веры в рамках одной религии. Это – непредоставление религиозным иерархам каких-либо политических и социальных привилегий. Это предоставление всем религиям простора для дискуссий по вопросам веры с правом приверженцев одной религии критиковать с позиций социальной ответственности практику и верования других религий. Это предоставлять индивидам свободу не только критиковать религию, к которой они принадлежат, но и отвергать ее ради другой либо оставаться вне религиозной жизни вообще¹⁰. Для России эти рекомендации представляются применимыми, хотя их далеко недостаточно для обеспечения межрелигиозной толерантности и кооперативных отношений между религиозными организациями и группами и государством.

Политика многоязычия

Язык есть одна из важнейших форм человеческой коммуникации, и в то же самое время язык во многих случаях остается отличительной чертой этнической общности и одной из основ ее культурного арсенала. Как отмечается в Докладе, «если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться «нейтральным», подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории»¹¹.

В многоязычных обществах, каковым является Российская Федерация, языковая политика обычно направлена на признание права использовать те языки, на которых разговаривает население в той или иной местности или принадлежащее к той или иной языковой группе, даже если она проживает дисперсно. В законах, в том числе и в российских, как бы закрепляется следующая оптимальная формула: «Пусть каждый имеет возможность пользоваться своим родным языком в некоторых сферах – например, в школах и

университетах, но при совместной деятельности, особенно в общественной жизни, давайте использовать один общий язык»¹². Это всего лишь минимум в определении политики языкового плюрализма, который, однако, соблюдается далеко не во всех странах. Так, например, в Турции только в 2002 г. парламент принял закон, позволяющий частным организациям преподавать курдский язык определенной части курдского меньшинства. Во многих развитых странах с крупными разноязычными общинами закон устанавливает официальное дву- или трехязычие и выделяет средства на выполнение такого закона. Кроме этого, не только позволяются, но и поддерживаются языки многочисленных меньшинств, если они этого желают.

Опыт языковой политики в СССР был достаточно уникальным с точки зрения сохранения и развития языкового многообразия: около 70 языков получили разработанную письменность, издавалась литература и велось преподавание на десятках языках народов СССР. Но в то же самое время советская модернизация и централизаторская политика авторитарного государства обеспечивались во многом через русскоязычные управление и идеологию, а сами представители нерусских национальностей в целях жизненного преуспеяния переходили на русский язык как язык государства, общенациональной культуры и подавляющего большинства населения. В принципе эта ситуация сохранилась и в постсоветской России, где русский язык объявлен законом как государственный язык, но официальное двуязычие и многоязычие установлено в ряде республик.

Как и в ряде других государств, в России существует сложная дилемма: как использовать языковую политику для обеспечения эффективного государственного управления и в интересах большинства, но соблюсти языковые права малых групп населения, не закрывая им возможности языкового выбора. Здесь сталкивается представление о некоей идеальной норме (каждый народ имеет право на свой язык) и представление о языковых правах индивидом. По большому счету не существует «права на язык», но есть права, имеющие отношение к языку. Догмам языковой политики и устремлениям этнических элит часто противоречит языковая стратегия простых людей, особенно родителей, желающих предоставить больше возможностей для своих детей в рамках большого общества. И здесь действует простое правило: если меньшинство может навязать свой язык большинству только силой, то многие представители мень-

шинств делают добровольный выбор в пользу доминирующего языка. Тем самым, родным языком является не язык, который совпадает с языком национальности, а основной язык, которым человек владеет и которым пользуется. Таким языком для многих представителей нерусских национальностей в нашей стране является русский язык.

Однако языковой репертуар современного человека не ограничивается одним языком, и все больше нормой языковой ситуации становится двуязычие и многоязычие, которые к тому же имеют функциональный характер: в одних сферах и ситуациях больше используется один язык, в других – другой язык. В России двуязычие широко распространено, и оно поддерживается государством, особенно региональными властями. Однако здесь возникают серьезные коллизии, которые могут приводить к напряженности и к конфликтам на языковой почве. Один из таких недавних конфликтов возник в Татарстане на почве проекта перевода обучающегося татарского населения республики с кириллицы на латинскую графику. Аргументы местного этнонационализма и находящихся под его влиянием властей республики сводятся все к тому же принципу восстановления прошлого или возврата к некогда существовавшей норме. Используется также аргумент свободы выбора и права на коллективное самоопределение в отношении групповых культурных институтов. Но трудно себе представить более разрушительный проект для судеб тех молодых людей из числа этнических татар, кто решится или будет вынужден получить образование и обучиться письму на основе латиницы, т.е. не на основе графики, которой пользуется основное население страны, включая большинство российских татар. Едва ли можно представить себе более разительный случай столь масштабного и продуманного со стороны периферийного национализма «исключения из участия в преобладающем направлении культуры».

Почему такая политика осуществляется и почему она считается позволительной – это другой вопрос. Ответ содержат в себе не только ссылки на стремление сохранять свою самобытность, чтобы поддерживать особый статус республики-государства в рамках Российской Федерации, и не только, чтобы дистанцироваться от доминирующей культуры и ее политического центра, и не только, чтобы лучше интегрироваться в мировое латинографическое информационное пространство. Ответ содержится также и в скры-

тых устремлениях политического сепаратизма, т.е. в укреплении его базы институтами радикальной культурной отличительности. Ответ кроется и в новых геополитических соперничествах, когда так называемый «тюркский мир», возглавляемый латинографической Турцией, а точнее – политический пантюркизм, приступил к расширению сферы своего воздействия в постсоветском пространстве, которое после распада СССР представлялось как некая terra nullis (ничейная земля). Меньше всего данный проект в интересах того, на кого сослался президент М. Шаймиев при объяснении реформы графики в Татарстане: «Простой сельский татарин спросил меня, почему он не может писать на том письме, на котором всегда писали татары и сам он хочет писать?»

Хотя Государственная Дума по поводу данной ситуации приняла закон, позволяющий смену графики в стране или в ее регионе только по решению федеральных органов власти, вопрос для политики остается: как совместить свободу частного культурного выбора и культурное многообразие без ущерба для многих других, кто политически молчалив и не способен оценить возможный ущерб сегодняшних политических решений для следующего поколения? Система образования – это то, что касается всех. Тогда может быть необходим референдум, но среди кого – всего населения Республики Татарстан, если это делается в интересах населения республики, или всех российских татар, если это делается от имени и в интересах татарского народа? Понятно, что не среди татар Татарстана, которые не обладают правом говорить от имени как республиканского сообщества, так и российских татар.

Поликультурное образование

Идеология частных корней мешает и может наносить вред представителям национальных меньшинств, и эта идеология должна быть скорректирована.

Необходимы программы и проекты, а возможно, и законы, которые бы решали или хотя бы способствовали реализации свободного выбора и социального преуспевания представителей разных культурных традиций в общероссийском пространстве в рамках доминирующей русскоязычной российской культуры. «Причины скептического отношения к автоматическому предоставлению приоритета культурным традициям, доставшимся по наследству, могут быть рассмотрены с учетом того, кто выбирает и что он/она выбирает»¹³. Родительские стратегии и устремления

самых молодых людей чаще всего радикально расходятся с призывами этнических активистов и с установками властей республиканского и даже федерального уровня. Кажущаяся леность в изучении «родного языка» и переход на русский язык в семейной обстановке, поступление в московский вуз, брак с иноэтничным партнером – все это представляется этническим предпринимателям как «предательство» по отношению к родной культуре, и должно пресекаться или находить противодействие через политику. Но отвечает ли это устремлениям самих людей и тому выбору, который они решили сделать? Конечно, нет. А это означает необходимость в этнокультурной политике выстраивать более широкие приоритеты и предоставлять более широкие возможности.

Если речь идет о сфере образования, то здесь эти более широкие возможности не должны сводиться только к дополнению государственного образовательного стандарта и системы образовательных учреждений, так называемым этнокультурным или региональным компонентам. В России в последние годы было сделано много, в том числе и позитивного, в области утверждения концепции и реального развития поликультурного образования. Изданы научные труды и педагогические пособия, проводятся конференции, реально действуют сотни школ. Однако инерция советского концепта «национальной школы» как особой школы для представителей отдельного народа фактически осталась жива за фасадом «поликультурного» или «с этнокультурным компонентом» образования. Вся эта система исходит из наличия в отдельной школе или отдельном классе монокультуры и культурной чистоты (армянская, грузинская, татарская, еврейская школы или армянские, грузинские, татарские, еврейские классы). И хотя сторонники и участники этой системы заявляют, что такие школы и классы открыты для всех, но на самом деле это только формальное заявление, ибо в ментальном отношении это закрытые культурные корпорации: в них обучают монокультуре или нескольким монокультурам, а не культурной сложности и культурной открытости.

Как реакцию, как самомаргинализацию (маргинальность нами видится именно в уходе в монокультуру, а не в выходе из нее) энтузиастов «национальной школы», ответную логику действий демонстрируют русские этнонационалисты, учреждая «русские национальные школы». Последние концепт и политика исходят от представителей референтной (основной) этнической культуры в соста-

ве общероссийского культурного комплекса, который ближе всего и больше всего совпадает с основным культурным потоком («преобладающим культурным направлением») страны. Они действительно могут находить поддержку большинства и их труднее отличить от позитивных гражданско-патриотических воззрений и действий. Но на самом деле концепт «русской национальной школы» или «русского национального компонента» не менее, а даже более разрушителен для сохранения культурного многообразия, реализации культурной свободы и проведения политики толерантности. Этот концепт, во-первых, исключает культуры меньшинства из образа страны и ее населения; во-вторых, он закрывает путь общероссийскому национальному проекту, который носит инклюзивный характер. Национальной школой в России может быть только российская школа, а не русская или татарская. Такой подход открывает новое и обширное поле для политиков и законодателей, которые уже успели многое натворить в рамках старого подхода. Может быть, не следует исправлять сразу все, но что-то делать нужно в плане модернизации национального образования в многоэтнической стране.

Примечания:

- ¹ T. Martin. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- ² Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004.
- ³ Доклад о человеческом развитии 2004. С. 17.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ См. подробнее: Тишков, В.А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии.* М.: Наука, 2003.
- ⁶ Доклад о человеческом развитии 2004. С. 38. О проекте см.: T.R. Gurr. *Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts.* Washington, DC: United States Institute of Press, 1993; Idem. *People Versus States.* Washington, DC: United States Institute for Peace Press, 2000. А также обновляемая база данных «Меньшинств под угрозой» на сайте данного проекта в Интернете: www.cidcm.umd.edu/inscr/mar
- ⁷ Доклад о человеческом развитии. С. 107.
- ⁸ Там же. С. 21.
- ⁹ Там же. С. 67.
- ¹⁰ Там же. С. 67.
- ¹¹ Там же. С. 71.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 21.

ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ – ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Как и многие крупные государства мира, население России имеет сложный этнический (национальный) и религиозный состав. Совместное проживание носителей многих культур и языков в рамках одной страны и в составе одного российского народа было постоянной характеристикой нашего государства на протяжении всей его истории. Многообразие населения было источником постоянного и взаимообогащающего взаимодействия и условием развития страны. Трудно себе представить, чем было бы Российское государство, если бы оно развивалось столетиями, включая и новое время, только на территориальной, демографической и культурной основе одного или нескольких восточно-славянских племен. Славянская культура, русский язык и религиозная христианско-византийская традиция в форме русского православия веками составляли основу и своего рода референтную (доминирующую) культуру россиян и остаются таковыми по сегодняшний день. Однако российский народ невозможно представить без представителей других национальностей – носителей других культурно-исторических традиций, как невозможно представить религиозную жизнь страны без последователей других мировых религий – ислама, иудаизма, буддизма.

Несмотря на то, что этноконфессиональные различия часто выступают факторами конфликтности и причинами нетерпимости и насилия, мы бы хотели исходить из той посылки, что не только в прошлом, но и сегодня этническое и религиозное многообразие и так называемая многонациональность российского народа составляют его богатство, его силу, и более того, – они есть условие стабильности и развития страны. Это утверждение вынесено нами в название доклада, и мы попытаемся рассмотреть ситуацию с точки

* Этнопанорама. 2007. №1–2. С. 2–10.

(Доклад прочитан в Общественной палате Российской Федерации. 30 января 2007 г.)

зрения болевых проблем современного российского общества и с точки зрения стратегий и механизмов, которые Общественная палата, власть и общество в целом могли бы предложить для обеспечения стабильности и согласия в стране и для эффективного управления этнокультурным многообразием.

Этнокультурный облик России

За последние десятилетия в России произошли существенные этнодемографические перемены, и в этом заметную роль сыграли процессы естественного движения населения, миграции и так называемое национальное возрождение, т.е. рост самосознания представителей малых и больших народов. Это подтвердила перепись населения 2002 г., по итогам которой хотелось сделать вводное обозрение ситуации в стране. В какой степени перепись дала адекватную картину этнического состава населения (к сожалению, вопрос о религии не задавался)? Не учтено было примерно 5–7% населения, среди которого – жители крупных мегаполисов, мигранты из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама, обитатели труднодоступных для переписчиков загородных особняков. Зато часть населения была учтена с избытком. Приписки имели место в ряде республик (в пользу титульного населения), в крупных городах, которые стремились сохранить (или обрести) статус городов с миллионным населением, а также в малых городах – административных центрах.

Некоторые этнические группы населения в переписи получили с явным искажением. Причины разные, не только технические, но и политические. Например, перепись 2002 г. зарегистрировала в несколько раз меньше, нежели на самом деле, число малочисленных андоцезских народов Дагестана, которые под большим давлением записываются в число аварцев и даргинцев. Была занижена численность турок-месхетинцев: известно, что только в Краснодарском крае их больше, чем получилось в целом по России. В Башкортостане административные и политические манипуляции позволили переписать несколько десятков тысяч татар в башкир. Поэтому итоги переписи следует учитывать в работе, но делать поправки, и не следует отмечать некоторые претензии, которые могут быть у представителей тех или иных национальностей. К тому же, уже началась подготовка к новой переписи, которая пройдет в 2010 г. Следует более спокойно и ответственно подойти к переписи

и не устраивать кампании типа «Запишись татарин!» и не позволять другие формы этнического самоопределения, как это было в прошлой переписи в Татарстане.

Вопросы о языке и национальности должны быть усовершенствованы, а также должен быть включен вопрос о религиозной принадлежности верующей части населения, которая, по некоторым данным, уже составляет большинство россиян. Самое главное, что мы недостаточно учитывали в переписи и не всегда учитываем в общественной практике и в управлении наличие в России значительной части россиян, которые имеют сложное этническое происхождение, будучи потомками смешанных браков, число которых в стране всегда было велико и может изменяться в будущем. Около четверти населения страны живет в семьях со сложным этническим составом, а это – весомая причина, по которой человек считает себя принадлежащим не к одной, а к двум или даже трем национальностям. Так, более 70% украинцев в России живут в смешанных семьях, в основном – в русско-украинских. То же характерно для российских немцев и для других дисперсно расселенных групп, а также для малочисленных народов. Часто человек осознает себя не только немцем, а русским немцем, или русским и немцем одновременно, или ситуативно – в одних случаях русским, а в других – немцем. По этой причине, несмотря на жесткие установки, от переписи к переписи миллионы людей совершают «переходы» из одной группы в другую. Этот выбор следует признать и уважать, а не трактовать его как аномалию или как «предательство нации».

Несостоятельными оказались разговоры об «этноциде», якобы имевшем место в 1990-х гг. Перепись показала безосновательность страхов о катастрофическом сокращении численности русских. Накануне переписи были прогнозы, согласно которым численность русских, якобы, упала на 15 и более млн. чел. по сравнению с последней советской переписью в 1989 г. Сокращение действительно имело место, но на 3,3%, а доля в составе населения страны – на 1,7%. Причина – демографическое старение населения, большая часть которого – городские жители. Прежде всего это связано с низкой рождаемостью и высокой смертностью. Миграция последних лет отчасти компенсировала падение численности русского населения. Дополнительным источником пополнения русского населения является ассимиляция других групп населения, в том числе мигрантов, в пользу русского языка и идентичности.

Некоторое сокращение численности имеет место среди марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, хакасов, коми и других. Некоторые категории, наоборот, численно выросли: аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, буряты и др. Однако это не вызвало радикальных изменений в этническом составе населения страны. Политизированная риторика о вымирании, например, финно-угорских или коренных малочисленных народов Сибири является беспочвенной. Ни одна этническая группа не исчезла с карты нашей страны в XX в., в то время как в других регионах мира исчезли десятки малых культур. Мы должны противостоять аргументам в пользу обязательного роста численности той или иной группы населения (естественно, за счет, видимо, уменьшения численности других) и объяснять, что человек имеет право не только на национальность, но и право менять национальность или принадлежать сразу нескольким национальностям. Такой более сложный подход позволит избежать ненужных конфликтов по поводу того, являются казаки и поморы частью русского народа или они отдельный народ. Точно также со многими другими группами (коми-зыряне и коми-пермяки, кряшены и сибирские татары, цезы и андийцы и т.д.).

Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия

Россия, ее народ, несмотря на демографические проблемы, остается крупнейшей европейской нацией. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части элиты мешали все эти годы более энергичному утверждению представления о России как о состоявшемся государстве-нации и о российском народе как о гражданской нации. Старые научные подходы и политические установки исходят из того, что теперь, якобы, поставлена задача из русских, татар, чувашей и прочих «делать россиян». Это – ущербный подход. Российский народ-нация – не результат искусственной унификации, а де-факто объединенное этническое разнообразие. Население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства. Подавляющее большинство населения ставит свою гражданскую идентичность («россиянин») на самое высокое место.

Этнонационалистам разного толка, да и значительной части научного сообщества, до сих пор претит такое понимание живой

российской действительности. Они воспитаны на том, что «народы» и «нации» – это по сути отдельные, не похожие друг на друга этносы, а проживающие в одном государстве, работающие в одном коллективе, живущие в одном городе, и даже члены одной семьи, с разными этническими корнями – не могут быть одним народом или нацией. В результате господства этих устаревших представлений образ страны оказывается ущербным: территория есть, экономика есть, столица есть, бюрократия есть, а народа или нации нет. Не следует отвергать право россиян относить себя к разным народам и нациям в этническом их понимании, но нужно знать, что все это формы коллективной идентичности среди единого и исторически давно существующего русского народа, который, по словам выдающегося русского философа И.А. Ильина, представляет собой «многонародную нацию».

Русский язык и российская культура (от Пушкина и Гоголя до Шолохова и Айтматова) сыграли выдающуюся цивилизаторскую миссию на евразийском континенте, не ограничиваясь только территорией исторического русского государства. Русский язык был и остается языком культурного взаимодействия и взаимообогащения представителей разных этнических культур в рамках общенациональной культуры.

Российская нация всегда включала в себя людей разной этнической и религиозной принадлежности. Так, например, российские (прежде всего казанские) татары играли важную роль в дореволюционной колонизации и советской культурной модернизации региона и населения Средней Азии. Российские украинцы составляли значительную часть первопоселенцев Восточной Сибири и Дальнего Востока. Выходцы из Прибалтики, Закавказья, Украины составляли ядро советского руководства, особенно в период т.н. национально-государственного строительства и индустриализации. Никто и никогда не будет переделывать осетин, татар, русских, якутов в россиян. Они и есть россияне, российская нация, оставаясь по своей этнической принадлежности теми, кем они себя считают.

Длительное пребывание в составе Российского государства и в поле доминирующей русскоязычной культуры не могло не привести к определенной ассимиляции части населения. Значительная часть татар и башкир, адыгов и вайнахов, мордвы и марийцев, хантов и манси, карел и саамов перешли на русский язык, не утратив

своей идентичности, т.е. ощущения своей культурной самобытности. Политизированные защитники меньшинств и некоторые ученые могут по этому поводу выказывать озабоченность, но им никто не дал права решать за родителей, в какие школы отдавать и какому языку обучать своих детей. В целом же в культуре россиян совмещаются и переплетаются как бы три культурных потока и три типа ценностей: общероссийские, этнонациональные и общемировые. Все они в наше время тесно переплетены, и, например, современная массовая культура вбирает в себя этнические компоненты, а малые культуры используют самые современные формы и русский язык. Заботы о сохранении культурного наследия и этнических традиций не должны быть препятствием на пути модернизации и не должны превращать жизнь людей в культурные изоляторы ради порою мифологизированной традиции, которой на самом деле никогда не существовало. В то же самое время любовь к стране и российская идентичность будут только сильнее и богаче, если будут строиться не только на уважении Москвы, государственных символов, русской речи, но и родного края и собственной культурной отличительности.

О причинах конфликтов и насилия и стратегиях противодействия

С подачи некоторых аналитиков и политиков в стране утверждается взгляд, что корни многих конфликтов заключаются в цивилизационных несовместимостях разных народов страны и в низком уровне жизни населения, особенно в таком, якобы, депрессивном регионе, как Северный Кавказ. По поводу цивилизационных различий – это чистый и злобредный вымысел, ибо различия между россиянами на основе этничности и религии на порядок меньше того общего, что их объединяет. Не меньшим вымыслом является привязка насилия и экстремизма к обнищанию и социальной безысходности. На самом же деле образ обедневшего Кавказа или других мест чаще всего служит не причиной, а оправдательным аргументом нестабильности, криминала, сепаратизма и терроризма, а также средством выторговывать деньги из федерального бюджета. Судить, бедно или небедно живет население, только по средним заработным платам или по «бюджетной обеспеченности» невозможно. Необходимо учесть и такие показатели, как размеры и качество

жилья, владение автомобилями, объемы меняемых иностранных валют, состояние здоровья, число студентов вузов и некоторые другие, которые лучше говорят о том, как реально живут люди.

В контексте противодействия экстремизму, терроризму и обеспечения безопасности следует противостоять ошибочному мнению, что именно бедность порождает терроризм. Страна басков в Испании и Северная Ирландия в Великобритании не являются бедными регионами этих стран, но терроризм там есть. Гораздо более значимыми являются факторы идеологические, т.е. фундаменталистская пропаганда и индоктринация, особенно незрелых молодых людей, а также тривиальный меркантильный расчет, т.е. проплачивание экстремизма внешними или внутренними манипуляторами. Мы должны научиться различать политизированные манипуляции населением за внешне порою привлекательными аргументами типа «исправления исторических несправедливостей» или «утверждения истинных ценностей».

В России исторически сложилось доброе взаимопонимание и сотрудничество между основными религиями и этническими группами. Но в последние годы ситуация в регионах России вызывает беспокойство. Связано это не только с возросшей бытовой ксенофобией, но и действиями местных властей и общественных лидеров. Чего стоит, например, высылка цыганского табора по приказу городской администрации из Архангельска или откровенно националистические и провокационные призывы «Союза национального возрождения» (Республика Коми) к обеспечению особых прав «коренного» населения и ограничению прав «мигрантов». Случаи насилия на почве ксенофобии в крупных и малых городах стали уже привычными. Общественная палата на своем пленарном заседании в апреле 2006 г. выработала рекомендации по противодействию экстремизму, и участники совещания имеют этот документ.

Поддержка позитивных практик

В современной России на фоне глубоких социальных и политических перемен идет быстрое изменение воззрений отдельных граждан, их групп и институтов, смена идей, целей и ценностей. Этот процесс противоречивый, вызывает много споров и недовольства, но в целом он позитивный, и мы должны увидеть и поддержать

этот позитив. В середине 90-х гг. все наше внимание было приковано к конфликтам в сфере этнокультурного развития, противоречиям возрождения религиозной жизни страны. А сегодня – совершенно другие тенденции. Мы видим высокую степень консолидации российского общества, позитивные устремления граждан, возросшую активность общественных объединений, способствующих этноконфессиональному диалогу.

Это новое позитивное развитие проявляет себя в самых разных формах. Возьмите краеведческое движение. Многочисленные организации, включая молодежные и детские, участвуют в поисковых экспедициях, ведут местные летописи, собирают предметы исчезающего быта, фольклор, открывают сельские музеи. Отдельные энтузиасты, и их становится год от года все больше и больше, изучают историю своей «малой Родины». И если раньше все подобные инициативы исходили от властей или, как минимум, санкционировались ими, то сегодня это делается по велению души тех, кому интересна история своего края. Еще в 1998 г. на государственном уровне было поддержано туристско-краеведческое движение «Отечество», целями которого стали совершенствование организации и содержания обучения и воспитания подрастающего поколения средствами туризма и краеведения; воспитание у школьников патриотизма, бережного отношения к природному и культурному наследию родного края; приобщение учащихся к краеведческой и поисково-исследовательской деятельности; сохранение исторической памяти; совершенствование нравственного и физического воспитания обучающихся. Движение проводит всероссийские конференции, награждает лучших юных исследователей родного края.

Посмотрите на гражданское участие в возрождении храмов. Еще вчера столь широкая поддержка этой бескорыстной работы казалась немыслимой, а сегодня – куда ни приедешь – везде люди трудятся по воскресеньям как каменщики и подсобные рабочие на реконструкции руин советского времени. Например, еще в 1990 г. по инициативе ректора Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова академика Пальцева Московской Патриархии были переданы здания церковей, находящихся в клиническом городке: Святого Димитрия Прилуцкого и Святого Михаила Архангела. Академия деятельно помогала в восстановлении этих церковей. С начала 1992 г. там уже идут богослужения. В 1997 г. началось возрождение Центрального храма Русской православной церкви в Челябин-

ске – храма Христа Спасителя. Оно превратилось во всенародную стройку. Сегодня по благословению Святейшего Патриарха Алексия II здесь находится икона святителя Николая, привезенная морем из итальянского города Бари и особо почитаемая российскими паломниками. Это – дар властей Италии. Таких вернувшихся к жизни и верующим храмов во всей стране тысячи, движение в защиту памятников культуры и духовности значительно укрепилось в последние годы. По инициативе владыки Феофана сегодня на Северном Кавказе строится около 80 православных храмов, что имеет огромное значение для сохранения русского населения в регионе и для стабильности и духовного развития. Возрожденные церкви и монастыри создают новый облик наших городов и сел, сплачивают людей, придавая новую энергию и новый смысл отношениям соседства, становясь основой самоорганизации и самоуправления.

Возьмите такое явление в жизни России, как паломничество. Для православного или мусульманина побывать в святых местах нашей страны или за рубежом стало духовной потребностью. Например, Фонд поддержки духовного просвещения и культуры «Служение», созданный в Воронеже, ежемесячно организует поездки по святым местам: в пещерные монастыри с. Костомарово и Дивногорска, в Дивеево, Оптину пустынь, в Серпухов, Санаксарский мужской монастырь, в мужской и женский монастыри г. Задонска, к источнику св. Тихона, монастырь Серафима Саровского, в Троице-Сергиеву лавру и другие места.

Основную деятельность в этом направлении ведут Русская православная церковь, Духовное управление мусульман Европейской части России. Так, Паломнический центр Барнаульской епархии видит своей главной задачей практическое содействие возрождению на Алтае древней традиции. Он помогает верующим совершать паломничество по святым местам России и за рубежом. Интерес к святыням разных религий никак официально не стимулируется. Он – часть мировоззрения сограждан, примета нашего времени, которая заслуживает одобрения и признания. Примеры возрождения храмов и паломничества – одни из тысяч подобных примеров.

Современную ситуацию в этнокультурном развитии России характеризуют организации в поддержку языка и традиций, школы народной кулинарии, кружки самодеятельности, объединения любителей старины. Трудно даже перечислить все направления деятельности, какие есть у этнокультурных объединений, нет и точ-

ной статистики, позволяющей полно представить эту работу в цифрах. Очевидно, что в мероприятиях этих организаций принимают участие миллионы россиян. И в эту работу все больше и больше вовлекаются дети и молодежь. Летние лагеря для изучения языка своего народа или проведение фольклорной экспедиции уже стали распространенными явлениями. Причем деньги находятся у спонсоров, предприятий, подобные начинания все больше и больше поддерживает местный бюджет.

О деятельности этнокультурных организаций

Значение деятельности этнокультурных объединений, национально-культурных автономий в Российской Федерации, где проживают представители многих народов, чрезвычайно велико. При участии этнокультурных сообществ в некоторых субъектах Федерации подготовлены соглашения о гражданском мире и согласии между органами государственной власти и общественными объединениями, разработаны региональные целевые программы поддержки значимых мероприятий. Организации, призванные удовлетворять интересы людей разной культуры, есть во всех регионах России. Например, в Татарстане действует 35 национально-культурных автономий. А в Нижегородской области выделяются организации представителей стран СНГ: азербайджанцев, армян, белорусов, грузин, украинцев. Ряд обществ стремится поддерживать на Нижегородской земле культуру российских народов – ингушей, марийцев, мордвы, татар. В Нижнем Новгороде действуют четыре еврейские организации. Своими целями самодеятельные сообщества, созданные по признаку этнической принадлежности, видят сохранение традиций, культуры своего народа в условиях окружения иных языков и культур. Большинство этих организаций, тем не менее, не работают изолированно, они кооперируются для решения сходных задач с другими общественно-культурными объединениями, с людьми других национальностей.

Этнокультурные организации играют в массе своей позитивную роль для местных сообществ, выполняют важные просветительские задачи, воспитывают молодежь. Но у них немало и проблем. Одна заключается в том, что объединенная в национально-культурную автономию группа людей часто пытается присвоить себе функции представлять интересы и чаяния всего народа. Между тем в

подобных организациях крайне трудно предусмотреть демократические процедуры выборов, в результате, организации, национально-культурные автономии говорят и пишут о том, что не разделяют тысячи и десятки тысяч представителей народа. Это зачастую служит основой конфликтных ситуаций, чреватых серьезными последствиями в полиэтнических регионах.

В последнее время наблюдается увеличение числа религиозных организаций: если в 1996 г. их насчитывалось около 13 тыс., то в 2006 г. – уже более 22,5 тыс. Крупнейшая из конфессий – Русская православная церковь – значительно расширила свое влияние: ныне зарегистрировано более 12 тыс. ее приходов, монастырей, епархий. Растет число организаций и приверженцев других традиционных для России конфессий. Религиозные организации ведут большую социальную работу. При православных храмах открыты и постоянно действуют благотворительные столовые – только в одной Москве таких столовых более двух десятков. Монастыри содержат свои трапезные, открытые для нуждающихся и малоимущих. Важную социальную функцию выполняют богадельни и детские приюты. В последние годы Русская православная церковь и организации других традиционных конфессий находят новые формы деятельности: организуются встречи верующих по интересам, анонимно оказывается помощь людям, страдающим алкоголизмом, больным СПИДом, наркоманией, добровольцы работают в государственных и муниципальных больницах. Оказывается помощь мигрантам, переселенцам и беженцам. Члены религиозных общин работают в тюрьмах и колониях, собирают вещи для нуждающихся.

О чем все это говорит? Мне кажется, что только теперь начинается наконец-то формироваться новая система отношений, которая давно и прочно утвердилась в европейских странах. Этническая и религиозная жизнь – это в самой малой степени «территория ответственности» государства. Этническая и религиозная жизнь – это выбор и труд самого гражданина, созданных им в содружестве с другими гражданами организаций и союзов. Этническая и религиозная жизнь – право человека оставаться самим собой, быть не похожим на других. Это никак не снижает требований подчиняться общим законам, сосуществовать вместе, крепить гражданскую солидарность ради процветания государства. Вот почему примеры самоорганизации, инициативы, общественной активности чрезвычайно важны.

О законах и ответственности государства

В то же время у государства остается своя «зона ответственности» в строительстве этнокультурных отношений. Речь идет, прежде всего, о совершенствовании российского законодательства, которого, по нашему мнению, сегодня пока нет. Есть отдельные законы – о национально-культурной автономии, о коренных малочисленных народах. Нет общего основания для этнокультурного развития страны: не определены статусы, «правовые коридоры» для языка этнических групп и общностей, преподавания его в школе, нет ясности в вопросе государственной и местной поддержки мероприятий, проводимых организациями этнокультурного направления. Нет представлений о принципах и методах информационной политики в интересах российских народов. Наконец, государство самоустранилось, не имея законодательной базы, от такой работы, как воспитание общества в духе солидарности и укрепления гражданского мира. Конечно, для написания законов нужны высокопрофессиональные люди, способные современные процессы оценить с точки зрения права и дать юридическую формулу разрешения противоречий, регулирования отношений. Сегодня много защищается диссертаций по проблемам этнологии, этнополитологии. Однако среди авторов мало концептуалистов, способных создать законодательство, которое было бы принято обществом.

Акты, которые сегодня действуют, остаются противоречивыми, не вносящими определенности в деятельность организаций этнокультурного характера. Достаточно обратиться к Федеральному закону от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии». Он в первой же статье «Понятие национально-культурная автономия» провозглашает, что «национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация». Национально-культурная автономия – это общественная организация. Тогда непонятно, зачем нужен был специальный акт, не проще ли было внести поправки в законы об общественных объединениях и некоммерческих организациях?

Ситуацию еще более запутало Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 3 марта 2004 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жа-

лобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахера». Им было установлено, что на уровне Федерации, того или иного субъекта Федерации, местного поселения может быть только одна автономия того или иного этноса. И это решение буквально «вытолкнуло» из сферы действия закона множество организаций. Получилось, что федеральный акт распространяется на 621 национально-культурную автономию (по статистике 2006 г.), тогда как этнокультурных объединений десятки тысяч, в них объединены миллионы людей. В соответствии с законом национально-культурные автономии «могут получать» государственную поддержку. О других организациях, чья деятельность также важна для людей, – ни слова. Разумеется, на практике органы государственной власти и местного самоуправления стремятся поддержать те и другие организации. Выходит, что никакого особого статуса у национально-культурных автономий нет.

Вопрос финансирования организаций – еще один острый вопрос. Не случайно Государственная Дума по предложению Общественной палаты приняла к рассмотрению законопроект «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». Однако это – лишь один из путей решения проблемы. Как показывает практика, общественные объединения, и этнокультурные в их числе, медленно учатся современным методам получения средств для ведения своей работы. Гранты, проекты – это многими отвергается как «низкий» способ получения средств. Контакты с некоторыми организациями убеждают: люди привыкли требовать и по-прежнему требуют полного финансирования своей деятельности со стороны государства. Более того, некоторые из них в 90-х гг. стали задолжниками перед бюджетом, не отчитались за потраченные деньги, несмотря на это, не оставляют усилий «выбить» новые средства.

Умение вести проектную работу – это особый вид деятельности. Например, для российской науки на первых порах ее перестройки также было внове писать заявки на гранты, получать стипендии. Только со временем наши ученые освоили это «искусство» и начали достойно жить. Общественные организации в Москве и крупных городах также овладели навыками подобной работы. Но в регионах, где собственно и есть особая нужда в получении средств для изучения языка или поддержания традиций, пока редко кто получает гранты. Никто общественников не учит, как подавать заявки, никто не ориентирует их на грантодателей, в том числе и госу-

дарственные органы, обязанные на конкурсной основе распределять бюджетные деньги. А это нужно знать: в законопроекте «О государственной политике в сфере межэтнических отношений», в экспертизе которого принимала участие Общественная палата Российской Федерации, предусмотрено создание правовых основ формирования и реализации региональных программ в пользу этого рода организаций.

Обучать необходимо и государственных служащих. Как показывает практика, представления о современных этнических процессах, способах разрешения межэтнических конфликтов необходимо формировать, прежде всего, у работников правоохранительных органов. Конечно, в органах внутренних дел много компетентных людей. События в Кондопоге потому привлекли к себе такое внимание, что сегодня все регионы страны – полиэтничные. Везде есть свои проблемы в организации рыночной торговли, распределении рабочих мест, в получении доходов разными слоями населения, но мир и согласие в большинстве регионов воспринимаются властями и обществом как норма, но не как рутинная данность, и ради ее сохранения делать нужно очень много. Противостояние «местных» и «пришлых» в маленьком карельском городке – это не проявление общей ситуации или же предвестник скорого будущего страны, а скорее абсолютная аномалия, в которой были повинны, в первую очередь, местные власти, а также «местный» и «пришлый» криминал. Чтобы исключить повторение подобных событий, нужна учеба тех, кто призван обеспечивать спокойствие в обществе, безопасность граждан. Однако программ повышения квалификации государственных служащих для проведения местной политики в полиэтничных регионах практически нет. Были пилотные семинары по формированию толерантности, например в Самарской области, но эти отдельные позитивные начинания не сменились системой подготовки кадров. Тут нужна практическая направленность курсов, помощь в организации диалога разных групп – представителей гражданского общества и власти.

Другая категория представителей власти, которая особенно полно должна «владеть темой», – это муниципальные служащие. Из Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» полностью «выпала» этнокультурная проблема, хотя вопросы культуры, досуга, безопасности – в ведении органов мест-

ного самоуправления. Сейчас Министерство регионального развития Российской Федерации работает над поправками к этому закону. Но этого вряд ли будет достаточно. Повышение компетентности муниципальных служащих – это актуальная задача. К сожалению, пока нет нового закона о муниципальной службе, в котором должно быть предусмотрено регулярное повышение квалификации этой категории чиновников.

Назрела необходимость специальных совещаний и тренингов по вопросам правоприменительной практики в плане профилактики экстремизма. Необходимо создать группы общественного мониторинга и реагирования, которые могли бы оперативно подавать судебные иски и возбуждать дела по разжиганию этнорелигиозной нетерпимости. Необходимо отказать в публичности лидерам экстремизма и их духовным вождям. Необходимо повысить общественную планку восприятия националистической идеологии и риторики в языке СМИ и в научном сообществе. Руководителям думских комитетов должно быть ясно, что неприлично приглашать в стены российского парламента патологических националистов. Руководителям телевизионных шоу также надо отказаться от соблазнительной скандальности тех российских парламентариев, которые разжигают среди россиян межгрупповую ненависть. Редакторам газет и журналов не мешает научиться различать неприемлемый для общества расизм и национализм и не забывать о том, как печатное слово может воздействовать на рядового читателя.

Информационная работа

Еще одно «слабое звено» – информационная работа. Меньше всего, как показывает деятельность наших масс-медиа, к реалиям России готов отечественный журналист. Иногда кажется, что никакого представления о последствиях своих материалов и сюжетов на этнокультурные и религиозные темы у авторов нет. Я знаю, какие бывают редакционные «разносы» корректорам, пропустившим опечатки. Но глупости на темы совместного жительства наших народов проходят практически без последствий для тех, кто их выпустил в свет.

Для многих этнокультурных обществ информационная деятельность – ядро всей активности. Вокруг газеты или журнала сплываются люди, заинтересованные в новостях о жизни народа, в изу-

чении языка, в установлении внутриэтнических контактов. Множество изданий выходит в Москве и регионах на языках российских народов, в печатном слове на родном языке чувствуют потребность и мигранты из-за рубежа. Государственные органы поддерживают эту прессу, но и тут системы нет: не ясны принципы, по которым распределяются деньги, нет законодательных установок на сей счет.

Сегодня этнокультурное разнообразие отлично себя чувствует в Интернете. Создано множество сайтов на языках народов нашей страны, они обновляются, содержат интересную информацию. Поддержание сайта – наиболее дешевый способ распространения сведений и объединения людей. Не случайно, что наши соотечественники за рубежом открывают русскоязычные ресурсы для общения друг с другом и с родиной. В одной только Германии десятки таких ресурсов, начиная с сайтов русскоязычных тиражных газет и кончая сайтами общин бывших советских граждан крупных городов, например Берлина или Штутгарта. Однако Интернет не может быть без норм и правил. Сегодня очевидно решающее воздействие Интернета как источника межгрупповой ненависти и вражды. Компьютерные сети – это не только ресурс информации в учебе или бизнесе, не только способ развлечения, но и масштабное распространение ультранационалистических и расистских взглядов и призывов. Глашатаи ксенофобии в России без страха перед ответственностью используют Сеть в преступных целях. Чего стоит хотя бы восхваление на сайтах думских депутатов убийц из так называемой «банды патриотов», которая действовала в Санкт-Петербурге. Действующие федеральные законы и принятые в апреле 2006 г. Общественной палатой рекомендации по противодействию экстремизму не касаются в должной мере этой проблемы. А принятые поправки к закону о противодействии экстремизму также почти не затронули Интернет.

Сегодня в десятках стран с разными политическими системами приняты законы, устанавливающие контроль (цензуру) за Интернетом, и уже сотни интернет-преступников осуждены судами. Недавно была принята Европейская конвенция по борьбе с киберпреступностью, которая предоставляет государственным службам безопасности возможность поиска и перехвата информации в Интернете. Что необходимо сделать в России с целью противодействия ксенофобии и экстремизму? Первое – это самоконтроль профессионалов Сети,

производителей и распространителей электронной продукции. Сегодня даже уважаемые провайдеры и фирмы, создающие и поддерживающие сайты, никак не озабочены содержанием помещаемых материалов, ибо не считают это своим делом. Но если «бумажный» издатель и даже печатник несут ответственность за продукцию перед своими коллегами-профессионалами и могут быть наказаны за расизм, неонацизм и призывы к насилию, то в Интернете такой системы нет, а сами коллеги никаких правил не выработали. Второе – это общественный контроль через институты гражданского общества. Третье – это правовое регулирование, т.е. государственное вмешательство в регулирование деятельности Интернета. Здесь уже имеется огромный опыт и выработаны разные подходы. Почти все правительства жестко ограничивают и наказывают за распространение в Интернете материалов, возбуждающих расовую ненависть. По этой части Россия пребывает среди отстающих.

В целом, информации о культурных проектах, событиях в жизни разных народов очень мало. Такое впечатление, что на федеральную новостную ленту есть шанс попасть только у Кондопоги. Лишь изредка мелькнет на экране татарский Сабантуй или еврейская Ханука. Опытные ньюсмейкеры, которые пока не занимаются освещением этнокультурных тем, мгновенно «раскрутили» бы даже самое малозначимое позитивное событие, создали бы тысячи информационных поводов обращения к сюжетам о традициях и культуре. Редко интерес к этой теме проявляют политики, общественные деятели «первого ряда». А ведь одно только появление уважаемого, уважаемого человека на том или ином локальном, но важном для местного сообщества мероприятии уже выводило бы его на уровень всей страны. Кстати, Президент Российской Федерации В.В. Путин – один из немногих таких политиков, который принимает участие в праздниках, в культурных мероприятиях разных российских народов. Это – благотворный «метод умножения авторитета» для самочувствия и маленьких поселений, и всей страны.

Все эти меры нужны потому, что Россия вступает в фазу динамичных изменений ее этнокультурной жизни. Мы будем принимающей мигрантов страной, и к нам приедут люди разных языков, традиций, образа мысли и действия. Мы должны быть готовы меняться и сохранять спокойствие и мир, добиться упрочения солидарности граждан. Этническое многообразие России и ее национальное единство могут стать основой этой солидарности. Новый нео-

расизм в России по сути этнический. Люди называют «черными» выходцев с Кавказа, которые на самом деле являются светлокожими европейцами. Схожие фобии встречаются в других странах – и даже в богатых. Тем не менее, ксенофобия – это не природное качество россиян. Люди будут гораздо лучше относиться ко вновь прибывшим, если они будут получать информацию о том, какую пользу приносят мигранты стране, городу, им лично. У нас все-таки не сложилась в последние годы пространственная сегрегация – с пригородами или городскими кварталами, населенными преимущественно иммигрантами, и нам, конечно, нужно принять какие-то меры, чтобы и в будущем у нас не складывались своеобразные этнические гетто.

Фактор миграции в вопросах стабильности и развития

Нашим российским выводом должно стать противодействие антимиграционизму. Общество им пропитано, начиная с известных политиков и кончая массовыми настроениями. Это большая морально-этическая проблема российского общества. Недоплачивают мигрантам, используя их дешевый труд, фактически миллионы россиян. Это и те, кто использует няnek для своих детей, кто ремонтирует квартиры, строит дачи. Работодатели, которые сооружают дома и дороги. Толковать проблему миграции только как коррупцию со стороны милиции и органов власти недостаточно. Это своего рода моральная коррупция всего российского общества в отношении мигрантов, которые еще 15 лет тому назад были такими же гражданами одной страны.

Россия в последние годы проводит политику свертывания миграции из стран бывшего СССР. И тем самым подрывает собственную национальную безопасность. Страна объективно заинтересована в притоке квалифицированных легальных трудовых ресурсов. Россия может упустить исторический шанс забрать часть населения бывших союзных республик после распада, руководствуясь утопичными представлениями, что этнические соплеменники должны вернуться на свою «историческую родину», а другие – остаться в «своих государствах». Цивилизаторская роль России в отношении всех своих бывших сограждан сделала их во многих отношениях россиянами, независимо от этнической принадлежно-

сти (русской, татарской, узбекской или грузинской). Миллионы украинцев, белорусов, молдаван, узбеков и других наших бывших соотечественников – это хороший человеческий материал для миграции в Россию. Такого исторического шанса у России пополнить свое население за счет других стран бывшего СССР уже скоро может не быть, ибо новое поколение потенциальных мигрантов, видя унижения своих родителей в России, активно ищет и находит другие страны для миграции.

Как можно исправить многолетнее заблуждение по поводу «незаконной миграции» и вытекающую из этого заблуждения политику? Необходимо изучить, посчитать и привести объективные аргументы о пользе миграции, а не только о том, сколько преступлений совершают мигранты, какие они привозят болезни и сколько переводят денег из России. Необходимо открыто сказать, что именно мигранты во многом создавали и продолжают создавать материальное благополучие страны, строя и ремонтируя квартиры, дороги и офисные здания, завозя ширпотреб, овощи и фрукты, нянча и обучая детей, и даже студентов. Необходимо сказать о тех, кто составляет себе состояния, недоплачивая мигрантам, держа их в ужасных условиях, третируя и толкая на преступления. Преступность среди работодателей и среди тех, кто «регулирует» миграцию, на порядок выше, чем среди самих мигрантов. Необходимо зазывать рекламными и информационными брошюрами, специальными субсидиями, стипендиями, грантами и льготами, как это делала Россия в XVIII в., Канада в XIX в., США в XX в. Пришел черед России бороться за мигрантов.

Последние нововведения в российской миграционной политике должны дать позитивные результаты, исправить ошибку, которая была допущена законом о пребывании иностранцев на территории Российской Федерации и законом о гражданстве. Но вводимые ограничения количества работников розничных рынков, не имеющих российского гражданства, – утопия. Я не знаю государств, которые принимают миграцию, и крупных городов, где есть оптовая и розничная торговля на рынках, в которых нет иностранцев. Мигранты, по некоторым оценкам, дают примерно 8–10% ВВП страны, а некоторые отрасли существуют вообще благодаря мигрантам (например, строительство). Польза от мигрантов во много раз больше, чем их денежные переводы и риски миграции, часто вызванные неумелой политикой и непреодолимой бюрократией.

Сегодня государственная миграционная доктрина предполагает стимулирование переселения в Россию соотечественников. Программа исходит из того, что есть более 20 млн. соотечественников, хотя непонятно, кого к ним относят, и что за счет переселения именно этих соотечественников частично можно решить демографическую проблему, то есть приостановить сокращение населения. Действительно, миграция – важнейший источник пополнения населения. И только сокращая смертность, повышая рождаемость и обеспечивая миграцию в Россию, можно приостановить сокращение населения. Тем более что миграция, в отличие от рождаемости, дает отдачу уже сейчас, а не через двадцать лет, когда новорожденные подрастут, получают образование, профессию, вступят в самостоятельную деятельность. И все-таки содействовать нужно переселению всех, кто желает приехать в Россию из стран бывшего СССР. И украинцы или молдаване ничем не хуже русских. Кроме того, ставить на переселение, прежде всего, русских, а не молдаван или украинцев, которые все равно станут русскими в России через полпоколения, – значит сужать русский мир, превращать Восточную Украину и Крым, по своим настроениям, в Львовскую область. Русские осваивали эти территории столетиями, а ради того, чтобы поправить один процент населения, с 80% до 81% русских, мы сокращаем границы русского мира, которые существуют в рамках бывшего исторического Российского государства. Нужно хорошо подумать, правильна ли стратегически, с точки зрения национальной безопасности России, ставка на то, чтобы переселять русских из Восточного и Северного Казахстана, из Восточной Украины или из Крыма.

Этнический принцип миграционной политики может вылиться в нереализуемую утопию. Русские в значительной мере уже интегрировались в соседних государствах, являются гражданами этих государств, сохраняют привязанность к России, являются важнейшим связующим мостом с Россией, не позволяют этим государствам превращаться во враждебные. По нашему убеждению, нет ничего плохого в том, что там есть значительная часть русского населения. Она довольна своим положением, мы должны защищать и отстаивать, помогать сохранять язык, культуру. Но может быть, нам выгоднее переселить украинцев и молдаван, и они станут русскими через поколение. Самая верная стратегия – это открытость и интеграционная установка со стороны основного населения в отноше-

нии вновь прибывших на временное или постоянное проживание в Россию. Страна крепка и теми, кто в ней живет, и теми, кто в нее переселяется.

В России религии и народы сохраняли и приумножали традиции добрососедских отношений. Представители разных вероисповеданий и этнических общностей проводят регулярные встречи, ведут постоянный диалог и в рамках Комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности свободы совести. Это является значимым фактором межрелигиозного мира, взаимопонимания, способствует достижению согласия и стабильности в российском обществе.

РОССИЯ – ЭТО НАЦИЯ НАЦИЙ*

Все входящие в ООН государства считают себя государствами-нациями (национальными государствами), определяя проживающий в нем народ как нацию и обеспечивая в разной степени и в разной форме его национальные интересы. В то же время на территории примерно 200 государств проживают люди, принадлежащие к 4–5 тысячам разных этнических общностей, которые могут по-разному называться: народы, этнические группы, национальности, нации, меньшинства, этносы. Эти общности имеют отличительные черты, прежде всего в культуре и языке, а самое главное – они обладают идентичностью, т.е. осознанием своей отличительности, что выражается в самоназвании. В ряде случаев групповая отличительность может строиться на территориальной или на религиозной принадлежности.

Большинство этнических общностей исторически сформировались на территории своего основного проживания, но многие народы и группы имеют мигрантское происхождение. Есть страны, которые целиком сложились на основе миграции и колонизации. В целом весь мир делится на территориальные сообщества – государства, но они имеют сложный этнический и религиозный состав населения. В крупных государствах мира проживает от 50 до 200 разных этнических общностей-народов. В России их около ста, а если считать проживающих в стране временно или постоянно представителей зарубежных государств (японцы, кубинцы, американцы, англичане и т.д.), а также некоторые отличительные подгруппы внутри народа, то эта цифра составит 158.

Обычно представители наиболее многочисленного народа и его культура служат основой государства, давая ему название, составляя демографическую, хозяйственную и политическую основу на-

* Этнопанорама. 2008. №1–2 (Доклад прочитан на межрегиональной научно-практической конференции «Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве» в г. Оренбурге, 29 февраля 2008 г.).

селения (кастильцы в Испании, англичане в Великобритании, ханьцы в Китае, русские в России и т.д.). Не менее часто, наоборот, общность формируется после создания государства, и тогда она обретает историческую и территориально-политическую идентичность, а культурно-языковая схожесть формируется позднее или никогда. Так были созданы современные государства Европы, Америки и Африки. Австрийская, голландская, бельгийская, итальянская, германская, бразильская, аргентинская, американская нации возникли уже после создания соответствующих государств.

Каждое зрелое государство с центральной властью предпринимает усилия по формированию национального сообщества на гражданской основе, стараясь преодолеть часто препятствующие этому религиозные, расовые, этнические, племенные, языковые, местно-региональные различия. Государство для собственной безопасности и целостности утверждает через разные механизмы (от символики и права до идеологии, образования, культуры и спорта) представление о едином народе-нации, т.е. формирует силами элиты национальную идентичность как чувство принадлежности и лояльности своей стране. В выраженной форме это называют патриотизмом или любовью к Родине. Это можно назвать также гражданско-политическим или государственным национализмом. Процесс гражданского нациестроительства не означает отрицание этнического и регионально-местного своеобразия.

В современном мире существует огромный опыт, в том числе и отечественный, признания и сохранения такого своеобразия. Наиболее распространенной и эффективной является формула «единства в многообразии». Она признает и утверждает регионально-специфическое начало и поддерживает этнонации через разные формы внутреннего самоопределения (территориальные или национально-культурные автономии). Но она также обеспечивает национальное единство через общие культурные, исторические, политические, эмоциональные и другие ценности и представления об единой гражданской нации. Таковыми являются китайская, британская, индийская, канадская, индонезийская и все другие крупные нации (может быть, за исключением почти этнически гомогенной японской) мира. Крупные государства мира фактически существуют как нации наций: этнонации (англичане, шотландцы, ирландцы, уэльсцы в Великобритании, фламандцы и валлоны в Бельгии и т.п.) и этнорегиональные сообщества (например, каталонцы или квебек-

цы) составляют гражданские нации (в данном примере – британскую, бельгийскую, канадскую), не утрачивая своей отличительности и в ряде случаев особого статуса. Например, шотландец Гордон Браун является одним из лидеров британской нации, Николя Саркози (венгерский еврей по этнической принадлежности) – лидером французской нации.

Однако сторонники этнокультурного или этнорегионального понимания нации зачастую отрицают право и политику государства по обеспечению гражданского сообщества как нации, особенно если она сопровождается дискриминацией, подавлением и отрицанием этнонаций. Это происходит как в форме внутривластных конфликтов и общественных движений, так и в форме открытого вооруженного сепаратизма. Последний зачастую поддерживается внешними силами со стороны геополитических соперников и некоторых этнических диаспор. Этнонационализм в его изоляционистской или сепаратистской формах является одним из главных вызовов для государств со сложным составом населения. Государства с разной долей успеха справляются с этим вызовом через следующие стратегии:

а) через государственно-правовые нормы, идеологию, культуру, образование, информацию и другие институты утверждается общегосударственная (национальная) идентичность, гражданская солидарность и общие ценности;

б) через разные внутренние формы самоопределения, включая государственное устройство, и этнонациональную политику признается и поддерживается этническое и региональное своеобразие, культура, язык и идентичность всех этнических общностей (народов или наций);

в) идеологическими, правовыми и силовыми методами нейтрализуются или подавляются проявления крайних форм этнического национализма, особенно в их сепаратистских вооруженных формах или в форме разжигания межнациональной вражды и ненависти и основанных на них насилии.

Как в этом мировом контексте видится ситуация в России?

Современная Российская Федерация есть продолжение исторического российского государства – Российской империи и СССР, несмотря на то, что значительная часть территории страны и населения были утрачены после распада СССР и образования новых государств на его территории. После образования централизован-

ного государства наша страна всегда имела сложный этнический и религиозный состав населения, и всегда русский народ был самым многочисленным и составлял большинство населения, а его язык, культура и религия определяли историко-культурный облик населения страны и составляли основу общероссийской культуры и идентичности. В Российской империи русский и российский были почти синонимами, ибо русскими считались все восточные славяне и православные жители страны. В стране имелись представления о большой русской нации, о единой России, о российском народе и россиянах, а сама страна в начале XX в., несмотря на имперскую форму правления, представляла собой в значительной мере национализирующееся государство, как и другие страны Европы и Америки.

В СССР понятие нации и национального было спущено на уровень этнических общностей. Этнический принцип внутреннего государственноустройства был назван «национальной государственностью». Нерусские народы получили свои «национальные государства» в виде республик. Для этого некоторые «социалистические нации» были сконструированы из регионально-племенного разнообразия. Скрепляющей основой государства были репрессивный аппарат, единая идеология марксизма-ленинизма с ее эклектичной теорией национального вопроса, а также советский патриотизм и формула дружбы народов. СССР мощно спонсировал этнонациональное многообразие, а вместо гражданского нациестроительства использовалась формула единого советского народа как нового типа исторической общности. Фактически советский народ был продолжением исторического российского народа, и такая общность продолжала существовать, а СССР был многоэтничным национальным государством, как и другие крупные государства. Таковым он признавался международным правом и сообществом. Отличия СССР от остального мира в этом аспекте в большей степени носили доктринальный и терминологический, а не сущностный характер. Формула «многонациональности» и непризнания российского народа как историко-культурной и гражданско-политической целостности, т.е. как государства-нации, переключалась в текст Конституции Российской Федерации. Предложение определить страну как «многонародную нацию» (формула И.А. Ильина) тогда не было принято по разным причинам, в том числе под давлением этнонационалистов и доктринеров из числа теоретиков «национального вопроса».

Сейчас формула «многонационального народа» может сохраняться в Конституции при условии признания в качестве приоритетов государственной политики не только развитие этнонаций, но и утверждение категории «российского народа» как гражданской нации с его общими национальными ценностями, интересами, экономикой, культурой, образованием, лидерами, проектами и т.д. Иначе получается абсурд: национальные проекты есть, а самой нации нет! Чтобы было ясно, что российский проект не противоречит русскому, татарскому или другим этнонациональным проектам, нужно объяснять, что российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций. Таким образом, Россия – это нация наций.

Кстати, такой формулой пользуются многие государства, схожие по своему типу с Россией. В России проект гражданской российской нации и идентичности поддерживает значительная часть экспертного и политического сообщества. Что касается населения страны, то все последние социологические замеры показывают, что российская, гражданская идентичность стоит на первом месте по сравнению с другими формами идентичности, включая и этнонациональную.

ТРИ КАРТЫ: ФИЗИЧЕСКАЯ, АДМИНИСТРАТИВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ*

*«Граница – это и есть единый критерий
для всех идентичностей современного мира,
пребывающего в состоянии постоянного
становления»*

(Алешандро Мело. Трансокеанский экспресс // Художественный журнал. 1997. № 16. С. 12)

Поскольку заглавная тема нашего конгресса – культура границ и границы в культуре, то мой первоначальный замысел состоял в том, чтобы рассмотреть взаимодействие трех реальных феноменов нашей жизни: природно-географической среды, государственно-политических образований и этнической мозаики через призму этих понятий и через понимание пространства как такового. В связи с этим выскажу тривиальную мысль, что нет культуры вне пространства, а пространство есть всегда культурно осмысливаемая субстанция. Причем сразу же скажу, что другие многозначные смыслы слова пространство (правовое, информационное и т.д.) нас здесь не интересуют. Мы ведем речь о географическом пространстве. Его осмысление зависит от опыта, задачи и ракурса, с которого постигается сама категория пространства.

Постулат о первичности пространства и в то же самое время обусловленности пространства культурой очень любят современные культургеографы. Нужно отдать должное их исследовательским достижениям последнего времени. Назову только фундаментальную книгу Дмитрия Николаевича Замятина «Культура и пространство» (2006), которая, помимо авторских выводов по проблеме моделирования географических образов, содержит обширную библиографию новейшей литературы в данной области. Им же опубликована хрестоматия по этой проблематике. В Президиуме РАН в

* Этнопанорама. 2009. №1–4. С. 2–7.

2009 г. начата 3-летняя программа фундаментальных научных исследований по проблемам пространственного развития, координатором которой является академик А.Г. Гранберг. В программе есть проект по историко-культурным образам российских регионов, особенно применительно к многоэтническим регионам (Северный Кавказ и Поволжье). Этот доклад я рассматриваю как одно из первых приближений к теме с точки зрения социально-культурной антропологии и этнологии.

Пространство, понимаемое как *территория*, было и остается ключевым компонентом в этнологии. Территориализация этничности (определение ареалов расселения этнических общностей, наделение их политико-административным статусом через «свою национальную государственность», индоктринация по поводу этнотерриториальной идентичности) была одним из наиболее увлекательных занятий отечественной этнологии на протяжении длительного времени. Поэтому еще одна работа также послужила толчком для моих сегодняшних размышлений, хотя она отстоит от нас более чем на полвека. Это книга Павла Ивановича Кушнера (Кнышева) «Этнические территории и этнические границы» (1951). Попробуем выстроить диалог между казалось бы далеко разошедшимися взглядами советских этнографов глухого сталинского времени и современных культургеографов и антропологов.

Природные границы-рубежи и теория естественных границ

В науке долгое время существовала теория, которая исходила из «естественности» наций, прирожденности национальных особенностей народов, зависимости их психического склада от условий мест обитания. У Э. Реклю и Демолена, а позднее – у Ф. Ратцеля было много последователей, доживших до сегодняшнего дня. Их установкой было доказать теснейшую связь этнических рубежей с рельефом и природными условиями местности. Не избежали этого искушения некоторые корифеи отечественной историографии, как, например, В.М. Соловьев и В.О. Ключевский, не говоря уже о давних и нынешних философах и психологах, а тем более – о геополитиках, одержимых глобальными конструкциями и онтологическим взглядом на историю и культуру.

Географы не противились такой жесткой связке географии и культуры. Тем более что этнография как наука долгое время развивалась в рамках той же самой географии. Однако сомнения по поводу принятия каких-либо естественных рубежей за подлинную границу любой национальности проявились довольно рано. Еще в 1866 г. этностатистик Р. Бэк писал следующее: «Если бы кто-либо захотел подразделять народы в зависимости от того, населяют ли они горы или долины, континентальные или приморские местности, и их нравы и обычаи определил бы как континентальные или приморские, горные или долинные, или подразделил бы их соответственно климату, то ему не удалось бы сделать это, ибо крайне трудно найти народ, который занимал бы пространство в пределах таких точно очерченных естественных границ» (цит. по Кушнеру, с. 21). Спустя 20 лет С.А. Арутюнов и Н.Н. Чебоксаров, а затем – Ю.В. Бромлей, повторили этот тезис. «Таким образом, выступив как непереносимое условие формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором сохранения общих характерных черт всех частей этноса», – писал Ю.В. Бромлей (Современные этнические процессы в СССР, 1977. С. 11).

С позиций современного знания мы можем задать вопрос: а была ли непереносимым условием формирования этноса так называемая «целостность территории» и что это означает? Если внимательно прочесть это высказывание, то оно означает наличие не просто одного-единственного местоположения для так называемого этногенеза, но и наличие этого местоположения только для конкретного этногенеза и ничьего более. Теоретики этноса и этногенеза не допускают нескольких местоположений для оформления единой групповой идентификации или оформления нескольких этнических (культурно различных) идентификаций в одном местоположении. И в этом для меня есть вопрос, который требует обсуждения, ибо «территория этногенеза» на сегодняшний день остается самым мощным аргументом в пользу объявления той или иной территории как этнической. Этот аргумент в ряде случаев обладает даже большим воздействием, чем сегодняшняя демографическая ситуация, которую можно объявить как искусственно созданную или же она является действительно таковой в силу прямого или косвенного принуждения.

Этническая территория (или граница) чаще всего становится аргументом в территориальных спорах между государствами или

внутригосударственными образованиями, а также между представителями разных этнических общин. Этот вопрос был чрезвычайно актуален как после Второй мировой войны, так и после распада СССР и Югославии. Точнее, он становится актуальным всегда, когда политики начинают делить между собой территории, ибо они есть прежде всего территориальные образования в отличие от других сообществ (этнических, конфессиональных, деловых, информационных и т.п.). В марте 1945 г. в Институте этнографии АН СССР состоялась закрытая от публики защита кандидатской диссертации П.И. Кушнера по проблеме «Западная часть литовской этнографической территории». На ней диссертант сформулировал проблему такими словами: «Каким путем следует устанавливать этнический состав населения спорных территорий и что важнее при определении этнического характера территории – заселенность ее в настоящее время определенным народом или т.н. исторические права другого народа на эту территорию» (цит. по Алымов С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1959-е гг. М., 2006. С. 144).

Кушнер подверг критике «мажоритарный» метод, который отталкивается от существующего этнического большинства и предлагает при решении территориальных споров учитывать фактор «туземного» населения, которое имеет на определенную территорию «исторические права» на том основании, что данный народ сформировался на ней и связан с нею «длительным, многовековым пребыванием». Вот какой ответ был дан советской этнографией того времени на этот до сих пор злободневный вопрос мировой науки и политики: «Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается на его экономике, обычаях, психическом складе, т.е. сказывается на его материальной и духовной культуре. Но, с другой стороны, и территория меняет свой внешний облик, подвергаясь культурному воздействию населения. Воздвигаемые населением постройки, дорожные сооружения, наконец, методы обработки земли, культурные насаждения и пр. придают всей местности определенный этнический колорит... Можно было бы дать такое определение этнографической территории: это – область, на которой данный народ развился, на которой он обитает (или обитал до недавнего времени) и с которой он длительно и непрерывно связан своей творческой культурной деятельностью» (Кушнер П.И. К методологии определения этнографических территорий // СЭ. 1946. № 1. С. 14).

Основы современной территориальности

В чем проблема с самим понятием «этническая территория»? Если рассуждать с точки зрения зарождения и раннего формирования той или иной культурной традиции, то даже в пределах одной яичной скорлупы могут сформироваться два жизнеспособных цыпленка, тогда почему для формирования этноса нужна никем другим не занятая или не используемая территория? Где и в какие времена в таком случае находилась «целостная территория», когда формировался русский или татарский этнос? Во всяком случае, Киев и Новгород такими местами никогда не были, как ими не были Казань или древний Булгар. Подобный вопрос можно задать не только по русским и татарам, но и по всем другим народам, не говоря уже о тех, кто сформировал свою отличительность и самосознание уже в поздние времена европейской колонизации других регионов мира.

Конечно, география, прежде всего ландшафтные и климатические условия, играла важную роль при первичных заселениях и освоении территорий Земли носителями разных культурных традиций. Более того, сами эти культуры складывались или видоизменялись под воздействием естественной среды. Но нам почти неизвестны современные народы, которые бы не мигрировали в пространстве или которые не размещались бы на уже обжитых землях. Собственно говоря, категория «подлинных» автохтонов сегодня представляет собой крайне малочисленную часть населения Земли, и это население известно как «индигенные» (аборигенные) народы, обладающие некоторыми специфическими правами, национальными и международными защитными механизмами. В России эта категория населения определена законом как «коренные малочисленные народы». Их численность составляет около четверти миллиона, но она растет, как и растет число претендентов попасть в этот утверждаемый правительством список. В российском законодательстве присутствует формула «территория традиционного природопользования», но она означает категорию публичного, а не имущественного права, хотя аборигенные общины хотели бы заменить слово «территория» на слово «земля» и объявить о своем исконном праве на владение.

Таким образом, исторический, археологический и лингвистический материалы свидетельствуют о том, что все народы сложи-

лись из разнородных племенных групп, что они есть результат миграционных перемещений и популяционных контактов, включая физическое и культурное смешение. Уже по этой первопричине «влияние географической среды на человека не может считаться определяющим фактором развития общества и основой изменений форм этнической общности» (Кушнер П.И. Этнические территории... С. 21). В конечном итоге, как суммировал эту «теорию этнических границ» автор монографии о Кушнере молодой исследователь Сергей Алымов, этнические границы (по крайней мере, в Европе) являются переходными зонами, заселенными представителями нескольких национальностей и смешанных переходных групп. Поэтому само слово граница можно применять к этим зонам достаточно условно. Размытая и прерывистая этническая граница имеет мало общего с четкими линиями естественных и политических границ. Ее конфигурация неустойчива, постоянно меняется и зависит от характера взаимодействия граничащих народов, процессов колонизации, ассимиляции, политики государств и т.д. (Алымов С.С. Указ. соч. С. 152). Поскольку этнические границы чаще всего представляют собой районы со сложным этническим составом, основной задачей является определить, как считает Кушнер, «действительный национальный состав населения данной местности и его географическое размещение». Эта процедура достигается не только «субъективным» методом прямого вопроса об этнической принадлежности индивида, но и «объективным» методом через косвенное установление национальности по ряду признаков. Этот метод называется «реалистическим», так как национальность является «по реально существующим этническим особенностям» (Кушнер П.И. Этнические территории... С. 42).

С. Алымов считает, что в теории этнической территории и этнической границы не было никакой заданности, и все эти разработки никак не были связаны с советской внешней политикой и послевоенными территориальными приобретениями. На самом же деле аргументы советских этнографов того времени были связаны с вопросами послевоенного устройства в Европе и, в частности, с передачей территории Калининградской области Советскому Союзу, а руководимый Кушнером Отдел картографии был секретным подразделением института, куда не могли заходить даже сотрудники института. Что же касается идеологической подоплеки, то аргументы давнего заселения этих земель славяно-балтскими племенами

активно использовались советскими государственными деятелями и пропагандой. Точно так же сегодня эти же аргументы используются казахскими, украинскими, прибалтийскими националистами для обоснования территориальных границ бывших советских союзных республик или даже для территориальных претензий. Аналогичные мотивы можно встретить и в риторике крайних националистов в самой России.

Опыт мировой политики и современный взгляд на этничность не позволяют выстроить некую рациональность в соотношении последней с государственными и даже внутренними административными границами. Теория Кушнера и территориальные постулаты в области этничности заводят политику в тупик и содержат большой конфликтотенный потенциал. Но тогда как соотносятся естественные рубежи и государственные границы с этническими ареалами в истории и в современности?

Связь между тремя картами существует, но скорее как конфликтная проблема, а не как гармония. Что касается природной среды, то она оказывает влияние на формирование культуры и на развитие общества, хотя и не является определяющей. Достаточно привести пример, что столь значимые природные рубежи, как, например, реки и горы, почти нигде не служат тем, что называется этнической границей. Реки Волга и Урал хорошо это демонстрируют. Уральские горы и Кавказский горный массив также являются зонами богатой этнической мозаики. Даже на кавказском высокогорье от первичных ущельных культурных комплексов, которые могли оформиться давно и без явных внешних взаимодействий, сегодня мало что осталось. Скорее остались ментальнообразные конструкции, как, например, нынешнее деление чеченцев на горных и равнинных.

Что же касается морской береговой линии и берегов больших островов, то их, как правило, также населяют представители разных этнических сообществ. Берега Каспийского моря, поделенные между пятью государствами, могут быть тому убедительным примером. А тем более Средиземноморье, где само море с его островами представляет собой не разъединяющую, а стягивающую культуры конструкцию. Тем не менее, мы находим примеры, когда этническая граница проходит по естественным рубежам. Реки Амур, Дунай в его нижнем течении, Одер и Западная Нейсе разделяют довольно определенно такие народы, как китайцы и русские, бол-

гары и румыны, поляки и немцы. Но вся хитрость в том, что эти естественные рубежи служат линиями государственных границ, и это уже административные барьеры, сопровождавшиеся даже насильственными переселениями (например, немцев с правого берега Одера и Нейсе), сформировали этнические границы, а не сама по себе водная артерия. Как писал Кушнер, «только в отдельных и весьма редких случаях стремление государства укрепить свои границы путем доведения их до стратегически важных естественных рубежей, а также подтянуть к этим рубежам границы этнических массивов основных национальностей, осуществилось в полной мере» (там же. С. 23).

Наш вывод состоит в том, что *государственные границы устанавливаются и удерживаются в результате двух основополагающих обстоятельств: волеизъявления и волеизъятия, а также политических договоренностей и международных норм и соглашений. Везде и всегда действует принцип или силы, или самоопределения территориального сообщества – демоса. Этнический фактор является не главным, хотя именно он чаще всего выходит на переднюю линию аргументации и служит инструментом политической и даже военной мобилизации.*

Геоисторические образы и идентичность

О роли административно-государственных границ будет сказано ниже. Но с географией еще есть в чем разбираться. Благодаря французской исторической школе Анналов было положено начало так называемым геоисторическим исследованиям, в центре которых образы географического пространства, которые создаются людьми и на которые природная среда реагирует в соответствии с этими образами. Поэтому в духе этой школы правильнее говорить не о географическом детерминизме, а о географическом POSSIBILIZME, когда географическая среда предоставляет человеческим сообществам возможности для действий и развития. В классическом труде Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949) среда этого региона и его границы представлены, по словам Замятина, как «упругий, пульсирующий, дышащий образ, захватывающий и отдающий обратно Атлантику, Центральную Азию, Восточную Европу, Русь. Средиземное море постоянно мигрирует как историко-географический образ, воспри-

ятию чего способствует и картографическая игра с наложением средиземноморских контуров на другие географические регионы» (Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 31).

Именно Бродель заметил, что Средиземное море в эпоху античности и средневековья воспринималось как море восточное, афроазиатское, языческое и даже исламское. Европа «узнала» Средиземноморье и «уменьшила» его образ в физическом отношении (уже как часть самой Европы) только в эпоху Великих географических открытий, когда открылись новые трансокеанские пространственные коридоры для жителей континента (Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. М., 2002. С. 258, 300–304).

В наше время также создаются мощные образы различных регионов, стран и континентов. Эта работа с большими пространствами позволяет расширить привычные восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. По поводу России в последнее время было создано много новых трудов, ибо возникло новое государство с точки зрения его географии и геополитической роли. В связи с этим отмечу работы В.Л. Цымбурского и В.Л. Каганского (Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001). С волнующими кровью выводами этих географов-философов чаще всего мне как заземленному эмпирику было трудно согласиться, но важен сам факт интенсивного обсуждения темы – образ страны в пространственно-географическом аспекте. Здесь вообще много мифологии и образных конструкций, которые выдают или узость мысли (если речь идет об ученых), или первичность эмоционального начала (если речь идет о художниках и политиках). Например, теоретик российского пространства Каганский мыслит Россию только в имперской парадигме, не допуская мысли о возможности восприятия страны в аспекте национального государства: «Делать вид, что Россия не имеет значимых имперских структур, – безответственность или невменяемость, как и проекты превращения России в национальное государство, при том, что не существует доминирующей этнической группы, как и нет ведущей профессии или конфессии» (Каганский В. Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6(7). С. 15).

Столь резкое суждение основано всего лишь на плоском понимании нации и непонимании, что есть национальное государство. Но главное, из чего растут подобные суждения, это из растерянности перед российским пространством и неспособности осмыслить его как целое даже теми, кто сделал это своей профессией. Кстати, на эмоциональном уровне художники и даже российские обыватели с этим вполне справляются. Так, например, в словах нашего национального гимна С.М. Михалков один из шести куплетов посвятил географическому образу страны, и звучит этот немного абсурдный текст так: «От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля. / Одна ты на свете! Одна ты такая – / Хранимая Богом родная земля!» Хотя южных морей у России нет, и леса с полями до полярного края никак не могут раскидываться, тем не менее, геообраз страны в тексте гимна был создан и он работает, раз его поют. Что касается обывателя, то мой покойный сосед по рязанской деревне Алтухово Иван Ефимович Ежов постоянно меня спрашивал, а «не продаст ли Ельцин Курилы японцам»: это была его территория, хотя сам он дальше города Егорьевска никуда в жизни не выезжал.

Практика использования географическо-пространственных образов используется широко и другими государствами. Причем именно для формирования национальной идентичности (безотносительно, есть или нет в стране доминирующая этническая группа, конфессия или профессия). Приведу только один пример. В 1997 г. по заказу кабинета Тони Блэра научно-исследовательским институтом DEMOS был подготовлен доклад «Британия: создавая заново нашу идентичность». Его автор, впоследствии директор Института внешней политики Марк Леонард, предложил шесть ключевых моментов для нового имиджа страны. Среди тех из них, которые получили наиболее четкое выражение в последующей политике правительства и нашли отклик в обществе, можно выделить три:

1. Британия провозглашается проводником глобализации – местом, где происходит обмен товарами, информацией и идеями, мостом между Европой и Америкой.

2. Британия – это остров, обладающий уникальными творческими ресурсами. Он уникален во всем – от фундаментальных научных открытий до поп-музыки.

3. Британия – это «нация-гибрид», черпающая свои силы в этническом и культурном многообразии (Липкин Михаил. XXI век

по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Вестник российской нации. 2009. № 2(4). С. 136).

Причем здесь этнические группы, конфессии, а тем более профессии, чтобы самоопределяться как национальное государство? Кроме как невменяемыми и безответственными суждения самого Каганского по поводу России назвать нельзя.

Географические образы имеют прямое отношение к выработке как национальной, так и региональной идентичности. Географический образ – это конструкция, которая ярко и экономно представляет регион или страну. Региональная идентичность призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей. «Общее в обоих случаях – внимание к географическому пространству, выступающему в роли желанного, полностью недосягаемого и все же вполне реального эквивалента различных социальных и культурных сред» (Замятин Д.Н. Указ. соч. С. 36).

Региональная идентичность сказывается в существовании выпуклых и устойчивых образно-географических композиций, а хорошо освоенное пространство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов.

Здесь можно привести длинный список примеров конструирования и использования региональных и местных идентичностей, которые мне известны или которые наблюдались мною лично в ходе этнографических исследований. В США и Канаде эти вопросы хорошо освоены не только наукой, творческими лабораториями, но и общественными активистами, включая туристов и краеведов. Образы Новой Англии и американского Запада имеют всемирное звучание и составляют важнейшие компоненты национальной идентичности. Канадский Север и французская Канада – это также основанные на географии и культуре национальные бренды. Политика любого уровня в этих странах также зиждется на региональных образах. Достаточно привести примеры образов штатов, которые обладают мистической способностью голосовать на предварительных президентских выборах так, как потом проголосует вся страна. В России также в последние два десятилетия идет интенсивный процесс этнокультурного освоения региональных пространств, конструирование этномиров и этнодеревень, их коммерциализация и использование для просвещения и отдыха.

Как формируются региональные идентичности и какие используются специфические географические относительно того или иного места, ландшафта, пространства? Есть некоторые исходные точки в конструировании значимой географии:

1. Определение и демонстрация типичного природного и культурного ландшафта (степь, тундра, горы, городской профиль, инженерные сооружения и т.п.).

2. Наиболее известные памятники природного и культурного наследия.

3. Исторические и политические события, связанные с географическими объектами, изображенными на карте.

4. Известные люди, чья биография или деятельность связаны с географическими объектами, изображенными на карте.

Государственные и административные границы и их воздействие на культуру и идентичность

Государственные рубежи обрели характер четких и охраняемых линий сравнительно недавно, в эпоху становления современных государств. Они возникали и оформлялись как результат силы, переговоров, сделок или как результат освоения новых территорий на основе земледельческой или иной формы колонизации и по принципу *territoria nullis* («ничейной земли»). Именно по такому принципу осваивали Запад канадские и американские колонисты, а российские колонисты осваивали Сибирь и Дальний Восток. Аборигенное население в расчет не бралось: главное, чтобы над новыми землями не висел флаг другой большой державы. Государство в лице армии, бюрократии и просвещенной элиты добивалось минимальной гомогенности населения хотя бы в аспекте языкового владения и вероисповедания, а также обеспечивало принуждением и пропагандой лояльность и патриотизм заключенного в рамках госграниц населения. Это население обретало общую идентичность по Отечеству и по правителю, а в культурном отношении основой служила культура большинства населения. В Российском государстве таковой была русская культура на основе русского языка. Оба последних понятия имели расширительное содержание по сравнению с сегодняшними смыслами.

Во время, описанное Н.В. Гоголем в повести «Тарас Бульба» (это XVI в.), и даже во время жизни самого писателя (первая поло-

вина XIX в.) понятие русского включало всех православных славян, а сам язык назывался российским. Граница тогда «воевалась» и действительно была барьером, отгораживающим враждебные племена и страны.

Государственные границы были и остаются важными атрибутами государства и его безопасности. Граница часто «закрывается на замок» и «объята тишиной». Поэтому население страны в зависимости от исторической длительности существования столь явной разделительной линии все больше воспринимается как радикально отличающееся от жителей других государств по другую сторону границы. Хотя мы знаем, что сами жители пограничной полосы имеют или сложный этнический состав, или же граница разрезает этнически родственное население по обе стороны. При условии нормального демократического управления, когда учитываются интересы всех меньшинств, приграничное население, независимо от его этнической принадлежности и соотнесенности с населением по другую сторону границы, гражданская лояльность и национальное самосознание являются определяющими. Для проживающих в Оренбуржье граждан – русских, украинцев, казахов и других – главной является российская идентификация. Именно поэтому особенно опасны и могут обрести драматический характер межгосударственные конфликты, ибо их первыми жертвами становятся пограничные области, где сами жители меньше всего хотят воевать друг против друга.

Государство, требуя лояльности от своих граждан, включая выполнение воинского долга и союзнических обязательств, вполне может направить военнослужащего против граждан другого государства, которые являются этнически родственными или близкими по культуре людьми. Тем самым через принуждение и гражданское воспитание государство создает в своих границах самые социально и политически спаянные сообщества, а культурная общность становится вторичной и обычно накладывается на сохраняющееся групповое и местное разнообразие.

Политико-административная карта мира – это самая жесткая карта из трех рассматриваемых, хотя ландшафт меняется гораздо медленнее, чем очертания политических образований, но у рек и гор нет своих армий, а есть только предоставляемые для человеческих сообществ возможности. Природная среда не может переделать человеческие сообщества, включая их конфигурации и куль-

турные облики, если только речь не идет о длительных временных периодах, за которые случаются глобальные климатические изменения, или о крупных природных катаклизмах. А вот политики почти вольны распоряжаться средой, и если они между собой договариваются, то могут совершить крупнейшие изменения на физической карте мира (вернуть к жизни высохшее море или затопить тайгу и плодородные речные долины).

Политико-административная карта имеет внутренние административные образования со своими собственными границами. При решении вопроса, как поделить пространство внутри государства и как установить границы между административными единицами, действуют разные факторы и соображения. В СССР были как «укрупнения», так и «разукрупнения», но основным был федералистский подход, позволявший учитывать многообразие России и сохранять ее целостность, в т.ч. и с помощью силы тоталитарного/авторитарного режима.

Современная ситуация во многом изменилась, а многие принципы государствоустройства многоэтнических образований остались прежними, но с важными коррективами, о которых шла речь в докладе.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ИДЕАЛЕ И ЦЕННОСТЯХ*

Напомним, что наша статья в предыдущем номере журнала¹ заканчивалась тезисом: только после осознания фундаментальной несостоятельности идеи государства-этнуса и только после признания формулы российского народа как многоэтнической гражданской нации можно вести дальнейший разговор о национальных российских ценностях. Сегодня обсуждение таких ценностей ведется масштабно и, на мой взгляд, вполне плодотворно. В нем активно участвуют политический класс, наука, церковь, общественные организации. Вопрос о ценностях, составляющих основу российской идентичности, – это, прежде всего, вопрос об отношении к России, своему народу, своей этнической и религиозной принадлежности, культуре, традициям и обычаям страны в целом и своей малой родины.

В свое время М.С. Горбачев вообще не думал на эту тему, оставаясь в плену старых клише «социалистического федерализма на интернациональной основе». Б.Н. Ельцин в одном из ежегодных президентских посланий робко высказался на счет российской нации как будущей задачи в строительстве государства, а затем, хотя и неуклюже, но высказался в пользу «поиска национальной идеи». Этот призыв был встречен разномастной публицистикой по поводу «империй», «аскезы» и предначертаний судьбы, но польза от разговора была в том, что он был начат, обозначив тем самым кризис, а точнее вакуум в вопросе о национальной идентичности народа Российской Федерации.

Российская нация: политическое признание

Только президент В.В. Путин ясно и неоднократно заявлял о том, что Россия с ее многонациональным народом в то же самое

* Этнопанорама. 2009. №1–4. С. 78–81 (Статья опубликована в журнале «Вестник российской нации». 2009. №3(5).

время есть суверенное национальное государство с самоопределившейся российской нацией. Именно он сказал, что *мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации* и что *мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство*². Многочисленные попытки повлиять на президента, чтобы он занял узконационалистическую позицию, ничем не закончились. В то же самое время В.В. Путин очень много сделал, чтобы поддержать русский язык и русскую культуру в стране и за рубежом, защитить соотечественников, большинство которых считает себя русскими людьми или людьми, связанными с Россией. При президенте Путине укрепилась одна из основ российской государственности – религиозная христианская традиция в лице Русской православной церкви.

Вступив в должность в 2008 г., Президент Российской Федерации Д.А. Медведев выразил свое видение государства и российского народа, которому он принес присягу. Приведем два его высказывания на эту тему.

28 июня 2008 г. в выступлении на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов в г. Ханты-Мансийске:

*«Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды. На многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более ста шестидесяти народов. Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»*³.

29 июня 2008 г. в выступлении в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси:

*«Реализация такого исторического выбора позволила нашим предкам глубже осознать собственную идентичность, серьезно укрепить национальное самосознание. Отмечу при этом, что уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама государственность, стала складываться как полиэтническая и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных культур. Имея в своей основе православное ядро, она была изначально открыта для других верований и культур»*⁴.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. Д.А. Медведев обратился к ценностям, обществен-

ным идеалам и нравственным принципам, которые «выстраданы и выверены за века» отечественной истории и без которых «мы не можем представить себе нашу страну». Президент назвал важнейшие из этих ценностей:

Справедливость, включая обеспечение «достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений»;

Свобода – «личная, индивидуальная» и «свобода общая, национальная», а также «свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий»;

Жизнь человека, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов;

Семейные традиции, любовь и верность, забота о младших и старших;

Патриотизм и «всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре»;

«Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А, говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией»⁵.

В 2009 г. предложения в программу партии «Единая Россия» в виде «Концепции российского консерватизма» подготовили ее политические клубы. Эта концепция начинается с раздела о ценностях российского народа. Среди этих высших ценностей, которые разделяют россияне, названы:

Единство народа, культуры, истории, государства, права, экономики, территории;

Патриотизм как стремление к благу России;

Личность в единстве ее достоинства, свободы, прав и ответственности;

Семейные ценности и преемственность поколений;

Равенство граждан перед законом;

Безопасность личности и государства;

Порядок как соблюдение законов и моральных норм и другие⁶.

Понятно, что в концепции многое было взято из уже высказанного Президентом России в вышеупомянутом Послании Федеральному Собранию, но многое партийными экспертами было сформулировано дополнительно.

Еще одним важным усилием в этом направлении было обсуждение вопросов о национальном идеале, о духовно-нравственных ценностях русского народа на важнейших церковных собраниях, а также в пастырских обращениях и в выступлениях первоиерархов Русской православной церкви Алексия II и Кирилла.

Еще в августе 2000 г. на Архиерейском соборе РПЦ были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви». В документе имеется раздел «Церковь и нация», в котором говорится о том, что церковь не делит людей ни по национальности, ни по классовому признаку, потому что единство народа обеспечивается не национальной, культурной или языковой общностью, а верой в Христа и Крещение. В то же время вселенский характер церкви не означает, что христиане не имеют права на самобытность, национальное самовыражение. Напротив, церковь соединяет вселенское начало с национальным. Православные христиане, сознавая себя гражданами небесного отечества, не должны забывать и о своей земной родине.

Патриотизм православного христианина проявляется в защите Отечества, в труде на благо Родины, в заботе об устройении народной жизни и в участии в делах государственного управления. Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание. Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры – православный народ. Православной этике противоречит деление народов на лучшие и худшие, принижение какой-либо этнической или гражданской нации⁷.

Вышеизложенные позиции, на наш взгляд, являются глубоко органичными и абсолютно адекватными для религиозного взгляда на вопрос о нации и о самосознании. Они ни в какой мере не противоречат светскому взгляду и пониманию, которые были изложены нами выше. Наоборот, они дополняют и усиливают друг друга, подтверждая один из постулатов нациестроительства: церковь не может быть отделена от общества, а религиозная вера есть один из важных компонентов национального самосознания как гражданской, так и этнической нации.

На XIII конгрессе крупнейшей православной общественной организации – Всемирном русском народном соборе в мае 2009 г. была принята важная резолюция «Будущие поколения – националь-

ное достояние России», обращенная к проблеме духовно-нравственного развития молодежи и преодоления кризисных явлений среди этой части российского общества. Документы этого и предыдущих конгрессов несколько отличаются от собственно церковных уставов в понимании национального. Хотя общее название документа говорит о «национальном достоянии России», в его тексте речь идет преимущественно о межнациональном мире в России и о «сохранении национальной, культурной и духовной идентичности живущих в ней народов». В этом документе говорится о России как «многонациональном обществе с исторически сложившимся ядром – русским народом». Эти формулировки вполне корректны и они нужны для молодого поколения, но без называния вместе с этим российского народа как нации повисает в воздухе само «национальное достояние России», которое может быть только российским.

Слагаемые национального самосознания

В развитие изложенных выше положений и высказываний по вопросу о национальной идентичности попробуем назвать некоторые, на наш взгляд, базовые компоненты национального российского самосознания. Эти компоненты включают в себя как историко-географические образы, так и социально-культурные ценности. Они не могут быть жестким и кем-либо утвержденным перечнем. Они могут меняться во времени. Их значимость может быть разной в разных регионах, слоях населения и конфессиональных группах. Но главное – это наличие преобладающего согласия россиян по поводу национальных образов и ценностей. Как сказал президент, «это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах»⁸.

Конечно, сам по себе географический факт, что *Россия самая большая по территории страна в мире, есть одна из базовых ценностей*. Она запечатлена в тексте национального гимна: «От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля». Географический образ и природа (ландшафт и климат) страны присутствуют в национальной идентичности многих государств. В самопрезентациях, включая официальную символику, можно встретить такие формулы, как «северная страна», «страна тысячи островов», «страна гор и виноградников» и т.д. Например, образ: «Британия как остров, обладающий уникальными творческими

ресурсами» стал одним из основных в конструировании новой британской идентичности, которая пришла на смену или же надстроилась над прежней английскостью⁹. Кстати, самосознание некоторых государств как островных может проявляться даже в такой своеобразной солидарности, как голосование на конкурсе «Евровидение». Мальта, Кипр, Ирландия и Великобритания на конкурсе 2009 г. в Москве дружно отдавали свои очки в пользу друг друга, в том числе и по этой причине.

Важным компонентом национального самосознания россиян становится представление о стране как своего рода мосте между Европой и Азией, как о пространстве, которое имеет собственный облик, обозначаемый понятием «Евразия». Вокруг евразийской идеи было и сохраняется много антагонистических интерпретаций антиевропейской и антиатлантической направленности, имеющих цель представить Россию как некий изолированный материк-империю. На евразийскую идею ныне появились претенденты за пределами России в других странах – Казахстане и Средней Азии, где советская модернизация привела к соединению среди населения этого региона европейской и восточно-азиатской культурных традиций. Однако Россия остается в центре этой новой и одновременно старой геополитической конфигурации. Ясно одно, что евразийскость – это своего рода отличительный маркер самосознания одной из европейских наций, каковой является Россия как страна восточно-христианского мира.

Исключительное место в национальной идентичности россиян занимает представление о древней и славной истории страны. Россия имеет более чем 1000-летнюю непрерывную историю своей государственности, а заселение страны славянскими, финно-угорскими, тюркскими и арктическими народами началось задолго до первых государственных образований. Свидетельства древних корней российского народа присутствуют повсеместно: от новгородских древностей до городских поселений Булгара и Казани. Дагестанский город Дербент имеет еще более древнюю историю.

В национальном гимне также есть слова о «великой славе» и о народной мудрости предков. История России – это мощный ресурс и источник идентификации россиян со своей страной. В этом ресурсе центральным является реестр славных побед, в т.ч. и прежде всего – это победа над германским фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Победа 1945 г. стала символом высшего подви-

га народа во имя своей страны и во имя освобождения всего мира от «коричневой чумы».

Историческое прошлое – это обязательный компонент национальной идентичности почти каждого народа, даже если это прошлое не имеет очень глубоких корней и всемирных побед. США праздновали свое 200-летие в том же году, что праздновал свое 200-летие Большой театр в нашей стране. Тем не менее, это свое недавнее прошлое американцы воплотили в бесконечное число монументов и памятных мест. Каждый школьник обязан посетить одну из таких национальных святынь, как «колокол свободы» в Филадельфии, Капитолий и памятные монументы Вашингтона, места первых выступлений за независимость в Бостоне.

Для некоторых стран в прошлом важны не столько победы, сколько коллективные драмы и травмы (например, геноцид начала XX в. для армян, Холокост времени Второй мировой войны для евреев). Иногда коллективные травмы намеренно конструируются из фальсифицированных данных, чтобы придать национальной версии истории особый драматизм и определенную политическую направленность. Так, например, в последние годы на Украине создается миф о голодоморе украинцев в СССР как этнически избирательном геноциде с целью дистанцироваться в своем национальном самосознании от России и усилить «европейское начало» украинской истории.

В России национальная история – один из самых популярных предметов образования, научных занятий, просветительской и музейной деятельности. История лежит в основе праздничного календаря и памятных дат. Историческая тематика постоянно присутствует в кинотелевизионном производстве и в художественной культуре. Историческая память передается в устной и письменной традиции. Она может охватывать разные эпохи, регионы и места, людские коллективы. Национальная версия истории должна носить как можно более всеохватный характер, чтобы в ней было место представителям разных категорий населения и носителям разных культур и традиций. В национальной памяти важен базовый консенсус, т.е. согласие большинства общества по поводу выбора основных событий прошлого и их трактовки.

В России по этой части предстоит еще много сделать, ибо после распада СССР, помимо смены идеологической основы общества в пользу открытости и свободного выбора, возникли и стали актив-

ными энтузиасты альтернативных и партикулярных (частных) версий истории, которые, вместо встраивания их в общенациональный контекст, отторгают общее прошлое. В России, точнее – в СССР, был период отторжения религиозной культуры и традиции, а также наследия русского зарубежья, составляющего часть национального достояния. Сейчас это непристойное забвение закончилось. Как показала телевизионная передача 2008 г. «Имя России», в сознании современных россиян присутствует самый разный набор знаменитых людей Отечества. Но сам факт столь обширного выбора великих людей и общее согласие вокруг имен выдающихся правителей, полководцев, ученых, писателей и поэтов говорит о том, что пантеон национальных героев – это также важный компонент нашего национального самосознания.

Россия – страна великой и неповторимой культуры, которая внесла огромный вклад в мировую цивилизацию. Эта часть самосознания россиян основана на реальных достижениях, известных каждому образованному гражданину страны. Эти достижения известны всему миру и тем самым формируют гордость россиян за свою страну. Многие нации имеют великие достижения и гордятся ими, начиная от китайского шелка и пороха до английского Шекспира и группы «Битлз». Но далеко не каждая нация имеет столь широкий набор культурных достижений, которые стали неотъемлемой частью мировой духовной культуры и сопровождают современного человека, где бы он не жил и не воспитывался. Это литература Достоевского, Толстого, Чехова и Шолохова. Это музыка Чайковского, Стравинского, Шостаковича и ее великих исполнителей Шаляпина, Ойстраха, Ростроповича. Это театр Станиславского и русский балет. Это живопись Малевича, Кандинского, Шагала.

Россия – страна спортивная. *Для россиян спортивные достижения, особенно на международных соревнованиях и на Олимпийских играх, – предмет особого сопереживания и гордости. Демонстрируемое единство народа через массовые эмоции и радости миллионов болельщиков по поводу выдающихся спортивных побед говорят гораздо больше о том, что мы – один народ и у нас одна страна – Россия.*

* * *

Все эти позиции сегодня разделяет политический истеблишмент и значительная часть экспертного сообщества России. Насколько

искренне и осознанно – судить не просто, ибо отрицателей России как состоявшегося государства-нации, как страны вполне нормальной и вполне успешной, таких злых отрицателей и унылых скептиков еще достаточно. Причем как во внешнем мире, так и внутри страны. Одни считают, что Россия может развиваться только как империя, вернув себе все назад, что потеряла, и объявив один народ главным и единственным владельцем российской государственности. Другие считают, что Россия застряла между империей и нацией, ибо в стране нет свободных граждан, а есть только подданные, а это означает, что в стране не может быть и гражданской нации. Наконец, третьи считают, что разговоры о гражданской нации – это пустое фразерство и что нужно, как и в советское время, укреплять дружбу народов и интернационализм.

Россия есть и будет, если в каждом из нас будет присутствовать позитивный образ страны, если российские граждане будут испытывать любовь к своему Отечеству и нести ответственность за благополучие Родины.

Примечания

- ¹ **См. Тишков, В.** И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2009. №2(4). С. 85–97.
- ² **См. вступительное** слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, Республика Чувашия, Чебоксары, 5 февраля 2004 г. Источник: официальный сайт Президента Российской Федерации, www.president.kremlin.ru.
- ³ **Источник:** официальный сайт Президента Российской Федерации, www.president.kremlin.ru.
- ⁴ **Там же.**
- ⁵ **Послание** Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 5 ноября 2008 г. Источник: официальный сайт Президента РФ, www.president.kremlin.ru.
- ⁶ **Российский консерватизм – идеология** партии «Единая Россия». Центр социально-консервативной политики. 2009. Вып. 9. С. 49.
- ⁷ **Основы** социальной концепции Русской православной церкви. Архиерейский собор. 13–16 августа 2000 г. См. также: Манина, Е. Социальная концепция Русской православной церкви и ее значение для развития молодежи, <http://oioik.prokimen.ru/fakultety/filolog/280-elepanamina>.
- ⁸ **См. Послание** Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 5 ноября 2008 г. Источник: официальный сайт Президента РФ, www.president.kremlin.ru.
- ⁹ **Липкин, М.** XXI век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Вестник Российской нации. 2009. №2(4). С. 136.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД*

Сегодня историческая тематика вышла на передний край общественно-политической жизни. Это не может не радовать профессиональных историков и одновременно вызывать озабоченность за состояние науки и профессии. При определенных условиях наши общие усилия должны дать позитивные результаты. Одним из таких условий является поддержка фундаментальных научных исследований на принципах обеспечения профессионализма, академической свободы и гражданской ответственности. Несмотря на жесткие деформации прошлых режимов и на драматическую судьбу ученых-историков, российская историческая наука сегодня представляет собой одну из авторитетных национальных школ в мировой исторической науке. Могу это засвидетельствовать как участник почти всех международных конгрессов историков после 1970 года. Хочется, чтобы эти стандарты были приумножены нынешним поколением опять же при условии, что старшее поколение не будет «заедать век» молодых и предоставит им возможности для роста и самовыражения. Но и молодое поколение не должно ограничиваться подходом *tabula rasa*, и необходимо учитывать опыт предыдущих поколений без его отрицания.

Приведу один личный пример. В 1985 г. в издательстве «Наука» вышла моя книга «Историки и история в США», которая, на мой взгляд, объективно рассказывала о роли истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе (кстати, так она была оценена и в рецензии в «Американском историческом обозрении»). Это было время жесткой советской цензуры. Но в тексте книги, как и во всех других моих научных работах, никогда не было выражений типа «буржуазные фальсификаторы истории», которые были обязательными для многих, кто писал о зарубежной историогра-

* Этнопанорама. 2010. №1–2. С. 41–45 (Выступление на международном «круглом столе» «История, историки и власть» (г. Москва, 2 февраля 2010 г.).

фии в то время. Поэтому есть некоторая несправедливость наблюдать молодых коллег, не написавших еще ни одной книги и даже еще не родившихся в 1985 г., которые подписываются под текстом поучительно-осуждающей «Петиции итальянских историков в защиту свободы исторических исследований в России» от 13 декабря 2009 г. против ее «душителей» Путина, Медведева и заодно – Тишкова. При этом никаких реальных оснований, кроме фантомных страхов и намерения унижить Россию, не существует. Отделение историко-филологических наук РАН, где в 17 научно-исследовательских институтах работает несколько тысяч наиболее квалифицированных российских историков, никаких административно-идеологических функций не осуществляет, кроме координации работ и помощи тем историкам и отдельным научным группам, которые иногда могут страдать от излишнего администрирования руководителей институтов.

Внутрицеховые отношения, место и роль историков в обществе, этика взаимоотношений между национальными школами составляют вопросы, которые следует обсудить на встрече. В этом главная задача нашего «круглого стола», и я благодарен французским коллегам за нашу совместную инициативу.

Институциональный аспект

Демократизация общества, отмена цензуры, открытие архивов и вместе с этим своего рода «открытие прошлого», особенно недавнего советского прошлого, вызвали взрывной интерес к истории у профессиональных исследователей, деятелей культуры, масс-медиа и рядовых граждан. Это в целом позитивный процесс. За последние 20 лет по истории издано первоисточников, переиздано старых и переведено иностранных трудов, написано академических монографий и публицистических сочинений больше, чем за предыдущие полвека. Особенно это касается российской истории, в том числе истории краев, мест, истории этнических групп, церкви, эмиграции и т.д. В стране родилось новое краеведение как особое направление исторических занятий просветительского и патристического направлений. Появились разнообразные, в том числе частные, источники поддержки исторической науки, профильных музеев, телепрограмм, генеалогических разработок. Только по линии РГНФ ежегодно получают поддержку сотни исследователь-

ских, экспедиционных, издательских проектов на общую сумму более 300 млн. руб. Заметно выросло число профессиональных историков и научных центров, особенно в системе университетов. Открытой и разнообразной стала сфера международных научных контактов. По многим параметрам последние два десятилетия могут считаться наиболее плодотворными для российской исторической науки.

Однако нужно сказать о рисках и о проблемах. Во-первых, это слабая самоорганизованность профессионального цеха российских историков. Историки, пожалуй, единственные среди российских обществоведов не имеют национальной профессиональной ассоциации, не проводят регулярных научных съездов, которые всегда есть смотр научных достижений, площадка для дискуссий и для передачи межпоколенческого опыта, а также важный барьер на пути лженауки. Возможно, что Франция здесь не пример, но опыт Американской исторической ассоциации с ее регулярными многотысячными собраниями профессионалов может быть поучительным для таких больших национальных школ, как российская. Российские историки не имеют национального научного журнала общего профиля, который можно было бы считать авторитетной трибуной для изложения и обсуждения научных результатов или для критики. Хотя в последние годы появилось несколько хороших журналов обществоведческого профиля, которые публикуют статьи историков, особенно молодых и талантливых авторов. Отмечу, что и число получателей ученых степеней по исторической науке выросло за последние 20 лет десятикратно, хотя, к нашей общей ответственности, часть диссертационных текстов и дипломов являются купленными суррогатами или результатом протекционизма.

В целом корпоративная идентичность отечественных историков находится в плохом состоянии. Серьезен не столько теоретико-методологический раскол (плюрализм и многоголосие – норма научной жизни), сколько жесткая нетерпимость представителей разных групп и межпоколенческий раскол, вызванный почти закрытой возможностью карьерного продвижения для историков молодого и даже среднего поколения, желающих, например, возглавить кафедры, научные отделы и центры, журналы, институты. Представители старшего поколения и сторонники старых версий зачастую излишне болезненно воспринимают процесс пересмотра

исторических версий как некое отрицание их собственно прожитой жизни. Опыт Франции и других стран мог бы помочь российским историкам решать проблемы моральности ревизии.

Проблема исторического предпринимательства и любительства

Вторая проблема состоит в том, что при сегодняшней материальной и внеочечной возможности напечатать любой текст в обществе создается впечатление, что все желающие могут заниматься историей и считать себя историками. Существует впечатление, что историописание – это не особое профессиональное ремесло, которому нужно обучаться, а вариант любительского занятия (как путешествия, охота или рыбалка) или вариант телевизионно-книжной коммерции, а иногда просто заказной, политизированной лжеисторической мифологии. В России появились в большом количестве авторы, центры, журналы и даже фонды, которые выбрали историю своей профильной деятельностью. Некоторые из этих центров, фондов и издательств (например, РОССПЭН) доказали свой профессионализм. Но в целом исторической науке противостоит предпринимательство на истории и историческое любительство. Это явление давнее, и оно имеется во многих странах, но в России проекты типа «новая хронология» Фоменко стали настоящим бизнесом и общенациональным явлением. Этнонационалистическая и расистская литература на основе, якобы, исторических данных также представляет серьезную проблему для ученых и для общества в целом.

Обе стороны – профессионалы и предприниматели-любители – пока не нашли между собой механизмов взаимодействия. Серьезные исследователи чаще всего не хотят связываться с шарлатанами, с апологетами этнонационалистических и расистских трактовок, с теми, кто вдруг разом решил перевернуть все представления о прошлом, в том числе в области отечественной истории. Среди лжеисториков или непризнанных ниспровергателей в отношении профессионалов стали употребляться пренебрежительные термины: «традиционные историки», «кучка ретроградов», «старые догматики», которые, якобы, ничего не знают и не хотят признавать новое. Съездил писатель-сатирик один раз на один день в Аркаим, по его словам, «написал по этой теме три статьи» и после этого многократно на миллионную аудиторию доказывает бредовую версию

рождения белой расы от славян на территории нашей страны. Поэтому проблемы охраны профессиональных стандартов и противодействия паранаучности и историческим спекуляциям требуют особого обсуждения.

История как компонент национальной идентичности

Серьезная проблема в сфере исторического знания в России связана с распадом СССР и с появлением не только новых государств, но и 15 новых национальных нарративов, своего рода официальных версий прошлого каждой страны. Прошлое составляет необходимый компонент национального самосознания. Это есть преимущественная собственность и ответственность страны и ее народа за так называемую национальную историю. Не могут российские историки быть создателями национальных версий германской или французской истории, и наоборот. Напомню, что комиссии по поводу 200-летних юбилеев Американской и Французской революций с участием историков создавались соответственно в США и Франции, а не в России, хотя в те годы советские историки также готовили юбилейные издания. На XIII конгрессе историков в Сан-Франциско в 1975 г. наши ученые участвовали в обсуждении темы о роли революций в истории.

В мировой историографии имеются и «внешние» разработки национальных нарративов. Даже могут быть своего рода заказы на такую работу. Особенно если собственные научные школы недостаточно сильны или испытывают концептуальный вакуум. Франция, кстати, в отношении собственного «национального нарратива» демонстрирует сверхдостаточность и даже своего рода интеллектуальный изоляционизм. Переведенных и изданных работ российских авторов во Франции по французской истории гораздо меньше, чем изданных в России французских авторов по российской истории.

Итак, каждая страна при разнообразии научных и бытовых представлений о прошлом стремится к общеразделяемой исторической версии собственного народа страны. Этот базовый консенсус, если его удастся достичь, составляет основу формирования национальной идентичности (самосознания). Историческая версия обеспечивает веру в преемственность общности и государства, стимулирует

гражданскую солидарность, укрепляет легитимность самого государства, помогает обосновывать его достоинства и отличительную привлекательность для внешнего мира. В конструировании такой версии используются как достижения и победы, так и исторические драмы и примеры несправедливости. Как правило, национальные истории строятся на основе симбиоза изоляционизма, предпочтительной представленности доминирующей культурной традиции и ее носителей, на основе так называемого удревления исторических корней, непрерывности культурной традиции и государственности. С этой проблемой историки давно знакомы, но есть некоторые новые моменты.

Во-первых, ослабевает влияние самой концепции мышления в национально-государственных категориях, наблюдается разочарование в общем «авторитетном прошлом», «официальной истории», обозначается кризис коллективных форм идентификации и исторических метанарративов, происходит трансформация классической модели «национальной памяти». Это большой вопрос исторической эпистемологии.

В постсоветских странах к этой проблеме добавляется терминологический разнобой по поводу самого понятия «национальное». С советских времен в исторических учебниках излагается история центра как своего рода русская история и отдельным разделом – «история народов и государств на территории СССР», или история этнической периферии. Проблема интегративной версии и представленности разных групп и традиций в большом российском нарративе до сих пор не решена. Для создания полнокровной и открытой версии истории России это имеет особое значение. При наличии серьезных наработок по части истории отдельных групп и регионов эти проблемы можно решить через более адекватные учебные тексты и через хорошо подготовленные популярные презентации (ТВ, музеи и прочее). Трансляция документальных фильмов ВВС по истории, некоторые наши сериалы, исторический канал на 5 канале СПб., тема истории радио «Эхо Москвы» показывают, как это можно делать.

Более серьезной проблемой историописания представляется вариант национальных версий истории на основе игнорирования общего прошлого с другими народами. При такой версии может показаться, что православный храм в центре Хельсинки свалился с неба, если, например, в национальной исторической версии игно-

рируется период пребывания Финляндии в составе Российской империи. Ясно, что единой версии прошлого для 15 государств уже не будет, но это не означает, что политикам нужно вычеркивать общую историю, а историкам – отказываться от ее совместной разработки или от сотрудничества друг с другом.

Что самое худшее – это конструирование национальных версий прошлого на основе создания враждебного образа других народов и государств или на основе коллективной травмы, ответственность за которую возлагается исключительно на внешние силы. Советская эпоха оставила много таких травм, но не меньше и достижений. Все это есть наша общая история и наша общая ответственность. Правопреемственность России по отношению к внешним долгам, посольской собственности или международным соглашениям не означает, что, например, мои пострадавшие от сталинизма уральские родственники и я, как их потомок, несем ответственность за жестокие ошибки или преступления советской верхушки, состоящей в том числе из выходцев из Грузии и Украины. Проблема исторической ответственности требует нового обсуждения. Как, кстати, и проблема «исправления исторических несправедливостей», которая часто решается путем совершения новых несправедливостей.

Пределы домена историков и возможности власти

Колингвуд считал, что никакой результат в истории не является окончательным, что свидетельство меняется «с каждым изменением исторического метода», что «принципы, которыми это свидетельство интерпретируется, также меняются» и что, следовательно, «каждое новое поколение должно переписывать историю его собственным способом». Меняются не только метод и принципы интерпретации, но и социальная среда, интересы и устремления людей, социальных групп, политиков, интеллектуалов. Тем самым каждое поколение желает видеть или находить в истории то, что наиболее значимо для него на сегодняшний день. Эта потребность всегда меняется в случае смены общественного устройства и политико-идеологического режима.

Мы знаем, что бывают ситуации, когда исторические катаклизмы уничтожают целые государства вместе с его национальным нар-

ративом прошлого. Так случилось с версией истории СССР, создаваемой несколькими поколениями, в том числе и ныне живущих историков. На место приходят своего рода «нулевые поколения» – новые граждане новых государств, которые или пытаются продолжать старый «большой нарратив», или начинают с отрицания предшествовавшей версии истории, или же обращение идет к древней, наиболее мифологизированной части прошлого в попытке выстроить легитимную преемственность и опору современной идентичности, как бы пропуская недавнее прошлое. Такое происходит среди российских историков и историков некоторых других стран бывшего СССР. Какая позиция наиболее приемлема в ситуации, казалось бы, безнадежного релятивизма и субъективности? Во-первых, неправильно считать, что каждое поколение начинает его с чистого листа, и каждому поколению выдается своего рода картбланш на собственный способ историописания и на отрицание накопленного предшественниками знания. Это условие распространяется на всех, участвующих в историописании. При всей неудовлетворенности статусом-кво энтузиастов радикальных ревизий, тем не менее, существуют профессиональные проверочные нормы и сохраняется способность оценивать компетентность историков, которые предохраняют от разрушения само здание профессиональных исторических знаний.

В моменты смены парадигм и радикальных ревизий аргументы и обоснования, т.е. сама историческая эпистемиология, выходят на первый план в профессиональном сообществе и делают тем самым возможным диалог между сторонниками разных версий. Именно здесь история, как пишет А. Мегилл, «должна быть не только (в некоторых ее аспектах) эстетической практикой, но также и научной дисциплиной, т.е. организованным получением знаний теми коллективами, которые разделяют принципы и практику точного, методического и непрерывного конструирования, деконструкции и реконструирования исторического прошлого»¹.

И здесь я задаю один из старых вопросов: каковы условия приближения к истине и интеграции нового знания в существующий корпус достоверных знаний? Каковы условия сохранения исторического знания от внедисциплинарных воздействий политиков, идеологов, намеренных шарлатанов и поверхностных энтузиастов? Ясно, что каждое новое поколение будет открывать в истории те ее стороны, которые наиболее значимы для его сегодняшнего суще-

ствования и восприятия мира, и каждое новое государство будет выстраивать собственную непрерывную историческую версию. Главное, чтобы эти версии имели в основе профессиональное историческое знание и не были заточены на создание образа врага и на разжигание межгрупповой и межгосударственной вражды. По этому вопросу среди историков разных стран возможны договоренности. Даже в худые времена холодной войны, в 1970-е гг., действовала советско-американская комиссия историков по устранению из учебников идеологизированных и необоснованных оценок и фактов истории одной страны в учебниках другой страны. В нашем архиве сохранился текст совместного заключительного доклада, который не был, к сожалению, опубликован, но использовался профессионалами.

В национальных историях и в мировой истории есть морально-ценностные моменты и трактовки прошлого, которые имеют особое общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для той или иной страны, этнической, религиозной или расовой общности и даже для населения целого континента. При разнообразии мнений и дебатов среди ученых на уровне массового потребления исторического знания существуют определенные ограничители и сдерживающие факторы публичных интерпретаций. Профессиональные историки не могут считать себя исключительными владельцами знаний прошлого без учета общественных настроений, символических ценностей, группового достоинства, интересов формирования национального самосознания или идентичности.

Для меня, как ученого-историка, нет непререкаемых постулатов. Но своим опытом и гражданским чувством я понимаю, что нельзя исторически необоснованными фактами подвергать тотальной ревизии, а тем более оправдывать колониализм, расизм, нацизм, терроризм, ксенофобию, а также исторические трагедии, как Холокост, сталинские репрессии, погромы китайских хунвэйбинов, полпотовский или руандийский геноциды. В 2010 г. – год 65-й годовщины Победы над гитлеровской Германией – особо нуждаются в защите со стороны историков такие явления и факты, как правовое дело антигитлеровской коалиции, гуманистическая деятельность отдельных лиц, организаций, движений и стран в годы Второй мировой войны. Но только где пределы политико-правового вмешательства и что составляет исключительный домен самих

историков-профессионалов. Как по этим вопросам должны взаимодействовать историки разных стран между собой?

Мне кажется, что мы возвращаемся к временам конструирования изгоев и непримиримых идеологических противостояний. Такое впечатление, что в мировой истории заложена закономерность, что после одной глобальной битвы должна обязательно следовать другая. У меня, например, вызывает беспокойство отсутствие реакции со стороны исторического сообщества на правовые нормы в некоторых странах бывшего СССР, в которых предусматривается уголовное наказание за те или иные интерпретации советского прошлого или за использование его символов. В то же самое время мы имели недавно со стороны части научного сообщества попытку оказать давление на российских историков по обсуждению проблемы исторических фальсификаций. Я это расцениваю как рудимент холодной войны. Профессиональным историкам предпочтительнее общаться и выяснять вопросы в диалоге, а не устраивать интернет-петиции, похожие на советские кампании позора.

Примечание

¹ Мегилл, А. Историческая эпистемиология. М., 2007. С. 197.

ПРО РАЗНЫЕ ИСТОРИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕРГЕЯ НАРЫШКИНА)*

Что пишут историки и что читает народ?

Для внешнего обозревателя историческая наука представляется меньше всего наукой, а некой разновидностью хобби или интеллектуального предпринимательства. Историю в той или иной степени знают многие, причем, лучше, чем физику, астрономию или языкознание. Несколько меньше, но также много людей, которые занимаются историей в любительско-краеведческом или публицистическом плане. И, наконец, в стране есть несколько десятков авторов, которые пишут на историческую тему коммерчески выгодные книги, как это делает «Малахов-плюс» по проблеме здоровья или Мулдашев по эзотерике. В последней, кстати, многое замешано на псевдоисторической аргументации. В то же самое время в России есть достаточно развитое школьное и вузовское историческое образование, а также система подготовки кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук). Общая численность дипломированных российских историков составляет десятки тысяч человек, из которых не менее 4–5 тыс. профессионально занимаются исследовательским трудом. Только в 18 научно-исследовательских институтах, входящих в Секцию истории Отделения историко-филологических наук РАН, трудится более 2 тыс. историков. Не меньшее число составляют университетские профессора исторических факультетов, многие из которых также занимаются научным трудом, а не только читают лекции. По-крайней мере, учебники и учебные пособия по истории пишут в основном они, оттеснив в последние годы от этого занятия историков сугубо академического профиля.

* Этнопанорама. 2011. №1–2 (Статья опубликована в журнале «Вестник Российской нации». 2010. № 4–5).

Возможно, так и должно быть, однако то, что ученые-исследователи фактически перестали писать книги научно-популярного толка вместе с кончиной соответствующей серии в издательстве «Наука», плохо. Кстати, свою первую книгу «Страна кленового листа. Начало истории» (М.: Наука, 1977) я опубликовал именно в этой серии тиражом 83 тыс. экземпляров. Один канадский коллега в те годы как-то заметил в разговоре со мною: «Этого не может быть, и все эти экземпляры где-то лежат на складе». А у меня у самого не осталось ни одного экземпляра, даже чтобы сканировать для собственного сайта в Интернете! Надо сказать, что моя первая книга про раннюю историю Канады была далека от занимательной истории или яркой исторической публицистики, но тем не менее у нее в те годы был свой читатель. Точно так же разошлась 60-тысячным тиражом книга про современных индейцев США и Канады («Тропую слез и надежд». М.: Мысль, 1990), хотя этот текст был совсем не «а ля Кастанейда», о котором советский читатель тех лет фактически еще ничего не слышал.

Серьезную историческую литературу отечественная публика вполне уважала, предпочитала читать и держать в своих библиотеках. Книги моих старших коллег по академии, ныне уже покойных, Е.В. Тарле, В.П. Волгина, И.И. Минца, Б.А. Рыбакова, В.Г. Трухановского, И.Р. Григулевича, М.В. Нечкиной, А.М. Самсонова и других расходились по стране тиражами в десятки тысяч экземпляров. Сейчас вместе со мною в РАН работают не менее выдающиеся мастера, но тиражи их книг не превышают одну тысячу экземпляров: ровно столько издательство «Наука» печатает копий на получаемые по издательским грантам средства из РГНФ, РФФИ и Президиума РАН. Продажей и получением прибыли за счет тиражей главное научное издательство страны не занимается, у него нет даже собственного магазина в Интернете, в результате изданный нашим институтом в серии «Народы и культуры» историко-этнографический том «Русские» был опубликован тиражом одна тысяча экземпляров и допечатан после получения нового гранта. Хотя только одна эта книга могла бы приносить большую и постоянную прибыль издательству, а российская читающая публика имела бы наиболее достоверное и полное изложение истории, материальной и духовной культуры русского народа вместо дореволюционных переизданий или современных подделок под «русскую тематику». Лежит, например, на книжных полках изданная в крупнейшем издатель-

стве «ОЛМА-ПРЕСС» книга университетского профессора под названием «Русские в XX веке», но в ней совсем не про русских, а про тех, кто им постоянно строил в истории разные козни. Таким образом, начнем с того, что профессиональная академическая наука отчасти сама сдала свои позиции из-за слабой квалификации, идеологической заангажированности или тривиальной ленности как авторов, так и издателей.

Поле профессиональных текстов стало за последние 20 лет гораздо более разнообразным и привлекательным по форме и содержанию, но этого оказалось недостаточно, чтобы просвещенный народ сохранил привычку читать и доверять профессионалам историописания, а тем более иметь качественные книги в доступности на книжных полках и в библиотеках. Отыграть эту ситуацию достаточно сложно, но возможно. Добротные и новаторские исторические исследования, особенно с элементами открытий и новизной интерпретаций, становятся бестселлерами во многих странах, где средний читатель даже менее грамотен и любознателен по сравнению с россиянами. Необходимо возродить своего рода «народную библиотеку по истории» и сделать книги этой серии доступными на уровне так называемого «аэропортного чтения». Посмотрите, ради интереса, какие книги и каких авторов продают в зарубежных международных аэропортах, и что продается в Шереметьево и Домодедово. Сравнение будет явно не в нашу пользу, хотя на Западе печатной мишуры также хватает, но языческо-эзотерические и расистско-националистические бредни или откровенная политическая заказуха на лицензионных печатных станках не печатаются и на полки не выставляются.

Для того, чтобы просветиться по части того, «что читает народ» по истории, достаточно подойти к любому книжному магазину-развалу на улицах наших городов, к книжно-газетному киоску в российском аэропорту или зайти в московский «Библи-глобус». Здесь разница будет невелика: сегодня, как пять и десять лет тому назад, и повсеместно – от Москвы до самых до окраин – продаются книги на одни и те же темы и примерно тех же самых авторов. Не буду называть фамилии: среди них есть известные политики, писатели и журналисты, но не меньше шарлатанов и человеконенавистников, против которых возбуждались уголовные дела и даже выносились решения. Темы, которые «продаются», – это выдуманные праистории велесово-ведического цикла и протославянские фантазии, рат-

ные дела и оружие древних предков, про евреев и про разные заговоры против России, про генералиссимуса Сталина и про подвигокозны спецслужб, про «исламские» и «оранжевые» угрозы. Наконец, это про чудесных царей и цариц, про Горбачева с Ельциным – могильщиков великой державы СССР.

Еще совсем недавно мне было довольно стыдно смотреть на книжный прилавок в здании Государственной Думы. Сейчас там продаются книги немного посolidнее и во много раз дороже изза их золотых обзоров и золотых букв с гербами на обложках. Но вся эта низкопробная макулатура на историческую тематику расползлась по стране, тиражируется самыми известными издательствами и уже красуется на полках районных, университетских и даже школьных библиотек. Фоменко, Пикуля, Гумилева, Радзинского, Кастанейду и подобных авторов будут издавать еще долго, и противостоять новой рыночной истории фактически невозможно. Здесь можно предложить только две стратегии привития навыка к качественной литературе по истории у читателя и повышения критериев отбора у издателя. Первая – это грамотное и ответственное преподавание истории в школе и вузе. Второе – это уже упомянутое пробуждение академических историков от неспешного писания исключительно для самих себя. Наконец, срочно необходим диалог профессионалов и любителей историописания с участием издателей. Но как сформировать новый спрос на качественную историю, мне сказать трудно. По крайней мере, я не думаю, что государственные реестры по защите главных тем отечественной истории и тем более правовые нормы по поводу того, как писать и даже как преподавать историю, могут радикально улучшить ситуацию.

В России действительно «умственный разброд» по поводу того, что было в прошлом. Как пишет С.Е. Нарышкин, «в итоге – всеобщая историческая путаница, разруха в головах, как сказал классик. Учителя в школе и преподаватели в вузах подчас затрудняются в трактовках тех или иных исторических событий, боятся и не хотят отвечать на «неудобные» исторические вопросы, отсылают учащихся к противоречивой литературе и текстам сомнительного содержания. И без того в целом ряде сюжетов и персонажей нуждающаяся в дальнейших серьезных исследованиях отечественная история покрывается еще большим туманом субъективных интерпретаций, завесой фальши и невежества. В общем, получается замкну-

тый круг: историческая неразбериха питает почву для исторических фальсификаций, которые, в свою очередь, еще больше усиливают историческую неразбериху». Но тогда, может быть, просто нужно пережить этот момент и подождать прихода нового поколения историков и их читателей? Ну, а если это надолго? Тогда где же выход? Сергей Нарышкин предлагает искать его в создании новых эталонов общенациональной истории. На этот счет необходим более чем серьезный разговор.

Как преподается история и в чем суть проблемы?

Преподавание истории – одна из самых острых и постоянно обсуждаемых проблем среди ученых-гуманитариев и общественности. В истории нашей страны было несколько известных дебатов и даже партийно-правительственных решений по поводу преподавания истории в школе. В начале 1930-х гг. было даже решение о создании единого учебника по истории для советской школы, и по конкурсу таким образцовым учебником для младших классов был признан учебник истории автора Шестакова. Мои школьные 1950-е гг. прошли по учебнику истории, написанному академиком А.М. Панкратовой. Затем были учебники академиков Б.А. Рыбакова и М.В. Нечкиной, профессора А.А. Преображенского. По всеобщей истории авторами учебников были академики С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов. Скажем откровенно, что эти учебные версии были не просто «идеологически выдержаны», они были лишены самой живой ткани истории в ущерб схемам, а также замалчивание важнейших событий, героев и вклада в российскую историю разных народов и групп населения. Но в любом случае эти учебники были написаны профессионалами высшего класса, довольно хорошо владевшими писательским пером, были националистичны и этноцентричны в том смысле, в каком обычно и пишутся школьные учебники. Их самой слабой стороной было обеднение из-за классового подхода. Этот опыт школьного историописания стоит вспомнить на предмет извлечения из него кое-чего полезного для нынешней дискуссии.

Что же касается моего обучения на историческом факультете МГУ в 1959–64 гг., то это было довольно жесткое время, когда высокий профессионализм многих профессоров сочетался с начетничеством, постоянными разоблачениями «буржуазных фальсифика-

торов», конъюнктурными исправлениями оценок этапов советской истории после смерти очередных вождей. Я еще застал отголоски «дела Краснопевцева», когда за два года до моего поступления на истфак был арестован и получил 10 лет мордовских лагерей студент-историк Лев Краснопевцев (ныне здравствующий директор одного из участвующих московских музеев истории предпринимательства). И всего-то вместе с группой единомышленников он составил листовку по поводу «кризиса социализма». Во время моей учебы был изгнан из университета мой сокурсник Андрей Амальрик – также всего лишь за симпатию к норманнской теории происхождения Руси. Хорошо помню это позорное комсомольское собрание факультета, когда исключали из комсомола Амальрика и где с жестокой речью выступил Б.А. Рыбаков. Нет, такого времени нам больше в исторической среде не надо, хотя, к большому сожалению, и сегодня могут найтись молодые хунвейбины-погромщики и идеологически строгие профессора. На этот счет можно только сказать фразой почти забытого Юлия Фучика: «Люди, будьте бдительны!».

В последние десятилетия вопрос о школьной истории и о национальных версиях прошлого тесно переплелся с проблемами глобальных переоценок после окончания холодной войны или периода «большого противостояния», с проблемами государствовоительства после распада СССР и Югославии, с причудливыми трансформациями национализма и поисками национальной идентичности. Сразу же скажу, что не следует все эти вопросы и проблемы сваливать в одну кучу. Сначала полезно разобраться хотя бы в вопросе о преподавании истории и о возможности «эталонной истории».

Следует признать, что в обществе существуют как бы несколько вариантов обращения к истории. Один из них – это научная историография, т.е. академическая версия прошлого, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Но есть и так называемая фольклорная история (народная или устная история), есть история, воплощенная в местах памяти, музейных экспозициях, календаре и топонимике. Есть история национального и этноконфессионального самосознания – своего рода история формирования, конструирования, эволюции идентичности народа или регионально-этнического сообществ в рамках одного государства. Наконец, сегодня можно говорить о медийном варианте исторической презентации, которая

воплощается в многочисленных исторических сериалах, блокбастерах, телевизионных шоу, типа нового проекта на Пятом канале РТ «Суд истории». Скорее всего, правильнее было бы назвать все эти варианты жанрами исторических презентаций, но в некоторых аспектах – это больше, чем жанр. Так, например, создатель фильма на историческую тему может пренебречь фактической точностью, исторической повествовательностью и даже позволить себе чистый вымысел, если того требует художественный замысел. В какой-то мере драматическая сторона телевизионных шоу также представляет собой антипод академической трактовки тех же самых тем и проблем. Но нужно сказать одно, что все названные варианты историй имеют прямое отношение к формированию и существованию национального самосознания.

В каком-то смысле школьная история есть одна из особых форм бытования и использования исторического знания. Ее отличительная черта – это наличие гораздо в большей степени политического воздействия и правительственного контроля прежде всего через такие механизмы, как учебные планы и программы (курукулумы) и система экзаменования (сейчас она «единая государственная»). Казалось бы, такой нейтральный механизм, как план и сетка учебных часов, на самом деле может значить очень многое, а именно: сколько физического времени отводится в школьных классах на изучение истории и, прежде всего, национальной истории. Объем и глубина знаний о собственной стране напрямую зависят от того, насколько подробно или селективно преподается соответствующий предмет. Есть и самый непосредственный путь вмешательства власти в школьные версии истории – через учебные материалы, которые получают своего рода сертификаты на использование от государственных образовательных структур разного уровня. В некоторых странах школьные исторические учебники должны быть «допущены» центральным министерством. В некоторых странах – это прерогатива регионов (штатов, провинций и т.п.).

В некотором смысле школьная история – это своего рода вариант официальной истории. Во многих странах содержание программ решается правительствами, и учителя обязаны по закону обучать темам, которые всегда включают национальную историю с некоторыми различиями. В демократических странах по этому поводу происходят общественные дискуссии, но все равно учебные версии – это не рыночный продукт. Последним можно назвать телеви-

зионные исторические сериалы, которые могут иметь широкую популярность и даже воздействовать на обучающихся не меньше школьных версий. И все же, при всей критике исторических учебников для школы, они остаются основным инструментом обучения истории.

Давление на школу и формы контроля по части преподавания истории исходят не только от правительства, но и от разных сегментов общественности (политических партий, общественных организаций, родительских сообществ, церкви и т.д.). Причина этих устремлений – озабоченность тем, чтобы история вносила свой вклад в обучение социальным нормам и моральным ценностям, которые в тот или иной момент доминируют в обществе или которые хотели бы внедрить в общество те или иные влиятельные институты, а иногда – даже отдельные личности или группы. В настоящее время история должна доказывать свою полезность и необходимость в условиях ограниченного школьного времени и при конкуренции таких новых дисциплин, как граждановедение, краеведение, обществознание. Обсуждение этой проблемы имело место на страницах многих журналов, в том числе и таких, как «Teaching History». В 1999 г. обсуждалась тема *History, Identity and Citizenship* (англ. История, Идентичность и Гражданство). В России эта проблема постоянно обсуждается на страницах старейшего журнала «Преподавание истории в школе», который, кстати, в рознице купить сегодня невозможно.

Эмпирические данные о влиянии преподавания истории в школе на национальную идентичность довольно ограничены. Английский историк П. Бриндл показал, что даже в начале XX в. традиционные национальные истории подвергались постоянной критике. К тому же в классных комнатах малоквалифицированные учителя часто учили совсем не тому, что было заложено в программы и написано в учебниках¹. Заслуживает внимания и такой аргумент: в Шотландии, например, история собственно Шотландии преподавалась в школах всегда в урезанном виде, но это никак не отразилось на сохранении сильной шотландской идентичности. Тоже самое можно сказать о национальных версиях школьной истории в других странах, где чаще всего эти версии крайне централистские или этноцентричные и они не оставляют места для мини-национальных версий (например, каталонской, корсиканской, бретонской или ирландской). Здесь почти всегда идет жестокая борьба за

исторические интерпретации, и этот опыт для России может быть полезен. По крайней мере, с учетом многоэтничного состава населения и федеративного устройства этот опыт более интересен, чем провальные проекты единых европейских учебников.

В 1970–80-е гг., когда я изучал проблемы преподавания истории в США и Канаде, то столкнулся с жестокими баталиями по этим вопросам. В США бестселлером была книга Фрэнсис Фитцджеральд «Пересмотр Америки», посвященная искажениям в школьных трактовках американской истории², а в Канаде скрыто обсуждалась и тайно рекомендовалась книга квебекского интеллектуала Луи Бержерона «Учебник патриота», в котором история французской Канады излагалась совсем по-иному и с отчетливо сепаратистских позиций³. Кстати, такие «учебники патриотов» появились сначала и до сих пор существуют в большом количестве в США. Их некое подобие есть теперь в России, Украине, странах Балтии.

История и идентичность

Школьная история и национальная история – это связанные понятия, ибо курсы отечественной истории попали в школьные учебные программы многих стран еще на заре становления национальных систем образования именно в качестве обязательных предметов обучения. Введение этих курсов было связано с системой всеобщего обучения и с расширением круга обладателей избирательного права. По крайней мере, так было в Великобритании во второй половине XIX в.⁴, а также в других европейских странах. История становилась обязательным школьным предметом во всех новых независимых государствах как в эпоху деколонизации после Второй мировой войны⁵, так и после распада СССР, когда в новых постсоветских государствах введение обязательных курсов не было новинкой, но новой была задача создать версии национальной истории для каждого из государственных образований⁶.

Не менее значимым моментом в истории вопроса был интерес Европейского совета к школьному преподаванию истории на континенте, который проявился почти одновременно с самыми первыми европейскими институтами и формами интеграции. С конца 1950-х гг. Совет Европы спонсировал много конференций и семинаров для учителей, а также заказные исследования. Последние показали, что национальные истории безраздельно доминировали

в школьных курсах повсеместно. Кроме этого, национальные ориентации мировидения влияли и на то, чему обучали учеников по предмету мировой истории. Например, тема великих географических открытий XV–XVI вв. присутствовала во всех школьных евоверсиях истории, но выбор путешественников и первооткрывателей почти всегда делался в пользу соотечественников. Нам это хорошо известно по шутливой поговорке «СССР – родина слонов».

В западноевропейских версиях национальный уклон особенно затрагивал трактовку средневековой истории Европы, а также религиозную историю, в которой совсем не замечалось присутствие ортодоксального (православного) христианства. История Китая, Индии или африканских стран рассматривалась исключительно в контексте колонизации и в крайне урезанном виде. Точно так же с выборочных позиций в каждой стране рассматриваются важнейшие международные события и многосторонние договоры, как, например, Первая мировая война и Версальская система устройства послевоенного мира.

Спустя полвека ничего особенно не изменилось. Национальные исторические нарративы доминируют в школьном обучении и определяют школьные исторические программы. Это показало обследование школьных программ в 12 западноевропейских странах в 1990-е гг.⁷, а также последующие доклады в рамках Совета Европы, которые охватывают более широкий круг стран. Попытки ввести в европейские школы больше материалов по всеобщей истории вызвали ответную реакцию, и многие страны пересмотрели свои учебные программы по истории именно под углом укрепления национальных версий и придания им большей целостности и последовательности вместо разных увлечений междисциплинарностью и прочими методическими новациями.

В странах бывшего СССР вообще поступили более чем определенно: национальные нарративы были сконструированы на постколониальной парадигме, избавлении от имперского господства и восстановлении древней исторической государственности титульной этнонации. Все это сейчас вызывает недовольство многих людей и групп населения как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Серьезные разборки, видимо, еще впереди. Но одно можно сказать определенно: эталонных версий для стран Средней Азии, Закавказья и даже Балтии создать не удастся. Даже в советское время мой ныне покойный учитель академик А.Л. Нароч-

ницкий, возглавляя Институт истории СССР, не смог реализовать свой самый амбициозный проект – написание 4-томных региональных историй Средней Азии и Закавказья. Максимум, что вышло – это два тома из четырех по истории Северного Кавказа. Но это – отдельная история, требующая особого анализа и обсуждения.

Тем не менее, за последние полвека, к началу XXI столетия содержание школьных историй изменилось. В центре осталась история собственной страны, но это уже была не только политическая, но и социальная история, включая историю всех основных групп (этнических, расовых, религиозных) и категорий населения (женщины, молодежь, старшее поколение, инвалиды и т.д.). Изменился метод обучения истории, который сделал предмет истории менее авторитарным и монолитным как катехизис. В ряде стран внедрили источниковый метод, когда ученик больше задумывается над историческими свидетельствами и рассматривает их с разных точек зрения. В 1970–80-е гг. был популярен «ценностный подход», когда детей обучали не столько на основе хронологической последовательности событий, сколько тому, чему учат те или иные исторические события (неравенство, насилие, патриотизм, толерантность и т.п.). Однако хронологический подход остался доминирующим, по крайней мере, в европейской школьной истории. Новейшие периоды истории обычно имеют более всемирный характер изложения, хотя эта всемирность ограничивается чаще всего показом роли немногих великих держав и не более того.

Существенной новацией школьных версий национальных историй стало появление их различных региональных вариантов. На Британских островах, в Швейцарии, Бельгии, Испании, Германии монолитным интерпретациям пришли на смену более открытые и сложные по набору фактов и героев истории. Другими словами, каталонский вариант школьной истории Испании отличается от мадридской (кастильской) версии, равно как ольстерцы и шотландцы имеют отличительные варианты национальных историй⁸. Но вот только что есть национальная история для дублинского школьного учителя? Этот вопрос остается без ясного ответа: для одних – это британская история, для других – это история Шотландии и шотландцев. Фактически региональная история Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии преподается как национальная в пику или в дополнение к общебританской версии прошлого. И все же главная причина сдвига в содержании национального нарратива для школь-

ников заключается в том, что сами нации теперь рассматриваются не как культурные монолиты, а как сложные сообщества, включающие в себя разные этноконфессиональные традиции.

Степень изоляционизма национальных версий разная в различных странах. Во французских или итальянских школьных учебниках можно встретить ссылки на Великобританию при изучении истории индустриализации, парламентской демократии или конституционной монархии, но из английских учебников ученики мало что узнают об истории Италии и Франции. Сравнительный контекст – это один из критериев открытости или изоляционизма школьной истории. В этом отношении российские учебники выглядят гораздо предпочтительнее: уж про революции и про национально-освободительные и социальные движения, а также про войны российские школьники получают вполне приличные сведения, причем не только на отечественных материалах.

Почему в школьных историях национальная версия прошлого стоит на первом месте, казалось бы, вполне ясно: свою историю нужно знать и передавать следующим поколениям. Отечественная история – это существенный компонент национальной идентичности. Считается, что общество, которое не интересуется его прошлое и которое не озабочено его содержанием, рискует потерять свою идентичность. Но на этот резон иногда выдвигаются противоположные аргументы. Так, например, известный историк Эрик Хобсбаум предупреждал о риске связывать историю с национальной идентичностью или же строить последнюю на основе исторического материала: «Все человеческие индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм»⁹. По мнению историка, именно школьная история есть то самое место, где и когда чаще всего из истории рождается миф. «Почему все режимы принуждают молодых людей изучать в школе историю? Не для того, чтобы понимать свое общество и как оно меняется, а для того, чтобы принять это общество как свое, гордиться им и стать хорошим гражданином США или Испании, или Гондураса, или Ирака... История как форма вдохновения и как идеология заключает в себе способность становиться самооправдательным мифом»¹⁰.

В настоящее время концепции национальной идентичности уже не рассматриваются как сугубо основанные на прошлом опыте страны и ее народа. Важные компоненты формирования национального самосознания – это религия, язык, символичные ритуалы и памятные места, праздничные дни, художественная культура и СМИ. Сегодня влияние телевизионных спорта и кино не менее значительно, чем школьная история, которую зачастую подвергают жестокой критике те же самые популяризаторы, питающиеся от профессионального знания и от собственного воображения. Да и саму школьную историю некоторые ученые считают основанной на мифических интерпретациях. Как пишет Э. Смит, национальное прошлое в качестве компонента идентичности «содержит зерна исторических фактов, вокруг которых вырастает опухоль преувеличений, идеализации, аллегорий и искажений, а вместе они составляют широко разделяемый исторический рассказ о героическом прошлом, который служит коллективной потребности в настоящем и в будущем»¹¹. Подобные школьные версии характерны для большинства национальных сообществ и культурно отличительных общин. Нейтральные и неэтноцентристские версии представляют собой скорее исключение, чем правило.

Аналогичной позиции придерживается исследовательница вопроса о школьном преподавании Энн Лоу-Бир, которая относится к энтузиастам нормативного общеевропейского подхода к школьной истории. Она пишет следующее: «Возможно, пришло время освободить школьную историю от установки, что ее главная цель – это формирование чувства национальной идентичности или же обучение гражданским нормам и ценностям, или же ознакомление с наследием... Для этого имеются другие школьные предметы, включая географию, литературу, музыку, но почему-то формирование национальной идентичности не является их главной целью. Их цель – это получение представлений и понимание данных форм знания и расширение культурных горизонтов обучающихся. Правительственный контроль за школьной историей делает ее легкой жертвой националистической пропаганды. История в ее многих формах легче всего подвергается деформации в школьных классах. Изучение «национальной» истории в школе является всеобщей практикой, но оно должно представлять собой введение в «историю» общества, в котором живут ученики, а также давать навыки исторического мышления. Чувство идентичности, личностное или

национальное, есть то, что ученики в конечном счете вырабатывают для себя сами из самых разных источников»¹².

Мне обе вышеобозначенные позиции представляются своего рода проявлением общеевропейской кичливости изошренных интеллектуалов. Не называю их взгляды космополитичными, но в чем-то они схожи с таким мировидением, к которому, по крайней мере, страны-новообразования или пережившие геополитические катаклизмы не готовы.

Есть еще один важный вопрос: как развести два фундаментальных понятия – «история как описание прошлого» и «историческое наследие как часть культурного капитала человека и нации»? Эти две вещи связаны друг с другом, но не полностью идентичны. Как пишет на этот счет Д. Лоуэнталь, «наследие вообще не является историей, хотя оно пользуется и одушевляется историческим исследованием. Наследие – это не экскурс в прошлое, а прославление прошлого, это не попытка познать, что действительно было, а исповедание (практика) веры»¹³. Историческое наследие чаще всего выглядит и воспринимается как домашняя версия мифического прошлого, столь важного для чувства идентичности. Именно эта версия важна для воспитания ответственного гражданина, и потому школьная история в большой степени – это версия исторического наследия.

Примечания

- ¹ **Brindle, P.** History and National Identity in the Classroom // *History Today*. 1997. Vol. 47. № 6. P. 6–8.
- ² **Тишков, В.А.** История и историки в США. М.: Наука, 1984.
- ³ **Bergeron, L.** The History of Quebec. A Patriot's Handbook. Toronto, 1971.
- ⁴ **Marsden, W.** «All in a Good Cause»: Geography, History and the Politicisation of the Curriculum in Nineteenth and Twentieth Century England // *Journal of Curriculum Studies*. 1995. Vol. 21. № 6.
- ⁵ **Berghahn V., Schissler H.** (eds) Perceptions of History. International Textbook Research on Britain, Germany and the US. Oxford – Berg, 1987.
- ⁶ **По этому** вопросу смотрите изданную Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников книгу нескольких авторов: Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве. Брауншвейг, 2010, а также более ранние публикации под редакцией Бордюгова Г.; книгу Шнирельмана В.А. «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье». М.: ИКЦ Академкнига, 2003; Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств; под ред. А.А. Данилова и А.В. Филиппова. М., 2009.
- ⁷ **Stradling, R.** History and the Core Curriculum 12–16 // *Consortium of Institutions*

- for Development and Research in Education in Europe. 1993. Vol. 6. Enschede, The Netherlands.
- 8 **Phillips, R.**, Goalen P., McCully A., Wood S. Four Histories, One Nation? History Teaching, Nationhood and a British Identity // Compare: A Journal of Comparative Education. 1999. Vol. 29. № 2.
 - 9 **Hobsbawm, E.J.** On History. L.: Weidenfeld and Nicholson. 1997. P. 357.
 - 10 **Smith, A.D.** Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. P. 53.
 - 11 **Low-Beer, A.** School History, National History and the Issue of National Identity. www.heirnet.org/IJHLTR/journal5/Low-Beer.pdf
 - 12 **Там же.**
 - 13 **Lowenthal, D.** The Heritage Crusade and the Spoils of History. L.: Viking, 1997. P. X, 110–111.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Издаваемая в Оренбурге книга с перепечаткой моих статей в журнале «Этнопанорама» за двенадцатилетний период потребовала от меня небольшого заключительного рассуждения. Оно связано в большой степени с завершением президентства В.В. Путина, избранием нового президента Д.А. Медведева и происходившими в этой связи оценками как итогов пребывания Путина у власти, так и предшествовавшего этому времени 1990-х гг.

Должен сказать, что современность оценивается лучше из лучшего прошлого. Ибо позитивные свершения в настоящем являются подлинно таковыми, если они есть преемственное улучшение. Бывают редкие случаи революционного отказа от старого порядка, но даже здесь опасно тотальное отрицание, ибо несостоятельность правящего режима и социальных условий жизни еще не означают ущербность повседневной жизни людей, их устремлений, морально-целевых установок, гражданской ответственности и некоторых сфер государственной политики. Если радикальная трансформация общества строится на революции двойного отрицания, как это случилось с распадом СССР, тогда неизбежны настроения ностальгии или реванша, которые возникают сразу или спустя некоторое время.

Именно так обстояло дело в России в эпоху позднего Горбачева и раннего Ельцина, т.е. в период конца 1980 – начала 1990-х. Общество было перегружено социальными переменами и поэтому даже явно положительные изменения в жизни людей далеко не всегда воспринимались таковыми. Материальные улучшения и личностные свободы зачастую перечеркивались неприятием новых имущественных контрастов и непривычных для большинства людей жизненных ценностей. Многих больше беспокоило снижение мирового статуса страны, ее военной и политической мощи, сокращение государственного патернализма, чем удовлетворение от устранения дефицита товаров и услуг, от возможностей получать землю и строить дома, заводить свое дело и зарабатывать деньги, свободно получать разнообразную информацию и путешествовать.

Последнее десятилетие XX в. стало временем серьезного внутреннего раскола российского общества. Главным был поколенческий раскол, хотя и не выраженный в открытой форме. Старшее поколение почти все осталось в прошлом, открыто осуждая перемены и тех, кто их воплощал или пользовался их возможностями. Правда, это осуждение не распространялось на собственных детей и внуков, которые в большом числе оказались гораздо более способными и успешными в новых условиях, чем их отцы и деды. Среднее поколение расколослось неравномерно. Меньшинство, оказавшееся при должностях, полезных связях или с чертами предприимчивости, стали обладателями собственности, ресурсов и просто больших денежных сумм. Они стали богатыми россиянами, или «новыми русскими», а к ним с каждым годом присоединялись все больше и больше людей среднего и выше среднего достатка. Те и другие не платили положенных налогов, и ни в какой официальной статистике их бюджеты не получали отражения, кроме списков журнала «Форбс» для самых богатых и некоторых социологических замеров для среднего класса.

По поводу среднего класса, а точнее – соотношения выигравших и проигравших от реформ были самые большие расхождения среди политиков и экспертов. Одни ученые на протяжении всех 1990-х гг. называли цифру 10% выигравших и 90% проигравших, другие называли цифру среднего класса в 25%. Ни те, ни другие не хотели признавать цифру 40–45%, которую давали самооценки россиян, когда их спрашивали про принадлежность к среднему классу. Комментаторы обычно ссылались на то, что наш человек, выйдя из нищеты, просто не знает, что такое принадлежать к среднему классу. Возможно, что так оно и есть. Но только ни в одной стране не зачислят в бедняки, в том числе и живущих на одну пенсию пенсионеров, тех, кто проживает в старых городских кварталах в квартире стоимостью в полмиллиона долларов и даже выше. Страхи, инерция или жадные внуки не позволяют им переехать к дальней станции метро в квартиру в несколько раз дешевле и тем самым обеспечить себе более чем высокий достаток до конца жизни. В мире таких людей – владельцев серьезной недвижимости – обычно относят к среднему классу. У нас пенсионер с миллионной квартирой – это бедняк.

Этнография российской жизни с точки зрения ненаблюдаемой статистиками и обществоведами экономики и реальных доходов

людей чрезвычайно причудлива. Риторика жалоб стала одной из важных стратегий оправдания неправового поведения, стремления получать незаконные доходы и не платить налоги. Наконец, обвинения в «развале страны» и в «геноциде народа» вошли в постоянный репертуар политической оппозиции коммунистического или ультранационалистического толка. Радикально-либеральная оппозиция после ухода из власти проклинает кремлевский режим за отказ от реформ и за скатывание в авторитаризм и даже в худших прегрешениях.

Прошлому российскому десятилетию не повезло: оно уже получило титул «эпохи хаоса», дожидаясь теперь только послушных историографов. Здесь сказались не только упоминавшиеся мною настроения реванша и ностальгии, но и неизбывное искушение политиков и комментаторов, особенно каждой новой правящей команды и обслуживающих ее экспертов, принизить или перечеркнуть прошлое, чтобы возвысить собственные планы и свершения.

Хотя, на мой взгляд, 1990-е гг. были далеко не самым худшим из всех предшествующих им десятилетий отечественной истории. Может быть кто-то сможет назвать лучшее время из тех, что мы помним, а не выучили из учебников? Но вся интрига в том, что следующее за ним время – 8-летнее президентство В.В. Путина – было гораздо более успешным, в значительной мере благодаря личности самого президента, но, отчасти, благодаря тем реформам и их продолжению, которые были до Путина и продолжились при Путине. С точки зрения исторических трансформаций, радикального разрыва между двумя десятилетиями и двумя правящими командами в России не существует. Минэкономики России во главе с Грефом, «Газпром» во главе с Миллером, РАО «ЕЭС» во главе с Чубайсом проводили при Путине тот же самый курс. Частный бизнес ничуть не изменился по своей природе и приоритетам. Он только стал несколько лучше платить налоги после истории с «ЮКОСОМ».

Что действительно изменилось при Путине уже после того, как мы в целом позитивно оценили в 1999 г. итоги российских трансформаций с точки зрения социально-культурной антропологии и сочли возможным открыть подборку своих публикаций из «Этнопанорамы» данной статьей? А изменилось следующее: страна стала жить еще лучше, причем значительно лучше по ряду направлений, которые во многом определяют восприятие страны и личной жизни. Назовем только некоторые моменты. После 2000 г. соци-

альное преуспевание российского народа продвинулось за пределы крупных мегаполисов. Сегодня другими стали не только Москва или Екатеринбург, но и подмосковные города Звенигород и Одиново, уральский Нижний Тагил и сотни средних и малых городов, которые в прошлом десятилетии оставались в застое и даже разрухе. Автомобилизация населения стала всеобщей, хотя нет хороших дорог и далеко не все сельчане при автомобиле, если не считать их городских детей. Радикально снизилось число бедных людей за счет роста заработной платы, пенсий и пособий. Инфляция съедает добавки, но постоянный рост потребления товаров, масштабы приобретения жилья, проведение отпусков и каникул говорят о том, что достаток присутствует уже у большинства населения. Мы можем и должны говорить о бедности в России, но уже не имеем права говорить о бедной России, как о ней отозвался президент в самом начале своего правления.

Но главные, на мой взгляд, достижения президентства Путина лежат в других направлениях. Первое – это укрепление российской государственности. Драма позднего Горбачева и раннего Ельцина была в том, что они, как когда-то сказал мне покойный академик Б.Н. Топорнин, «бросили государство в борьбе за Кремль, а оставлять государство без внимания нельзя ни на минуту». Путин ликвидировал очаг вооруженного сепаратизма и восстановил центральную власть по всей территории страны без исключения. Зная, какие внешние ресурсы были брошены на отделение Чечни и существовавшие настроения «отпустить Чечню» даже среди кремлевских советников, должен сказать, что это было историческое достижение. Клиентов на сессию в России теперь долго не найдется.

Второе достижение – это восстановление Россией (а точнее будет сказать – создание) статуса подлинно мировой и уважаемой державы (power). При этом следует учесть, что почти все постсоветские государства предпочли строить свою идентичность и вписываться в мировую политику через дистанцирование от России или даже на пути антироссийской политики. Далекими нашими симпатизаторами были и остаются все эти годы бывшие советские сателлиты, медленно изживающие коллективную травму от тяжелой руки Москвы. Озлоблен на Москву был и исламский мир за разгром чеченского сепаратизма под фундаменталистско-исламистскими лозунгами. Тем не менее, Путин изменил мировой климат

вокруг России. Не до конца и не во всем, но очень во многом и в очень важном. Одно решение по Олимпийским играм в Сочи стоит многих высоких мировых собраний и договоров.

Третье достижение – Путин как политик-государственник сформулировал и выразил, что есть Россия как народ и как государство. Он во многом заложил основы политики российского национализма как политики отстаивания национальных интересов страны внутри и на внешней арене. Будущие поколения россиян будут благодарны президенту В.В. Путину за сказанные им в Кремле 12 июня 2007 г. слова: «История и всевышний распорядились так, что на нашей огромной территории проживают представители разных этносов, религий и культур, но мы все – один народ, одна нация».

В свое время М.С. Горбачев вообще не думал на эту тему, оставаясь в плену старых клише «социалистического федерализма на интернациональной основе». Б.Н. Ельцин робко высказался на счет российской нации как будущей задачи государственностроительства. В.В. Путин ясно и неоднократно заявлял о том, что Россия с ее многонациональным народом в то же самое время есть государство национальное с российской гражданской нацией. Многочисленные попытки политических маргиналов повлиять на президента, чтобы он занял этнонационалистическую позицию, ничем не закончились. В то же самое время Путин очень много сделал, чтобы поддержать русский язык и русскую культуру в стране и за рубежом, защитить соотечественников, большинство которых считает себя русскими людьми или людьми, связанными с Россией. При президенте Путине укрепилась одна из основ российской государственности – религиозная византийско-православная традиция в лице Русской православной церкви.

Все эти позиции сегодня разделяет основной политический истеблишмент России. Насколько искренне и осознанно – судить не просто, ибо отрицателей России как состоявшегося государства-нации, как страны вполне нормальной и вполне успешной, таких отрицателей в разных вариантах еще много. Причем, как во внешнем мире, так и внутри страны. Одни считают, что Россия может развиваться только как империя, вернув себе все назад, что потеряла, и объявив один народ главным и единственным владельцем российской государственности. Другие считают, что Россия застряла между империей и нацией, ибо в стране нет свободных граждан, а есть только подданные, а это означает, что в стране не может быть

и гражданской нации. Наконец, третьи считают, что разговоры о гражданской нации – это пустое фразерство, и что нужно, как и в советское время, укреплять дружбу народов и интернационализм.

Должен заметить, что автор является давним и последовательным сторонником того, что поддерживать и развивать культуру и языки больших и малых народов страны необходимо, как и обеспечивать межэтнический мир и религиозное согласие. Но на фестивальной формуле дружбы народов столь сложный механизм, как Российское государство, тем более в эпоху больших геополитических соперничеств, на такой формуле такое государство не удержать. Для России формула единства в многообразии является более надежной.

Для меня лично демонстрировавшееся после футбольной победы всю ночь в Лужниках единство десятков тысяч болельщиков, которые принадлежали к самым разным российским национальностям, как и все российские спортсмены, дало ответ на вопрос, есть или нет один народ в нашей стране. Если кому-то этого не хватает, тогда можно подождать до очень вероятных побед нашей национальной(!) команды в Сочи, и уже эти ожидаемые солидарность и патриотизм нации не смогут опровергнуть никакие аргументы. Вновь избранный президент Д.А. Медведев подтвердил позицию прежнего президента по вопросу о нации, и он принес присягу «служить народу». Этот народ называется российским.

ТИШКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Известный российский ученый, историк, этнолог и антрополог, специалист по этнической истории, межэтническим отношениям, этнополитике и конфликтам, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии Российской академии наук, вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук.

Он автор многих монографий, в том числе «Очерки теории и политики этничности», «Этничность, национализм и конфликт», «Политическая антропология», «Реквием по этносу», «Общество в вооруженном конфликте»; автор и редактор энциклопедических изданий: «Народы и религии мира», «Народы и культуры».